

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 1-6
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ЯНВАРЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 1-6

Периодический научный сборник

*по материалам
X Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 1-6

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам X Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 января 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Баканова Ж.А.</i> ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	5
<i>Блинова М.П.</i> ЭКФРАСИС МУЗЫКИ В РОМАНЕ Й. МАКБЮЭНА «АМСТЕРДАМ»	7
<i>Боровицкая Е.И.</i> ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЦЕПТОВ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	11
<i>Дедюхин А.А., Дедюхина А.Г.</i> АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ	14
<i>Князева Е.С., Андреева С.А.</i> ВОЕННО-НАУЧНАЯ РАБОТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	18
<i>Коваленко О.Д.</i> ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В г. РОСТОВ-НА-ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	23
<i>Колесникова Ю.С.</i> МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.....	27
<i>Маклакова Е.А.</i> СЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ЛЕКСИКОГРАФИИ.....	29
<i>Медведкина К.А.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРРАТИВА	31
<i>Попова Л.Г.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ КАК КЛЮЧ К УСТАНОВЛЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СЛОВ (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ).....	35
<i>Рыбакова О.И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА МЕЖПРЕДМЕТНОЙ КООРДИНАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ У ИВС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	37
<i>Савина Е.М.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	40
<i>Трофимова Л.В.</i> МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ БАРБАРЫ ФРИШМУТ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОБ ОТНОШЕНИЯХ» («ÜBER DIE VERHÄLTNISSE»))....	44
<i>Чиронов С.В.</i> МОДАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ВЕРОЯТНОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ.....	50
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ».....	59
<i>Астраханцев О.Н.</i> ОБ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ И ПОРЯДКА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВВС В ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	59
<i>Герич А.А.</i> К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАНСКОМ КРАЕ: «ОТЧЕТ КАЗАНСКОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ОКТЯБРЯ 1919 г. ПО ЯНВАРЬ 1920 г.».....	61
<i>Ергалиев Ж.Х., Рахым А.Г.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «МӘҢГІЛІК ЕЛ» РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	63
<i>Козлова О.А.</i> РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В РОССИИ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В СФЕРЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	66

<i>Мезит Л.Э.</i> УЧАСТИЕ ШКОЛЬНИКОВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТАХ В ГОДЫ ВОЙНЫ.....	78
<i>Суворова А.В.</i> РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX в.	80
<i>Сущенко В.А.</i> НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ПОЛЬШИ В БОРЬБЕ ЗА ГОСПОДСТВО НАД РУССКИМИ ЗЕМЛЯМИ В XVII ВЕКЕ.....	84
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»	88
<i>Бушуева В.В.</i> НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЕГО ОСОБЕННОСТИ.....	88
<i>Изместьева Н.Н.</i> «ЗНАНИЕ» И «ИНФОРМАЦИЯ» КАК ДИХОТОМИЯ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА	91
<i>Лазуркевич И.Ф.</i> РЕЛИГИОЗНАЯ ДОМИНАНТА ТЕРРОРИЗМА	95
<i>Ядута Л.И.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ОБЪЕКТ	99
<i>Яровов А.Н.</i> ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ.....	104
<i>Яшин А.Н.</i> ИДЕИ И. БЕНТАМА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ПРАВОСУДИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	106
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ».....	110
<i>Логинова И.В.</i> ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ З.Г. САФАРГАЛИНОЙ (К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	110
<i>Нурова О.Г.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РОССИИ (НАЧАЛО XIX в.).....	112
<i>Платонова С.М.</i> ПЕРВАЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ – ПЕРМСКАЯ ПОСТАНОВКА ОПЕРЫ С. ПРОКОФЬЕВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»	114
<i>Покачалов М.В.</i> ПУЕРИЛИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	117
<i>Половянюк И.А.</i> ЕКАТЕРИНА II И ОПЕРА В.А. ПАШКЕВИЧА «ФЕВЕЙ».....	120
<i>Садуова А.Т., Хайдарова А.Г.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЫКИ И ЖИВОПИСИ: ПО СТРАНИЦАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРУДОВ	125
<i>Худяков К.С., Братухина Я.С.</i> ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	128
<i>Худяков К.С., Братухина Я.С.</i> ОБРАЗ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ В РАМКАХ ГЕОКУЛЬТУРОЛОГИИ	131
<i>Цицишвили Ю.Г.</i> КИНОИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧИНЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ	135
<i>Шефова Е.А.</i> «НА МОГИЛЕ РЕБЁНКА» И «МОТЫЛЁК» СЕРГЕЯ БОРТКЕВИЧА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ МОДУСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЕРОЕВ .	138

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Баканова Ж.А.

магистрант кафедры русского языка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Россия, г. Стерлитамак

В статье описывается возникновение понятия «языковая личность», его связь с такими дисциплинами, как психолингвистика и лингводидактика. Рассматривается появление термина в лингвистических справочниках и в научных исследованиях, определения Г. И. Богина и Ю. Н. Караулова.

Ключевые слова: языковая личность, психолингвистика, лингводидактика, антрополингвистика.

Одним из центральных в современной лингвистике является феномен языковой личности, приобретающий в науке категориальный статус. Потребность в понятии и рабочем термине «языковая личность» проявилась в 80-е годы XX века. Приоритет его разработки и использования принадлежит русской лингвистике, хотя идея рассматривать существование и функционирование языка в связи с его носителем – человеком – всегда была присуща языкознанию и является, как считает Ю.Н. Караулов, «по-видимому, столь же древней, как сама наука» [4, с. 671].

Исторические предпосылки возникновения существующей теории можно проследить начиная с XIX века. Так, уже в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова замечен интерес к особенностям языка индивидуума.

С 90-х гг. XX в. понятие *языковая личность* «становится стержневым, системообразующим филологическим понятием. Большинство исследователей в настоящее время оно оценивается как интегративное, послужившее началом нового этапа в развитии языкознания – антрополингвистики» [2, с. 241].

Широкая употребительность нового терминообозначения связывается учеными с его синтезирующим характером, отражающим междисциплинарность современных исследований человека, интеграцию гуманитарных наук, а внутри лингвистики – интеграцию различных ее областей при изучении рассматриваемого явления. Так, при подходе к проблеме с психологических позиций, отмечает Т.Г. Рублик, правомерным представляется рассмотрение психических процессов, лежащих в основе речи [5, с. 93]. Речь здесь понимается как один из видов деятельности человека и анализируется в общепсихологическом ключе. При подходе со стороны лингвистики эта проблема предстает как описание системы языка с позиции человека, владеющего системой национальных языковых средств. Важно отметить, что психолингвистическое направление изучения проблемы заложено еще в трудах И.А. Бодуэна де

Куртенэ, который рассматривал языковую личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива.

Выделяется, кроме того, лингводидактический аспект проблемы. «Современная лингводидактика, – отмечает Ю.Н. Караулов, – далеко продвинулась в понимании и разработке структуры и содержания «языковой личности»» [4, с. 29]. Последняя предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны, – по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [4, с. 42].

Важно отметить, что термин «языковая личность» находит отражение в лингвистических справочниках и в научных исследованиях, но отсутствует его единая трактовка.

Если обратиться к истокам употребления этого словосочетания, то оно появляется в 30-е гг. XX в. в работах В.В. Виноградова. Рассматривая изучение проблемы индивидуального в языке, ученый указал, что Бодуэна де Куртенэ интересовала языковая личность «как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [2, с. 61]. Однако можно отметить, что впервые введенное в научный оборот словоупотребление еще не носит строго терминологического характера, осмысление феномена, обозначенного словами «языковая личность», происходит только спустя полвека.

Так, в 1980 г. Г.И. Богин в книге «Современная лингводидактика» понимает под языковой личностью того, «кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3].

Немного позднее в книге «Русский язык и языковая личность» появилось определение Ю.Н. Караулова, трактующего языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [4, с. 245]. В этой же монографии автор дает и другое толкование: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 245].

Нужно заметить, что в приведенных определениях основателей теории языковой личности отражены ключевые элементы, на базе которых создано большинство более поздних дефиниций их последователей. Они связаны с обозначением 1) родового компонента, 2) уровня обобщенности объекта исследования, 3) главной области анализа данного феномена, в представлении авторов.

Сегодня современное языкознание предлагает еще несколько вариаций определения термина «языковая личность», однако все они обращены проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и

психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность.

Список литературы

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1984. 38 с.
2. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя // Избранные труды / Отв. ред. Д.С. Лихачев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1990. 386 с.
3. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского университета. 2010. №4(12). С. 24-32.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
5. Рублик Т.Г. Языковая личность и ее структура // Вестник Башкирского университета. 2007. №1. С. 93-95.

ЭКФРАСИС МУЗЫКИ В РОМАНЕ Й. МАКБЮЭНА «АМСТЕРДАМ»

Блинова М.П.

доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются особенности структуры и функции экфрасиса музыки в романе Й.Макбюэна «Амстердам». Основу экфрастических описаний составляют визуализации звуковых образов, обладающие архетипической семантикой и суггестивным потенциалом воздействия: вода, огонь, верх, низ и др. Данные оппозиции не только позволяют передать изменение мелодии, но и акцентируют мотив диссонанса, который становится ведущим в мировосприятии героя. Также экфрасис музыки является особым способом игры с читателем и средством реализации философского подтекста романа.

Ключевые слова: экфрасис, музыка, визуализация, архетип, суггестивное воздействие, философский подтекст, постмодернизм, Макбюэн.

Понятие экфрасиса стало популярным в области гуманитарных наук после симпозиума в Лозанне, который был посвящен изучению феномена взаимодействия искусств, при этом магистральным направлением исследований стало «описание произведений визуальных искусств в литературе» [1, с. 5]. Но существует и более широкое толкование экфрасиса как «всякого воспроизведения одного искусства средствами другого» [1, с. 18], что позволяет говорить, к примеру, об экфрасисе музыки в литературном произведении. Данная экфрастическая модель не получила еще должного научного освещения, поэтому мы попытаемся определить ее основные особенности и функциональный потенциал на материале романа «Амстердам» Й.Макбюэна – одного из наиболее значимых современных английских писателей.

Экфрасис музыки связан в произведении с образом главного героя, композитора Клайва Линли, от лица которого ведется часть повествования. Для него музыка – особый способ восприятия мира и интерпретации собы-

тий, сюжетов, образов. К примеру, библейский миф о грехопадении человека Клайв представляет как нисходящую мелодию: «Man's first disobedience, the Fall, a falling figure, an oboe, nine notes, ten notes. Clive...heard them descending from the G [4, с. 5] / «Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот...он слышал, как они спускаются от соль» [2, с. 3].

Толчком к возникновению мелодии в сознании Клайва может стать любой звук окружающего мира: топот занемевших ног превращается в «...десять нисходящих нот ритардандо, английский рожок, а в контрапункте с ним – мягко-восходящий мотив виолончелей» [2, с. 4] / «...the ten-note falling figure, ritardando, a cor anglais, and rising softly against it, contrapuntally, cellos in mirror image» [4, с. 6]. Музыка становится для героя образным представлением реальности, помогает через звуки уловить суть явлений, но внутренняя опустошенность Клайва и смерть его давней возлюбленной приводят к творческому кризису, что передается в романе через подчеркнута усеченные экфрастические описания, в которых преобладают не образы, а технические термины.

Получив ответственный заказ – написание «Симфонии тысячелетия» – Клайв отправляется в поисках вдохновения в Озерный край, где «он услышал музыку, которую искал», причем рождается она из звуков природы: «a large grey bird flew up with a loud alarm call as he approached. ..It gave out a piping sound on three notes, which he recognized as the inversion of a line he had already scored for a piccolo» [4, с. 90] / «Большая серая птица взлетела с тревожным криком при его приближении...Она издала тонкий крик, три ноты, в которых он сразу узнал обращение мотива, уже записанного им для пикколо» [2, с. 83]. Слова с семантикой звука задают начало экфрастического описания и одновременно показывают преобразование звуковой материи в сознании композитора: крик превращается в ноты и мотив.

Особенностью представления звуковых образов у Макьюэна является их овеществление: так, сложный диалектический характер музыки – дискретность и одновременно целостность – передается через визуализацию: «...little polished hinges swinging the melody through its perfect arc» [4, с. 90] / «Ноты были накрепко связаны между собой – маленькие полированные шарниры, на которых распахнется совершенная мелодия» [2, с. 83]. Ощущение легкости мелодии и снижение тона символизируют ступеньки, возникающие в сознании героя, и чувство полета: «An image came to him of a set of unfolding steps, sliding and descending – from the trap door of a loft, or from the door of a light plane» [4, с.90] / «В голове у него возник образ ступенек, плавно идущих вниз – от люка в мансарде или от двери легкого самолета...» [2, с. 83], а постепенное затихание звука – через образ тлеющего огня. Значение визуализаций усиливается за счет осязательных ассоциаций.

Конец непосредственного экфрастического описания связан с переходом к внешним действиям героя: «Он снова почти услышал ее, когда взобрался на верх наклонной каменной плиты и, остановившись, полез в карман за карандашом и блокнотом» [2, с. 83]. Семантика верха и низа представлена

и в экфразистическом описании музыки, и в повествовании о действиях Клайва, но в инверсированном виде: музыка снижается, герой поднимается. Тем не менее пространственные образы актуализируют внутреннюю связь между ними, возникающий диссонанс.

После действий героя следует оценочная часть экфразиса – впечатление героя от музыки, ее оценка: «It wasn't entirely sad. There was merriness there too, an optimistic resolve against the odds. Courage» [4, с.91] / «Не совсем печальная. В ней было и веселье, бодрая решимость перед лицом невзгод. Мужество» [2, с. 84]. Наличие подобное интерпретативной составляющей становится, по мнению Е.Г. Таранниковой, характерной чертой современных экфразистических описаний [3, с.102], что, на наш взгляд, связано с общей установкой постмодернизма на субъективность и релятивизм впечатлений.

В то же время данный экфразис противопоставлен реальной ситуации, свидетелем которой становится Клайв: нападение маньяка на женщину. Герой не помогает жертве, а убегает, чтобы сохранить музыку, звучащую внутри. Так Макьюэн поднимает извечный вопрос о моральной стороне искусства, соотношении «гения и злодейства», причем решает его отнюдь не как постмодернист: симфония Клайва оказывается провальной, а сам он убит лучшим другом, который счел поведение композитора в данной ситуации признаком надвигающегося безумия.

В последующих экфразисах симфонии, звучащей в сознании Клайва, повторяются те же визуальные и осязательные образы ступеней, полета, тумана, которые трансформируются в вихрь и цунами: «The ancient stone steps had been climbed, the wisps of sound had melted away like mist, ... then dissonance and whirling variations that spun away into space, ...; then the muted trombone again, and then, with a hushed crescendo, like a giant drawing breath, the final and colossal restatement of the melody ... which gathered pace and erupted into a wave, a racing tsunami of sound reaching an impossible velocity, then rearing up, higher, and when it seemed beyond human capability, higher yet, and at last toppling, breaking and crashing vertiginously down...» [4, с. 145] / «Уже преодолены древние каменные ступени, уже опали и растаяли туманные струйки звуков, ...затем диссонансов и вихри вариаций, отлетающие в пространство, чтобы больше не вернуться, ...затем опять засурдиненный тромбон, а затем в приглушенном крещендо – словно гигант набрал воздуха в грудь – последнее колоссальное воплощение мелодии ..., которая набирает ход, вздымается волной, стремительным цунами звука, разгоняясь до немыслимой быстроты, громоздится все выше – и обваливается, рушится головокружительно...» [2, с. 142]. Данная символика позволяет Макьюэну ярко передать нарастание силы звука, повышение и понижение тона, соединение музыкальных мотивов; само ощущение процесса звучания передают глаголы и существительные со значением движения. Вместе с тем символы содержат архетипический компонент, связанный с мифологемами верха, низа, воды, воздуха, полета, что позволяет автору актуализировать в сознании читателя матрицу ассоциативных значений и воздействовать на реципиента так же иррационально, как и настоящая музыка.

Обращают на себя внимание противопоставленные образы, формирующие систему оппозиций: огонь – вода, тяжесть – легкость, верх – низ, которые отражают не только сложный характер мелодии, сочиненной Клайвом, но и разлад в его душе. Отнюдь не случайно в экфрасисах «Симфонии тысячелетия» повторяется слово «диссонанс» – это итог развития человека и общества.

Экфрастические описания будущей симфонии, звучащей в сознании Клайва, противопоставлены ее реальному исполнению: «It all sounded different to him now. The theme was disintegrating into the tidal wave of dissonance and was gathering in volume, but it sounded quite absurd, like twenty orchestras tuning to an A... Practically every instrument was playing the same note. It was a drone. It was a giant bagpipe in need of repair» [4, с.173-174] / «Теперь все это звучало для него иначе. Тема распадалась в шквале диссонансов и набирала звучность, но все выходило нелепо, как будто двадцать оркестров настраивалось на ля. И диссонанса-то не было. На самом деле почти все инструменты держали одну и ту же ноту. Гудение. Гигантская волынка, нуждающаяся в ремонте» [4, с. 169]. Этот контраст показывает, с одной стороны, невыразимость самой музыки, невозможность адекватного воплощения творческого замысла. С другой стороны, это воплощение духовной опустошенности героя, исчерпанности его таланта, которую сам Клайв не сознает.

Вместе с тем музыкальная тема получает неожиданную развязку в финале: оказывается, что симфония, написанная Клайвом, практически полностью повторяет «Оду к радости» Бетховена. Тем самым Й.Макьюэн показывает вторичность постмодернистского искусства, его невозможность создать что-то новое и оригинальное.

Данная развязка выявляет также энигматичность экфрасиса музыки: каждое из описаний симфонии Клайва воспринималось читателем как ссылка на отсутствующий референт, хотя на самом деле это была аллюзия на «Оду к радости». Так И. Макьюэну удалось реализовать постмодернистский принцип «двойного кодирования» на уровне экфрастических описаний, что является довольно оригинальным приемом, ведь в большинстве современных произведений с этой целью используется литературный интертекст.

Таким образом, экфрасис музыки имеет большое значение в данном романе, поскольку позволяет не только раскрыть характер главного героя, но и показать особенности восприятия мира творческим сознанием. Кроме этого, экфрастические описания в контексте всего романа приобретают философский подтекст, выражая духовную опустошенность современного человека и исчерпанность искусства. В качестве аналоговых репрезентантов звучащей мелодии Макьюэн использует архетипические визуализации и осязательные образы, которые обладают таким же иррациональным значением, как и музыка, и могут вызвать сходные ассоциации у реципиента. В результате экфрасис приобретает субъективный и интерпретативный характер и становится частью авторской стратегии скрытого воздействия на читателя.

Список литературы

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума / Под ред. Л.Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5-22.
2. Макьюэн И. Амстердам. М.: Эксмо, 2009. 176 с.
3. Таранникова Е.Г. Экфрасис в англоязычной поэзии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 187 с.
4. McEwan I. Amsterdam. New York: Anchor Books, 1999. 194 с.

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕЦЕПТОВ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Боровицкая Е.И.

магистрант 2 года обучения,

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются основные особенности перевода рецептов, присутствующих в качестве интертекстуальных элементов в художественном тексте, причины переводческих трудностей, возникающих в процессе работы переводчика, а также пути решения этих трудностей.

Ключевые слова: интертекстуальные элементы, переводческие трудности, переводческие трансформации.

Изучение явления интертекстуальности представляет большой интерес в переводческом аспекте, так как в компетенцию переводчика должны входить навыки по распознаванию в тексте элементов других текстов, связанных с этим стилистических изменений. Свое место среди классиков детективного жанра по праву занял знаменитый американский писатель Рекс Стаут, известный в первую очередь по своему циклу детективных романов о Ниро Вульфе – частном детективе, большом эстете и гурмане. Особое место в романах о Ниро Вульфе занимают рецепты блюд, приготовленных личным поваром детектива Фрицем Бреннером.

Включения рецептов в текст детектива продиктованы стремлением автора ярко охарактеризовать главного героя, придать ему черты обычного человека, что вызывает симпатию читателя к реальному персонажу, нежели к некому идеальному сыщику, легко распутывающему сложные преступления. В тексте детектива рецепты представлены в сокращенной форме, но в них прослеживаются основные черты данного типа текста, например, количественное содержание определенных типов информации и мера переводимости.

Тексты рецептов, рассмотренные нами как интертекстуальные элементы детективного рассказа, имеют нечеткую структуру, дают неполную информацию об ингредиентах, практически полностью отсутствуют количественные данные и данные о способах приготовления. Это вызвано, во-

первых, стремлением автора не нарушить цельность и плавность повествования, не сбить читателя с основной мысли произведения, но при этом наделять своих героев чертами, близкими ему.

Сопоставляя тексты оригинала с текстами перевода нужно отметить, что фрагменты, связанные в детективах с кулинарной темой в переводе подвергаются сильным трансформациям, зачастую их даже трудно распознать в тексте перевода. Можно зафиксировать случаи полного опущения фрагментов при переводе. Среди основных проблемных моментов, не позволивших переводчику в полной мере справиться со своей задачей, необходимо отметить различия в кулинарной традиции разных стран, наличие редких или малоизвестных на момент перевода реалий из области кулинарии, сочетание ингредиентов, сбивающих переводчика с толку, а также, непонимание коммуникативной цели данного упоминания блюда.

Рассмотрим наиболее интересные трудности, с которыми столкнулись переводчики в своей работе. Проблемы, в частности, возникают при переводе отдельных лексем-названий блюд. Например, рецепт, представленный в рассказе «Острие копья»: When I got back to Thirty-fifth Street he was sitting in the kitchen, by the little table where I always ate breakfast, drinking beer with three bottles already gone, arguing with Fritz whether **chives** should be used in **tomato tarts**. I stood and listened a few minutes without saying anything, then I went upstairs to my room and got a bottle of **rye** from the closet and took a drink [1, с. 60]. – Я нашел Вульфа на кухне, где он, сидя за маленьким столиком, за которым я обычно завтракаю, пил пиво. На столе стояли три пустые бутылки. Сам Вульф доказывал Фрицу, сколь кощунственно подавать **анчоусы под томатным соусом**. Я постоял немного, прислушиваясь к спору, а затем, не промолвив ни слова, ушел в свою комнату и, достав бутылку **хлебной водки**, налил себе рюмку [4, с. 63]. В издании СП «Интерграф Сервис» [5] этот отрывок вообще полностью опущен переводчиком. Лексема *chives* на самом деле имеет закрепленное значение *шнит-лук*, а не *анчоус*. Возможно, лексема *tart* (тарталетка, «корзиночка»), которая является частью популярного для английских рецептов словосочетания *tart shell* (букв. «раковина для тарталетки»), могла натолкнуть переводчика на мысль о морепродуктах. *Rye* – *ржаное ски* – популярный в США вид виски, производимый из зерен ржи. [3: с. 5].

В рассказе «Черная гора» («The Black Mountain») ошибка вкралась в перевод названия блюда *Tournedo Beauharnais* [2, с. 17] – *седло барашка по-беарнски* [7, с. 20]. На самом деле блюдо называется *турнедо Богарне* и не имеет отношения ни к «седлу барашка», ни к «Беарну» – области Франции. Турнедо (*tournedos*) – классическое блюдо французской кухни, представляющее собой небольшой кусок говяжьего филе, который заворачивают в тонкий слой сала и обжаривают. Часто различные рецепты турнедо носят имена известных исторических лиц. Очевидно, данная разновидность названа в честь первой жены Наполеона Бонапарта Жозефины Богарне.

Еще одна переводческая неточность замечена при переводе рецепта пасты *Tagliarini*. В настоящее время в виду популяризации итальянской кухни перевод лексемы *pasta* не вызывает трудностей у переводчика, а еще несколько лет назад данная лексема была переведена как «*соус*», хотя точнее было бы сказать *паста, заправленная соусом из анчоусов, помидоров, чеснока, оливкового масла и перца*. В данном случае Вульф готовит **тальярини** (*tagliarini*; от ит. *tagliare* – резать, обрезать) – распространенную в Северной Италии узкую длинную лапшу, обычно подаваемую с маслом, сыром и соусом из ароматных трав.

After three mouthfuls, I asked him what it was. A pasta called tagliarini, he said, with anchovies, tomato, garlic, olive oil, salt, and pepper from the cupboard, sweet basil and parsley from the garden, and Romano cheese from a hole in the ground [7, с. 45]. – *Попробовав его, я спросил, что это такое. Он ответил, что это соус «тальярини», приготовленный из анчоусов, помидоров, чеснока, оливкового масла и перца, которые он нашел в буфете, сладкого базилика и петрушки из сада, и римского сыра, обнаруженного в погребке* [7, с. 48].

Необходимо отметить важность учета интертекстуальных элементов в тексте и привлечения дополнительных источников информации при осуществлении перевода художественного текста. Например, для будущих переводчиков детективов Рекса Стаута большую поддержку сможет предложить его «Поваренная книга» [6] как аналоговый текст, содержащий полные версии рецептов, технологию приготовления и полный перечень ингредиентов. Важным представляется составление двуязычных словарей лексики из области кулинарии ввиду недостатка информации в данной области.

Можно заключить, что перевод данного типа интертекстуальных вкраплений представляет сложность для переводчиков. В частности, из рассмотренных в процессе исследования 53 рецептов блюд, представленных в оригинале 3 детективных рассказов Рекса Стаута в более или менее полной форме, зарегистрированы 20 случаев переводческих неточностей и 8 случаев опущений, что составляет 37,7% и 15% соответственно от количества информации, заложенной в оригинале.

Список литературы

1. Stout R. *Fer-de-Lance*. Random House USA, 2005. 285 с.
2. Stout R. *The Black Mountain*. Random House USA, 2005. 208 с.
3. Лазерсон И., Синельников С., Соломоник Т. За столом с Ниро Вульфом, или Секреты кухни великого сыщика: Кулинарный детектив. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «МиМ-Дельта». 2003. 574 с.
4. Стаут Р. *Острие копья*. М.: издательская фирма КУБК-а. 1994. 403 с.
5. Стаут Р. *Острие копья*. М.: СП Интерграф Сервис, 1992. 379 с.
6. Стаут Р. *Поваренная книга Ниро Вульфа*. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2004. 336 с.
7. Стаут Р. *Черная гора*. М.: издательская фирма КУБК-а. 1994. 415 с.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

Дедюхин А.А.

доцент кафедры английской филологии, канд. филол. наук,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Дедюхина А.Г.

преподаватель кафедры английской филологии, канд. филол. наук,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье описывается структурный аспект англоязычных заимствований в текстах печатной рекламы. Под структурным аспектом понимается выявление структурных свойств англоязычного заимствования, т.е. его строения, устройства и организации. На основе вкрапленных англицизмов в тексты печатной рекламы, рассматриваются наиболее частотные структуры. Используя средства английского и русского языков для передачи англоязычного заимствования, авторы создания рекламных текстов преследуют самые различные цели.

Ключевые слова: англоязычные заимствования, тексты печатной рекламы, структурный аспект, структурные свойства, средства для передачи.

Рекламный печатный текст содержит огромное количество англоязычных заимствований, так как английский язык, ставший в конце XX века ведущим средством международного общения, хранения и передачи информации, оказывает значительное влияние на русский язык. Проблема заимствования является важной и актуальной в связи с тем, что в последнее время создались благоприятные условия для заимствования русским языком иноязычной лексики. Каждый день в газетах и журналах, в радио- и телепередачах мы сталкиваемся со словами и выражениями, пришедшими к нам из английского языка. Известный отечественный лексиколог Л.П. Крысин отмечает, что один из наиболее значимых процессов, происходящих в настоящее время в русской речи, – это активное использование иноязычных слов [1, с. 97].

Анализ эмпирического материала позволил выявить, что в большинстве случаев англоязычные заимствования, переданные в русский язык различными способами, отражают точное значение слова языка оригинала. Д.С. Лотте назвал это явление «прямым заимствованием». По его мнению, прямое заимствование – это заимствование, при котором из языка донора берутся графическая или звуковая форма иноязычного слова и его значение [2, с. 31].

А.А. Митина в своем исследовании утверждает, что прямое заимствование можно назвать самым актуальным видом заимствования на сегодняшний день и таких заимствований в русском языке очень много, они активно употребляются, вследствие чего начинают участвовать в словообразовательных процессах русского языка [3, с. 158].

На наш взгляд, процесс прямого лексического заимствования связан с переходом заимствуемого слова из языка-источника в русский язык, при котором это слово подчиняется в той или иной мере законам языка-реципиента.

Наибольшее количество рекламного материала с англоязычными заимствованиями содержат гляцевые журналы. В России самыми популярными являются такие журналы, как «Я покупаю», «Выбирай», «Mini», «Glamour», «Cosmopolitan», «Elle», «Gloria», «Искусство потребления» и другие. В данных источниках были обнаружены англоязычные лексические заимствованные единицы, позволяющие описать структурный аспект англоязычного заимствования в текстах печатной рекламы.

Под структурным аспектом понимается выявление структурных свойств англоязычного заимствования, т.е. его строения, устройства и организации. Таким образом, существуют различные способы передачи и употребления англицизмов в русском языке. На основе вкрапленных англицизмов в тексты печатной рекламы, мы выявили наиболее частотные структуры.

Во-первых, англоязычное заимствование может быть передано с помощью русского алфавита.

Ночной клуб Platinum открыт не только для любителей потанцевать под качественную клубную музыку, но и для тех, кому нравится петь. После рестайлинга и проведенного апгрейда для всех любителей профессионального караоке Platinum представляет «Караоке холл» [7, с. 5].

Рестайлинг (от англ.: restyling) – модификация, изменение конструкции [8].

Апгрейд (от англ.: upgrade) – улучшение, модернизация [8].

Круговорот вещей в природе завершен, а значит, сейчас самое время обратиться к гранжу, «честной» одежде дауншифтеров [4, с. 17].

Дауншифтер (от англ.: downshifter) – тот, кто переходит с высокооплачиваемой, но связанной с чрезмерными нагрузками работы на более спокойную, хотя и низкооплачиваемую по сравнению с прежней [8].

Глядя на модели Kenzo, с каждым луком все больше и больше мысленно представляешь себя в старушке Британии. Клетка приглушенных тонов на одежде будто говорит о том, что вот-вот с неба сорвется дождь [4, с. 49].

Лук (от англ.: look) – взгляд [8].

Как видно из приведенных примеров, англицизмы «рестайлинг», «апгрейд», «лук» и «дауншифтер» сохранили в русском языке не только фонетическую и графическую формы языка оригинала, но и значение. Следует также заметить, что данные англицизмы уже прошли адаптацию в русском языке. На это указывает тот факт, что заимствования англоязычного происхождения приобрели грамматические категории имени существительного русского языка (характерные окончания единственного и множественного числа имен существительных в родительном и творительном падежах).

Глядя на такие расписные холодильники финской марки Rosenlew, несложно догадаться, кто автор яркого узора. Это уже третий предмет, принт которого вышел из-под пера Дениса Симачева [4, с. 15].

Принт (от англ.: print) – оттиск; отпечаток; след, печать, издание, выпуск, шрифт, отливочная форма [8].

Вообще, «оверсайз» и многослойность – главные стилистические константы гранжа [4, с. 21].

Оверсайз (от англ.: *oversize*) – очень большой размер [8].

Все примеры показывают, что в данном случае при переходе слов из английского языка в русский значения и звуковые формы языка донора были точно сохранены в заимствующем языке.

Во-вторых, лексические заимствования могут быть переданы с помощью англо-русского или русско-английского алфавита, т.е. англицизм, состоящий из сложного слова, имеет одну часть, написанную английскими буквами, другую – русскими или наоборот.

Студия красоты Lady Perfection: свадебные прически и визаж от дипломированных специалистов; все виды стильных стрижек; наращивание ногтей и ресниц; SPA-минеральный [5, с. 28].

Процедуры, входящие в SPA-комплекс, подарят душевное спокойствие, избавят от усталости и сделают еще красивее [Я покупаю, 2007].

SPA-центр «Шале Сантэ» предлагает специальные программы по подготовке невесты к свадьбе [5, с. 34].

Меди-SPA позволяет не только получить стандартные наборы услуг, которые предлагают во многих салонах красоты, но и пройти курс эксклюзивных медицинских процедур [5, с.35].

SPA (в переводе с англ.) – минеральный источник, процедуры, основанные на минеральных источниках [8].

Эксклюзивный nail-дизайн не оставит никого равнодушным [4, с. 38]!

Nail-дизайн (в переводе с англ.) – художественное покрытие ногтей [8].

Противоцеллюлитный концентрат с природными активаторами и программа избавления от жировой ткани в нашей клинике – залог пляжного Wow-эффекта [6, с. 118].

Wow (в переводе с англ.) – вау!, круто!, здорово! (выражает удивление и восторг) [8].

Спортивный тренд сезона, покоривший fashion-коллекции, акцентирован на модные хиты 1990-х и монохромную гамму [6, с. 26].

Fashion (в переводе с англ.) – мода [8].

Приведенные примеры доказывают, что англоязычные заимствования могут иметь часть слова, выраженную буквами английского алфавита и часть слова, выраженную буквами русского алфавита, или наоборот.

В-третьих, англицизмы могут также быть переданы с помощью средств языка оригинала и сохранять свою графическую и фонетическую формы родного языка.

Этот дуэт украсит комплект в стиле casual [7, с. 31].

Casual (в переводе с англ.) – повседневный [8].

Устройте лету достойное приветствие, взяв в поездку актуальные вещи из последних коллекций – особое внимание на корейских любимчиков it-girls [6, с. 124].

It-girl (от англ.) – *Journalists sometimes use It-girl to describe a young woman who is well-known because she goes to the most fashionable places and events and knows famous people* [8].

*Детская мода капризна и претензиозна не меньше, чем **adult-fashion*** [4, с. 47].

Adult-fashion (в переводе с англ.) – мода для взрослых [8].

*Сегодня практически каждый именитый дизайнер считает своим долгом выпустить линию **kids*** [4, с. 46].

Kids (в переводе с англ.) – дети [8].

*Просматривая **online fashion show** с мужских показов мировых Недель мод, нельзя не заметить, что одной из главных тенденций дизайнеры решили сделать клетчатую одежду* [4, с. 46].

Online fashion show (в переводе с англ.) – показ мод в прямом эфире (через Интернет) [8].

*В конце года в «Кристалле» планирует начать свою работу интерьерный салон **Home Design*** [4, с. 17].

Home Design (в переводе с англ.) – дизайн дома или художественное оформление дома [8].

Приведенные примеры показывают, что графическая, фонетическая, семантическая формы англоязычных заимствований отражают точные формы и значения родного языка.

Подводя итоги, приведем обобщенные результаты в следующей таблице.

Таблица

Структурный аспект англоязычного заимствования

Аспект семиотической характеристики	Способы передачи
СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ	Русскими буквами
	Англо-русскими или русско-английскими буквами
	Английскими буквами

Таким образом, используя средства английского и русского языков для передачи англоязычного заимствования, авторы создания рекламных текстов преследуют самые различные цели. Тексты, содержащие англицизмы, придают некую экспрессию рекламному сообщению и привлекают особое внимание читателей. В силу новизны употребления иностранные слова требуют больших усилий для понимания, особенно для тех, кто не владеет иностранным языком, поэтому они дольше остаются в памяти реципиента. Используя англицизмы, автор отдает дань моде, шагая в ногу со временем. И очень часто получатели рекламного сообщения соотносят заимствованное слово непосредственно с зарубежным товаропроизводителем, что для многих является свидетельством знака качества.

Список литературы

1. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русистика. Берлин, 1992. №2. С. 96-106.
2. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 152 с.
3. Митина А.А. Заимствования как источник словообразования // Вестник Московского государственного университета печати. №6. 2013. С. 158-160.

4. Искусство потребления. № 8. 2010.
5. Я покупаю. № 3. 2007.
6. Elle. № 6. 2015.
7. Gloria. № 8. 2008.
8. **Longman Dictionaries Online** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesonline.com/> (дата обращения: 15.01.2016).

ВОЕННО-НАУЧНАЯ РАБОТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Князева Е.С.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, г. Тверь

Андреева С.А.

доцент кафедры русского языка, канд. филол. наук,
Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, г. Тверь

В статье рассматривается особая форма научной работы, характерная для высших военных учебных заведений – военно-научная работа по русскому языку. Написание военно-научной работы по русскому языку позволяет иностранным учащимся военных вузов сформировать основные навыки работы с научным текстом, что способствует развитию коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере.

Ключевые слова: военно-научная работа, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, научный стиль речи.

Главной целью обучения иностранцев русскому языку в высшем военном учебном заведении, как и в любом вузе, обучающем нефилологов, является подготовка слушателей и курсантов к изучению специальных дисциплин на русском языке, «фактически речь идет о формировании коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере обучения на русском языке» [4: 28]. Для достижения данной цели преподаватели русского языка как иностранного должны решить ряд задач: познакомить обучаемых с определенным объемом специальной лексики, особенностями научного стиля речи, развить навыки и умения работы с научным текстом (чтение, аудирование, репродуцирование и продуцирование). Эти задачи решаются в ходе занятий по научному стилю речи на подготовительном курсе, а также при проведении занятий по русскому языку на основных курсах.

Иностранные военнослужащие, пройдя курс обучения русскому языку, должны не только понимать содержание научных текстов, но и владеть основами реферирования аутентичных текстов, а также создавать собственные научные тексты – курсовые работы, дипломную работу, магистерскую или кандидатскую диссертацию. Для продуцирования собственного научного текста обучающийся должен прочитать и проанализировать литературу, посвященную теме исследования, реферативно изложить ее основное содержа-

ние при написании теоретической части работы, описать собственное исследование, подготовить доклад для выступления на защите работы или на научной конференции, ответить на вопросы аудитории.

Таким образом, иностранные военнослужащие вынуждены решать двойную задачу: не только провести научное исследование, но и представить его результаты на неродном для них языке. Поэтому обучение научному стилю речи является важнейшим аспектом в рамках обучения русскому языку как иностранному. В связи с этим особую значимость приобретает такой вид учебно-научной деятельности обучаемых как написание военно-научной работы по русскому языку.

Военно-научная работа (ВНР) представляет собой научное исследование по актуальным вопросам военной науки, военной проблематике гуманитарных, естественных и технических наук, самостоятельно выполненное слушателями или курсантами высшего военного учебного заведения. Выполнение таких исследований входит в общую систему научной работы и образовательного процесса военного вуза.

Ежегодно на кафедре русского языка Военной академии воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова (ВА ВКО) слушателями и курсантами выполняются военно-научные работы, имеющие разнообразную тематику. Выбор темы военно-научной работы по русскому языку, ее цели и задачи зависят от того, к какому контингенту относятся обучаемые, каков их уровень владения русским языком. Однако глобальной целью таких ВНР является обучение работе с текстами научного стиля речи и продуцированию собственного учебно-научного произведения.

Рассмотрим принципы работы над ВНР с разными группами обучаемых.

Первая группа – это слушатели и курсанты подготовительного курса дальнего зарубежья. Для них написание военно-научной работы по русскому языку является прежде всего первым опытом составления научного текста большого объема на изучаемом языке. Именно из этого исходят научные руководители ВНР, предлагая темы для этой категории обучаемых. Примерами формулировок тем являются следующие: «Применение беспилотных летательных аппаратов в современных вооруженных конфликтах», «Оружие массового поражения, основанное на новых физических принципах», «Информационное противоборство», «Силы и средства воздушно-космической обороны» и т.д.

На первом этапе исполнитель работы должен прочитать и проанализировать научную литературу по выбранному вопросу. Чтение научных текстов в данном случае требует активной мыслительной деятельности обучаемого. Результатом анализа научной литературы становится реферативное изложение материала источников на основе ранее изученных средств научного стиля речи. Далее исполнитель составляет краткий доклад, отражающий основные положения работы и построенный с учетом речевых клише, используемых для устного предъявления результатов научного исследования. Устное публичное выступление перед аудиторией, ответы на вопросы преподавате-

лей и сокурсников также способствуют овладению устной формой научного стиля речи.

Другим направлением исследований в рамках военно-научной работы слушателей и курсантов подготовительного курса являются ВНР лингвострановедческого характера. В качестве примеров тем подобных работ можно привести следующие: «По страницам истории моей родины», «Вклад моей страны в мировую цивилизацию», «История вооруженных сил моей страны», «Революционное движение во Вьетнаме», «Старинная и современная китайская письменность», «Система образования моей страны», «Традиции и обычаи моей страны», «Национальные военные песни».

При этом задачи исполнителя ВНР остаются прежними, поскольку такие работы также носят реферативный характер. Однако лингвострановедческий аспект исследования дает обучаемому возможность продемонстрировать не только свои знания в определенной области, но и вызвать чувство уважения к истории, быту и культуре своей родины у однокурсников. Военно-научная конференция, на которой представлены доклады по результатам работ подобной тематики, позволяет решать не только учебные, но и воспитательные задачи.

Курсанты основного курса дальнего зарубежья, закончившие подготовительный факультет, также нередко пишут военно-научные работы по русскому языку. При работе с данным контингентом обучаемых научный руководитель должен ориентировать исполнителей ВНР на проведение самостоятельного исследования по выбранной теме. Для курсантов со слабым уровнем языковой подготовки могут быть предложены военно-научные работы реферативного характера для улучшения навыков работы с научным текстом.

Многие ВНР, выполняемые курсантами дальнего зарубежья, связаны с рассмотрением особенностей национального менталитета представителей той или иной культуры на материале национального фольклора – пословиц, поговорок, сказок: «Русские и арабские пословицы о родине и чужбине, о войне и мире», «Смысловые аналоги бирманских пословиц в русском языке», «Правила речевого поведения на основе русских пословиц», «Отражение особенностей национального менталитета в арабских пословицах и поговорках» и т.д. Такие работы, как правило, выполняются курсантами первого курса и являются их первым серьезным опытом в области выполнения ВНР.

На первом этапе написания ВНР курсанты знакомятся с научной литературой по теме работы, выясняют, как связаны между собой национальный фольклор и менталитет народа. На втором этапе курсант и научный руководитель отбирают материал для практического исследования, т.е. определяют корпус текстов для анализа. Так, объем военно-научной работы не позволяет рассмотреть все тематические категории пословиц и поговорок, поэтому исследователь должен ограничиться только пословицами определенной тематики (пословицы о семье, пословицы о дружбе и т.д.). Далее составляются выборки русских и национальных пословиц, происходит сопоставление и анализ. Особый интерес у авторов ВНР вызывают как случаи совпадения пословиц (семантические аналоги), так и случаи резкого расхождения (полное

отсутствие аналога пословицы в другом языке). Дальнейший анализ пословиц позволяет сделать выводы о том, как носители той или иной культуры воспринимают окружающую действительность, как относятся к определенным фактам, событиям, явлениям.

Достаточно частыми являются и другие лингвокультурологические темы, например: «Бирманская антропонимическая модель», «Бирманская топонимика в свете национальной истории», «Русская и ангольская антропонимические модели», «Имена индейцев кечуа в антропонимической системе Перу».

Еще одну группу тем военно-научных работ для данного контингента обучаемых представляют собственно-лингвистические исследования, например: «Арабизмы в русском языке», «Китайские заимствования в русском языке» и др.

При проведении практического этапа таких исследований авторы ВНР на основе материала, представленного в словарях, составляют лексическую выборку по теме исследования. Дальнейший анализ выборки связан с классификацией лексики по различным параметрам, например: смысловые группы заимствованной лексики, время заимствования лексики и т.д. Приложением к военно-научным работам, связанным с изучением заимствованной лексики, как правило, служит мини-словарь заимствований.

К более сложным темам ВНР можно отнести работы в рамках исследования явления интерференции: «Лексико-семантическая интерференция в речи ангольцев», «Грамматическая интерференция в русской речи армян» (работы, аналогичные последней, как правило, выполняют курсанты из стран СНГ, владеющие русским языком как неродным).

С профессиональной точки зрения наиболее интересными являются ВНР, в которых представлена и военная проблематика лингвистики: «Профессионально важные качества военных на основе устава» или «Сравнительный анализ русского и перуанского военного дискурса».

Вне зависимости от сложности исследования и профессиональности анализа лингвистических фактов выполнение военно-научных работ по русскому языку развивает коммуникативные навыки иностранных курсантов, способствует улучшению знания языка, развивает навыки работы с научным текстом и составления собственного научного текста.

Тематика военно-научных работ для курсантов СНГ очень разнообразна. Как правило, курсанты младших курсов пишут ВНР по весьма общим вопросам, которые достаточно полно отражены в научной филологической литературе. Однако материал проводимого исследования так или иначе связан с военной тематикой. Примерами таких работ служат следующие: «Мужчина и женщина на войне (речевые характеристики персонажей произведения Б. Васильева «А зори здесь тихие»)), «Речевой этикет в среде военнослужащих», «Лексика военной направленности в ранней лирике В. Маяковского», «Языковые особенности афоризмов о доблести и славе», «Образ военнослужащего в русских анекдотах», «Западноевропейские заимствования в военной лексике».

Курсанты старших курсов часто выбирают темы научных работ, связанные с изучаемым на занятиях материалом (по аспектам «Риторика» и «Культура речи»). Например: «Речевое поведение участников конфликтной ситуации», «Законы правильного общения как законы эффективности риторики», «Истоки и становление военного красноречия» и др. Выполнение таких ВНР, несмотря на то, что почти все они носят реферативный характер, позволяет обучаемым углубить свои знания в данных областях, закрепить навыки написания научных работ.

Однако наиболее интересными, на наш взгляд, являются работы, авторы которых проводили собственное исследование на самостоятельно собранном материале. Примерами таких работ являются следующие: «Жаргонизмы в речи курсантов ВА ВКО», «Разговорные конструкции в речи курсантов и офицеров ВА ВКО» и др. Подготовка к выполнению таких работ всегда весьма трудоемка и включает в себя разработку методики анкетирования, подготовку опросных листов, запись речевого материала. Немало времени занимает и процесс обработки и анализа собранного материала.

Для курсантов из стран СНГ военно-научная работа по русскому языку в первую очередь является собственным исследованием. Начальные навыки работы с научными текстами на русском языке у этих курсантов, как правило, сформированы, поэтому основной дидактической целью при написании таких ВНР является развитие и совершенствование навыков реферирования и редактирования научных текстов, навыков выступления с научным докладом, а также освоение методики проведения научных исследований.

В заключение хочется отметить, что написание военно-научных работ по русскому языку способствует формированию и развитию необходимых для выполнения выпускной квалификационной работы навыков работы с научными текстами у иностранных военнослужащих.

Список литературы

1. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного: Учебное пособие для преподавателей и студентов. М., 2007. 185 с.
2. Белоногова О.Н. Работа со словарем на уроках русского языка при обучении учащихся-инофонов// Обучение русскому языку как неродному: педагогический опыт Санкт-Петербурга: Сб.статей. СПб., 2012. С. 97-99.
3. Положение о военно-научной работе слушателей магистратуры и курсантов академии. Тверь: ВА ВКО, 2014. 55 с.
4. Родионов В.Н., Сафронова Т.З. Лингвометодические основы обучения иностранных слушателей языку специальности на начальном этапе// Актуальные проблемы содержания и технологии обновления довузовского образования: Сб. статей. Вып. 1. Минск, 2005. С. 28-29.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В г. РОСТОВ-НА-ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Коваленко О.Д.

аспирант кафедры лингвистики и журналистики,
Ростовский государственный экономический университет («РИНХ»),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются и анализируются особенности просветительской деятельности СМИ в г.Ростове-на-Дону и Ростовской области, проводится сравнительный анализ наиболее ключевых СМИ, даются выводы относительно функционирования функции просвещения в средствах массовой информации.

Ключевые слова: просветительская деятельность, просвещение, региональные СМИ, просветительская функция, журналистика, просвещение в прессе.

Глобализация, потребность в информации, и, в связи с этим, постоянно возрастающее значение информации, прогресс в коммуникационных технологиях, массовое потребление все большего и обширного количества ежедневной информации – все это делает средства массовой коммуникации одним из ключевых аспектов в вопросе просвещения населения. Социальное назначение журналистики в рассматриваемом срезе функций журналистики как таковой, не только в интенсивной культурно-просветительской деятельности и организаторе массовых информационных потоков, но и в возможности участвовать в диалоге культур.

Развитие журналистики показывает наличие еще одной ее исторически исконной функции, наряду с информационной, коммуникативной и организаторской, – просветительской. Информационная функция подчеркивает в журналистике ее объективные корни, ее сигнальную сущность, а просветительская уже несет в себе во многом субъективные факторы, определяющиеся деятельностью творца-просветителя [1].

Просветительская функция журналистики есть ее особая обязанность в системе СМИ, состоящая в том, чтобы обеспечивать массовую аудиторию журналистскими текстами, в которых получают отображение новые для аудитории продукты специализированных видов творческой деятельности, содержащие в себе общественно значимые знания, нормы и ценности [5, с.127].

Использование возможностей региональных СМИ для реализации просветительской деятельности наиболее эффективно: местные медиа находятся в центре каждодневных интересов, являются для потребителя более «близкими» и понятными, актуальные новости региона и города более востребованы у аудитории. Именно поэтому, говоря о просветительской функции российской журналистики необходимо в первую очередь исследовать региональную прессу и аудиовизуальные СМИ.

Рассматриваемый характер проявления социальной роли журналистики в зависимости от особенностей реализации ее просветительской функции в современной печатной прессе на примере печатных, электронных и телерадиовещательных СМИ («Вечерний Ростов», «Город N», «Молот», «Комсомольская правда», телерадиокомпания «Дон-ТР», «Радио Ростова» и портала «161.ru») за актуальный период конец 2015-начало 2016 гг.

Несмотря на технические возможности и обилие информационных ресурсов, просветительская деятельность журналистики не находит отклика в лице ростовских журналистов. Далекое не всегда популяризируются лучшие образцы искусства и актуальные научные знания; не часто появляются яркие, волнующие публикации о произведениях театра или кино, о творческих поисках деятелей искусства и науки.

В «Вечернем Ростове», в отличие от многих СМИ г. Ростова-на-Дону, достаточно подробно освещаются литературные и художественные аспекты, публикации рассказывают о поэтах, писателях и художниках Ростова, как в историческом аспекте, так и ныне живущих (литературная беседа в честь 135-летия А.И. Куприна, встреча юных читателей в библиотеке им. А.П. Гайдара, получении премии С.В. Дмитренко и др). Публикации в религиозном, культурно-развлекательном, историческом ключах (Как Ростов встретил войну, 100-летие А. Суичмезову, цикл публикаций, посвященных 125-летию телефонной сети в Ростове, про Успенский пост, и клуб книголюбов «Собеседник») говорят о принадлежности издания к информационно – просветительскому, не только удовлетворяя потребности аудитории в получении «ежеминутной» «легкой» информации, но и влияющим на духовно-культурный уровень интеллектуального мышления потребителя.

«Город N» ни смотря на свой статус деловой газеты, публикует на своих страницах материалы, относящиеся к религиозной (В Ростов привезли ковчег с мощами 43 святых), научные (новости о VI Фестивале науки юга России, археологических находках в ростовской области и др.), одни из немногих затрагивают экологические проблемы, что особенно актуально (материал о радиоактивных отходах в пригороде Ростова-на-Дону), освещают актуальные культурные и архитектурные городские события (релизы о предстоящих выставках, новых экспонатах музеев, и культурном наследии города).

В газете «Молот» просветительская функция прослеживается лишь в информационно-культурных поводах (Установка памятника А.П. Чехову в г.Ростове-на-Дону, репортажи с выставок, новинки литературы и др.).

Не смотря на наличие довольно большого числа публикаций в «Комсомольской правде» в научной (ЦРУ есть что рассказать про НЛЮ, «Девочка-фантом» на старинных фотографиях, как дожить до 100 лет, режиссер удалил себе глаз и поставил на его место камеру и др.), культурной (выставка Ван Гога, материал по Парамоновских складах) , исторической (Таинственный двойник Гоголя, кем были апостолы Иисуса Христа, как изменился Ростов-на-Дону за сто лет, мифы и правда о Сталине и др.), их анализ не позволяет говорить о просветительской или культурной деятельности газеты, и относит данное издание к массовому типу. Исходя из публикаций, задача в реализа-

ции развлекательной потребности аудитории, удовлетворяется взамен просветительской. В результате происходит замещение функций – развлекательная постепенно вытесняет просветительскую.

Телерадиокомпания «Дон-ТР» кроме освещения новостных культурно-массовых инфоповодов (итоги Чеховской декады, Донские казаки почтили память жертв массовых репрессий, 130 лет Донской публичной библиотеке, новости о выставках, и иных культурных мероприятиях) выпускает такие просветительские программы, как документальные фильмы в цикле «Культурная среда» Л. Сурковой, научно-популярная авторская программа «Наука и образование», единственный в своем роде «Дон Литературный» – монологи, эссе о литературе, интервью и беседы с писателями, «Музыкальная гостиная» – творчество донских композиторов, новости филармонии консерватории, и ряд авторских программ информационно-просветительского характера (Провинциальный салон, Губерния и Сделано-на-Дону).

«Радио Ростова» помимо музыкальной направленности, в цикле передач «Формула успеха» рассказывают о выдающихся ученых, бизнесменах, спортсменах, политиках, выпускниках ЮФУ, так же к информационно-просветительским программам можно отнести «Патруль Радио Ростов» и «Личное мнение».

Информационно-новостной портал «161.ru» как главный новостной портал города – обладает наиболее обширной базой справочной информации, расписание театров и кино, общественного транспорта и районных ЖКХ, актуальные новости событий города, объявления о недвижимости и а автомобилях, аналитические экономические статьи и комментарии известных персон города, адреса медицинских и образовательных учреждений города. Таким образом, функции информации и новостей просветительская функция выполняется лишь отчасти в публикации культурно-массовых новостей (о проведении выставок, открытии памятников и др.).

Анализ СМИ региона позволяет сделать следующие заключения:

1. Объем просветительских публикаций и сюжетов во многом зависит от типологии изданий. Основную долю занимает новостная информация, но и структура массовых информационных потоков в той ее части, которая отражает искусство, культуру, науку, неоднородна и содержит в себе не только просветительские публикации, но и тексты другого характера.

2. Происходит сужение предметного поля просветительских публикаций, в результате чего возникает неполнота, фрагментарность и, в конечном счете, неадекватность картины мира, предлагаемой аудитории. Предметом освещения в просветительских публикациях является продукция специализированных областей духовного производства -культуры, искусства, науки. Не все названные области отражаются в полной мере. Наиболее широко во всех исследуемых газетах представлена область искусства. Таким образом, с одной стороны, характер информации имеет определенную связь с типологией каждого конкретного издания, рассчитан на его целевую аудиторию, с другой стороны – предмет освещения в просветительских текстах зависит и от общей политики издания.

3. Соотношение используемых жанровых моделей для осуществления просветительской функции во всех рассмотренных газетах сдвигается в пользу информационной группы жанров. Палитра аналитических жанров представлена в изучаемых изданиях более скудно, чем жанров информационных.

4. В большинстве рассмотренных случаев «информирование» как целевая установка журналистов при обращении к аудитории с просветительскими текстами преобладает. Это позволяет сделать вывод о том, что журналист, реализуя просветительскую функцию, в большинстве случаев выполняет роль информатора, а не аналитика или педагога.

5. Анализ структуры содержания просветительских текстов показал нежелание авторов вступать в дискуссии по поводу ценностей, скептическое отношение к этим ценностям, уход от определенных оценок продуктов духовного творчества с точки зрения гуманистических ценностей, добра и зла.

Реализация просветительской функции журналистики в современных СМИ осуществляется не в полной мере. Многие издания (газета «Молот», портал «161.ru» и др.) просветительскую деятельность реализуют исключительно в информационно-новостных рамках. В газетах типа «Комсомольской правды» основную долю составляют публикации, предметом отражения в которых выступили факты науки как сенсация, а факты культуры как шоу-бизнес; различные псевдонаучные или недоказанные наукой сенсации; ситуации из жизни людей сферы шоу-бизнеса, связанные с их личной жизнью, бытом и носящие характер сплетен. Эту группу текстов отнести к просветительским публикациям мы сочли неправомерным: хотя они также посвящены исследуемой тематической области – науке, культуре, искусству – и размещаются в соответствующих данной тематике рубриках, они чаще всего выполняют развлекательные задачи.

Просветительская функция в целом в печатной и электронной периодике сегодня осуществляется, однако реализация ее минимизирована исключительно небольшим количеством СМИ (газета «Вечерний Ростов», телерадиокомпания «Дон-ТР»), предоставляющих действительно качественный и популярно-просветительский продукт, содействующий аудитории в осмыслении степени соответствия их гуманистическим тенденциям общественного развития.

Изменение социальной роли журналистики, находится в первую очередь под влиянием все большей коммерциализации СМИ, которая провоцирует преобладание развлекательной составляющей, разрушение системы профессиональных ценностей журналистского сообщества как совокупного субъекта производства массовых информационных потоков, а также влияние общемировых культурных тенденций.

Наиболее актуальной в данный момент оказывается активизация просветительской деятельности СМИ, усиления их роли как аналитика, художественного критика и рецензента, популяризатора и пропагандиста ценностей, создаваемых в процессе духовного творчества. В данном случае журналистика, выступает как деятельность, готовая «навести мосты» между континуумом специализированных информационных продуктов, специализированны-

ми формами их осмысления и массовыми информационными потоками, адресованными обществу в целом [3, с.51].

Список литературы

1. Жирков Г.В. Просветительская функция журналистики в исторической ретроспективе (www.rclga.ru), № 3, 2004.
2. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М., 2006.
3. Лазутина Г. В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества: Учеб. пособие для студентов вузов / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – М.: Аспект Пресс. – 320 с.
4. Свитич Л.Г. Феномен журнализма/Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Ф-т журналистики МГУ, ИКАР, 2000. – 250 с.
5. Суворова С. П. Предметно-функциональные особенности современных российских научно-популярных журналов // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, № 6, 2013, С. 127-133.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Колесникова Ю.С.

ассистент кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВО Белгородский ГАУ, Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания английского языка в неязыковых вузах, с которыми сталкиваются как студенты, так и преподаватели. С присоединением России к Болонскому процессу современное российское образование вступило на новую ступень развития, стало более модернизированным и ориентированным на рынок труда, что является неотъемлемой частью при обучении современных студентов.

Ключевые слова: Болонский процесс, рынок труда, система образования, коммуникативность, неязыковые высшие учебные заведения, речевое общение, технические средства.

С каждым годом к специалистам, выпускающимся из российских высших учебных заведений, предъявляются все более жесткие требования к знанию иностранного языка, английского в особенности. Это связано с тем, что в нашей стране непрерывно идет процесс модернизации и международной интеграции.

В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, направленному на формирование единого европейского образовательного пространства. Цель Болонского процесса – расширение доступа к высшему образованию, дальнейшее повышение качества и привлекательности европейского высшего образования, расширение мобильности студентов и преподавателей, а также обеспечение успешного трудоустройства выпускников вузов за счет того, что все академические ступени и другие квалификации должны быть ориентированы на рынок труда. Присоединение России к Болонскому процессу дает новый импульс модернизации высшего профессионального образования, открывает дополнительные возможности для участия российских ВУЗов в европейских проектах, а студентам и преподавателям высших

учебных заведений – в академических обменах с университетами европейских стран.

С 2011 года в Российской Федерации вводится двухуровневое высшее профессиональное образование: 4 года бакалавриата и 2 года магистратуры. Россия вступила в этот процесс с целью создания единого европейского пространства высшего образования, согласно Болонскому процессу, тем самым поставив на первый план компетенцию будущих специалистов.

Мы живем в XXI веке, который открыл для нас немыслимые возможности во всех сферах деятельности, в особенности в науке и образовании. Если раньше это было лишь мечтой, то сейчас все мечты воплотились в реальность. В связи всех этих инноваций образование перешло на новый уровень, уровень безграничных возможностей.

Появилась возможность расширить рамки академического и научного сотрудничества. Огромный опыт студенты получают благодаря программе студенческого обмена, что дает возможность перенять опыт европейских стран, их систему образования, что также является одной из целей Болонского процесса.

При таких масштабных изменениях в сфере образования значительно повышаются и требования к качеству преподавания английского языка в российских неязыковых высших учебных заведениях.

В своей статье я хочу рассмотреть две актуальные проблемы преподавания английского языка в неязыковых вузах, с которыми сталкиваются не только студенты, но и преподаватели:

- Роль речевого общения при обучении современных студентов английскому языку в неязыковых вузах;
- Роль вспомогательных технических средств при обучении студентов английскому языку.

Рассматривая первый вопрос, я бы хотела обратить внимание на такую проблему, как роль речевого общения при обучении современных студентов английскому языку в неязыковых вузах. Так как, исходя из цели Болонского процесса, выпускнику вуза предъявляются достаточно жесткие требования, следовательно, и программа должна соответствовать этим требованиям. Если раньше традиционное обучение английскому языку в неязыковых высших учебных заведениях было ориентировано только на чтение, понимание и переводе текстов, выполнение грамматических упражнений, то сейчас основной упор делается на коммуникативность, умение передать свои мысли, умение вести диалог. То есть сейчас необходимо думать о перемещении акцента в обучении на развитие навыков речевого общения. Сейчас все в нашем мире построено на общении. Масса возможностей для общения, передачи своих мыслей, донесения нужной информации до адресата. И современный студент просто обязан уметь вести диалог, и на английском языке тоже. Английский язык – международный язык. И его владение просто необходимо для современного, успешного человека, который хочет найти квалифицированную и высокооплачиваемую работу на рынке труда.

Проблема, рассматриваемая в первом вопросе, очень тесно связана со второй проблемой, которую я бы хотела рассмотреть в своей статье – вспо-

могательные технические средства. Современные студенты очень отличаются своим восприятием реальности и мира, в котором они живут. Я считаю, что просто необходимо современным студентам давать возможность на занятиях по английскому языку пользоваться современными техническими средствами (планшетами, ноутбуками). Данные технические средства настолько им близки и незаменимы в их жизни, что они с большим удовольствием соглашаются на любое задание, связанное с использованием этих технических средств. Так почему же не воспользоваться этим?! Так их можно вовлечь в работу с текстом: перевод текста, используя словарь на планшете или ресурсы интернета. Ресурсы интернета можно использовать для поисковой работы, что тоже очень интересно для современных студентов. Например, можно дать задание найти какой-то материал по теме в интернете, проработать его самостоятельно и потом обсудить основные аспекты коллективно на занятии. Много плюсов от такого задания, ведь это и поисковая работа, тренировка самостоятельной работы с материалом, обсуждение с коллективом. Интересны такие задания, как: создания своих проектов и презентаций. Материал для которых также необходимо найти самостоятельно, проработать его, обдумать тему, составить план, структурировать найденный материал и в конечном итоге правильно его подать коллективу. Приведенные в качестве примера задания как раз и развивают основной и самый необходимый в наше время для современного студента навык – коммуникативность.

Подводя итоги своей статьи, хотелось бы отметить, что современные студенты совсем другие и подход к ним нужен особенный, который будет учитывать их желания, потребности, который будет помогать им найти свое место на современном рынке труда.

Список литературы

1. Берман И.М. Методика обучения английскому языку в неязыковых вузах. Высшая школа, 1970. 232 с.
2. Дмитренко Т.А. Методика преподавания английского языка в ВУЗе. Учебное пособие. М.: МЭЛИ, 2009. 92 с.

СЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Маклакова Е.А.

заведующая кафедрой иностранных языков, д-р филол. наук, доцент,
Государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова,
Россия, г. Воронеж

В статье рассматриваются теоретические принципы семного описания значения слова в семной семасиологии и контрастивной лингвистике и их прикладная реализация в одноязычной и двуязычной лексикографии. Излагается точка зрения автора на проблему метаязыка лексикографического семного описания значения слова, предлагаются конкретные пути её решения.

Ключевые слова: семная семасиология, сема, семема, метаязык, аспектно-структурное описание, трафаретная модель.

Теоретические исследования в области семной семасиологии и контрастивной лексикологии позволяют говорить о широких возможностях практического применения полученных результатов, к основным из которых следует отнести практику преподавания русского языка как иностранного, английского языка, одноязычную лексикографию, двуязычную контрастивную лексикографию, межкультурную коммуникацию.

Важнейшей прикладной задачей семной семасиологии нам видится создание семных словарей разных языков на базе унифицированного семного метаязыка. Проблема метаязыка лексикографического семного описания имеет первостепенное значение для прикладной лексикографии. Критериями метаязыка семного описания должны служить, прежде всего, простота и доступность рядовому носителю языка, что достигается в семной семасиологии разложением многообразного по составу компонентов и связей между ними значения на «элементарные частицы», которые унифицированы на естественном метаязыке и понятны не только лингвистам, а тем, кто изучает язык в качестве иностранного.

В нашей работе в качестве метаязыка семантического описания принимается *естественный (русский) язык*. Он является наиболее удобным в практике семантических исследований, поскольку доступен и понятен как исследователю, так и рядовому пользователю языка, и, являясь системой знаков с неограниченными возможностями, обладает *неограниченной описательной силой для отражения семантики любых языковых единиц*.

Семное описание слов и словосочетаний эффективно выполнять по аспектам значения с использованием структурно более широкой интегральной модели лексического значения по сравнению с традиционно используемой в лексикографии дифференциальной моделью [1, с. 155-158]. *Аспектно-структурный анализ* (аспектно-структурное описание) семантики слова заключается:

- в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы;
- в унификации метаязыкового описания сем в рамках семантического класса или лексико-семантического поля;
- в обязательности приложения полной структурно-функциональной типологии сем того или иного семантического класса (трафаретной модели) к описанию каждого значения – в прослеживании наличия всех возможных в рамках каждого аспекта типов сем в каждой отдельно взятой семеме, включая как их наличие, так и отсутствие;
- в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке [2, с. 81-83].

Предлагаемый подход дает возможность дифференцировать близкие значения, а также позволяет установить и описать парадигматические отношения между словами посредством выявления интегральной семы в качестве доминирующей опорной семы для отдельных групп языковых единиц; весьма важен этот подход и для осуществления более точного и достоверного контрастивного описания семантики лексических и фразеологических еди-

ниц двух языков. Модель описания значения слова в структурированном виде имеет следующую форму (на примере наименований лиц):

1. *Денотативный аспект.* Семный состав денотативного аспекта: *архисема, полоразличительная сема, доминирующая опорная дифференциальная сема, другие яркие и слабые дифференциальные семы.* Например: старушка – *лицо, женский пол, пожилого возраста*; балбес – *лицо, мужской пол, преимущественно молодого возраста, большого роста, бестолковый, не любит работать.*

2. *Коннотативный аспект.* Семный состав коннотативного аспекта: *оценочная сема, эмоциональная сема.* Например: старушка – *неоценочное, положительно-эмоциональное*; балбес – *неодобрительное, отрицательно-эмоциональное.*

3. *Функциональный аспект.* Семный состав функционального аспекта: *стилистическая сема, социальная сема, темпоральная сема, территориальная сема, частотная сема, институционально-нормативная сема, коммуникативно-тональная сема.* Например: старушка – *межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, ласкательное*; балбес – *просторечное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, неполиткорректное, фамильярное* [3, с. 171-181].

Данная трафаретная модель семного описания значений слов на основе унифицированного метаязыка описания четко структурирована и весьма информативна, её применение позволяет выявлять системные связи между значениями слов в одном языке и дифференцировать переводные соответствия двух языков для фиксации в толковых или толково-переводных семных словарях нового типа.

Список литературы

1. Маклакова Е.А. Семное описание и контрастивный анализ значения слова: на материале наименований лиц в русском и английском языках: монография. Saarbrücken, 2013. 224 с.
2. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография. Воронеж, 2013. 277 с.
3. Маклакова, Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ...док. филол. наук. Воронеж, 2014. 367 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРРАТИВА

Медведкина К.А.

доцент кафедры английской филологии и лингводидактики, канд. филол. наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В статье приводятся различные точки зрения на природу нарратива и обосновывается мысль о невозможности анализировать нарратив вне жанровой специфики текстов,

частью которых он является. Специфика нарратива определяется рефлексивным или интенциональным характером коммуникации. Особенности художественного повествования возможно выявить лишь посредством описания сущностных характеристик художественной коммуникации.

Ключевые слова: нарратив, повествование, художественный текст, художественная коммуникация, интенциональность, рефлексивность.

Современные лингвистические концепции рассматривают язык как средство моделирования реальности. Подобное описание языка предопределило интерес ряда гуманитарных дисциплин к феномену нарративности, или повествовательности.

Исходной точкой интереса к нарративу в гуманитарных науках является осознание того, что повествовательная форма составляет собственно лингвистическую, психологическую, культурологическую и философскую основу стремлений людей прийти к соглашению с природой и условиями существования. В связи с этим нарратив выступает в качестве формы, внутренне присущей способам восприятия мира, упорядочивания личного опыта и получения знания [4]. С позиций современного языкознания нарративность рассматривается в качестве одной из центральных текстовых категорий.

Анализ литературы по теории нарративности свидетельствует об отсутствии четкого определения нарратива. Наиболее существенными представляются взгляд на нарратив со стороны русских формалистов (В.Я. Пропп, В.Б. Шкловский), диалогическая концепция нарратива М.М. Бахтина, теории «новой критики» (Р.П. Блэкмер, Ю. Кристева и др.), психоаналитические понимания нарратива (школа З. Фрейда), герменевтические и феноменологические теории (П. Рикер, Р. Ингарден), структуралистские и семиотические концепции (Р. Барт, А. Греймас, Ц. Тодоров, К. Леви-Стросс, Ж. Женетт, С. Чэтмен, Дж. Принс, Ж.-М. Адам и др.), деконструктивистский подход (Ж. Деррида).

Разброс мнений по вопросу об определении категории нарративности весьма широк и варьируется от понимания нарратива, ограниченного устной (американская традиция в нарратологии) или письменной формой репрезентации, до достаточно широких трактовок феномена нарративности, исходящих из его общесемиотической природы и поэтому предусматривающих в том числе и невербальные способы его представления – картины, жесты, пантомиму, балет, фильмы и т.д. [3; 13; 15; 7; 12].

Достаточно распространенной в современной науке является точка зрения Дж. Принса, который определяет нарратив в общем плане как «представление реальных или вымышленных событий во временной последовательности» [1, с. 11]. Подобное определение закрепилось в дальнейшем в ряде работ по теории нарративности [15, с. 7; 13, с. 59-60].

Широкую известность получил также взгляд на нарратив как на устный рассказ (обычно от первого лица), представляющий собой передачу прошлого опыта с использованием некоторой последовательности предложений в прошедшем времени, отражающей реальный порядок событий [9; 10].

Французская традиция в теории нарративности занята изучением преимущественно письменных литературных нарративов и поэтому определяет повествование как репрезентацию события (реального или вымышленного) или их последовательности средствами языка, в частности, в его письменной форме [8, с. 49].

Следует также отметить, что достаточно распространенным оказывается сегодня подход к нарративу как к глобальному явлению, формы проявления которого весьма разнообразны [15, с. XIV-XV]. Приверженцы такой трактовки нарратива причисляют к единицам, обладающим нарративной природой, «бессловесную пантомиму, музыку, поток визуальных образов» и т.д. [13, с. 57].

При подобном подходе, как нам кажется, нивелируются такие характеристики, как границы повествования, устная или письменная реализация, художественная / нехудожественная природа, которые в ряде работ рассматриваются в качестве основополагающих признаков нарратива. В свою очередь, сторонники данной трактовки нарративности к наиболее типичным чертам нарративов относят наличие нарратора и адресата-интерпретатора, с одной стороны, и собственно текста, с другой; определенную степень «искусственности», не свойственную обыденной речи; наличие некоторой структуры (начало, середина и конец); способность нарратива соотноситься с явлениями и событиями, удаленными во времени и пространстве как от отправителя, так и от получателя, что составляет главное отличие повествования от описания или комментария [15, с. 1-5; 13, с. 57-58; 14, с. 4].

С другой стороны, в вышеприведенных теориях нарративности не находят отражения весьма значимые с лингвистической точки зрения особенности художественного нарратива. Несмотря на традиционное разграничение художественного нарратива и повествования в области обыденного общения, характерного для ряда работ, в большинстве случаев специфика нарратива в художественной сфере оказывается вне фокуса их внимания.

С недавнего времени в исследованиях по нарратологии предпринимаются попытки выявить некую универсальную формулу нарратива, не зависящую от того или иного способа повествования или же конкретного повествовательного текста [13]. В связи с этим все чаще высказывается мнение о том, что нарратив играет существенную роль в нашей повседневной жизни и представляет собой достаточно распространенное явление [2, с. 47; 4; 11].

Следует также отметить, что в современной лингвистической литературе получает распространение тезис о том, что нарратив, будучи «одним из видов человеческого поведения, посредством которого человек коммуницирует различные виды сообщений» [13, с. 57], выступает в качестве «одного из наиболее универсальных видов, типов речевого взаимодействия» и представляет в связи с этим «стандартизированную форму для ежедневного восприятия событий и опыта» [2, с. 48]. Этим обусловлен постмодернистский взгляд на языковое сознание, предусматривающий способность человека описать

себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, построенного по принципам жанровой организации художественного текста [3; 5; 6].

Принимая во внимание разницу в подходах к нарративу как лингвистическому феномену, отметим, что сущность феномена нарративности, как нам кажется, не может быть обнаружена вне специфики конкретного речевого жанра, структурным и содержательным компонентом которого выступает нарратив. Думается, что художественному нарративу в сфере присущи характеристиками, принципиально отличные, от психотерапевтического нарратива или, например, повествования из сферы бытового общения. Это связано, в первую очередь, с тем, что нарративность «Я» в интенциональной области и нарративность в художественной сфере характеризуются целым рядом принципиальных сущностных отличий, что обусловлено тем, что образ «Я» в реальной жизни и образ «Я» в художественном повествовании кардинально различны.

Список литературы

1. Андреева К.А. Литературный нарратив: когнитивные аспекты текстовой семантики, грамматики, поэтики. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 243 с.
2. Андреева К.А. Текст – нарратив: опыт структурно-семантической интерпретации. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1993. 110 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29-42.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 256 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 215 с.
7. Chatman S. *Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film*. Ithaca, London: Cornell University Press, 1980. 277 pp.
8. Genette G. *Figures II*. Paris: Editions de Seuil. 1969. 294 pp.
9. Labov W., Waletzky J. *Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helms*. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12-44.
10. Linde Ch. *Private Stories in Public Discourse: Narrative Analysis in Social Sciences // Poetics*. 1986. № 15. P. 307-331.
11. Polanyi L. *Telling the American Story: a Structural and Conversational Analysis of Storytelling*. Norwood, New Jersey: Ablex Publishers Corporation, 1985. 158 pp.
12. Prince G.A. *Grammar of Stories: An Introduction*. The Hague, Paris: Mouton, 1973. 106 pp.
13. Scholes R. *Semiotics and Interpretation*. New Haven, London: Yale University Press, 1982. 161 pp.
14. Scholes R., Kellogg R. *The Nature of Narrative*. New York: Oxford University Press, 1966. 326 pp.
15. Toolan M.J. *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London, New York: Routledge, 1988. 282 pp.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ КАК КЛЮЧ К УСТАНОВЛЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СЛОВ (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Попова Л.Г.

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
д-р филол. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

В статье раскрывается понятие «культурная память слов» с позиций лингвокультурологии. Далее предлагается подход установления культурной памяти слов, номинирующих такое орудие труда, как молоток при сопоставлении близких родственных германских языков – английского и немецкого. В конце статьи делается вывод с опорой на данные этимологических и толковых словарей об использовании молотка в древности германцами.

Ключевые слова: культурная память слов, английский и немецкий языки, номинация молотка, сравнительный анализ.

Культурная память слов – это довольно установившееся понятие в лингвокультурологии. Как подчеркивают А.П.Романова и М.С.Топчиев, понятие культурной памяти в общем плане – это продукт XX века, когда появилась возможность учитывать при анализе, прежде всего, исторических событий и попытках реконструкции исторического полотна, не только официальные хроники, но и нарративные источники, неофициальные документы, предметы повседневного быта и т.д. [5].

Как отмечает Я. Асман, возникновение культурной памяти связано с феноменом смерти и сопровождающими его ритуалами. Культурная память является не хранилищем информации, а некой сложной и постоянно меняющейся и развивающейся субстанцией [8]. Культурная память едина и внутренне разнообразна. Смыслы в памяти культуры не «хранятся», а растут. [4, с.200] . В языковой единице есть культурная информация. И именно культурная память языковой единицы способна помочь нам заглянуть как в далекое прошлое, так и увидеть степень развития культуры народа, говорящего на том или ином языке.

Предмет интереса лингвокультурологов составляет также «культурная память» языковой единицы (слова, фразеологизма). Это те ассоциации, которые задаются языковой единицей и тянутся из ее прошлого употребления, организуя современное значение. Ведь любое слово нашей речи, прежде чем получить современное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас к начальным словотворческим усилиям человека. И сама культура есть своего рода прошлое, просвечивающее в настоящем. Чем глубже это прошлое, тем выше культура.

По справедливому замечанию Е.В.Андреевой культура отражает формы мышления, ментальности, духовную деятельность индивидов и групп в искусстве, символах, ритуалах, языке, формах организации жизни и формирует универсальное поле взаимодействия образа мышления, практики и со-

циальных институтов [1]. С.Г. Воркачев подчеркивает, что культурная память слова – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка [3].

Обратимся в рамках данной статьи к конкретному сопоставительному и сравнительному анализу лексем двух близких родственных языков – немецкого и английского, обозначающих самый древний лексический пласт, а именно орудия труда. В нашем случае сопоставим номинации молотка.

В немецком языке молоток – это *der Hammer* – инструмент для битья или воспроизведения стука по назначению, сделан из угловатого впереди заостренного или закругленного куска металла с ручкой [7, с. 749]. Этим словом обозначается и молот в спорте [2, т.1, с. 592]. В немецком языке существует и еще одно наименование *der Faeustel* – молоток в горном деле [7].

В английском языке *hammer* – молоток, молот. Деревянный молоток – *mallet*, дверной – *door-knocker* [6, с. 306]. Этим словом обозначается инструмент для забивания гвоздей в дерево и для создания шума. Он состоит из длинной ручки и металлической ударной части [12, с. 731].

Этимологическая характеристика этого слова такова.

Это древнегерманское слово, в средневерхненемецком языке *hamer*, в древневерхненемецком – *hamar*, нидерландском – *hamer*, шведском *hammare*, вначале имело первичное значение «камень» [9, с. 209], затем «инструмент из камня, каменный молоток». Обратим внимание на скандинавские топонимы, типа: *Hammerfest*, *Hammarby*, *Osthammar*, где это значение «камень, скала». Со значением «камень» это слово восходит к индоевропейским корням *akmen*. Это слово связано с родственными словами: древнеиндийским *asman* (камень, небо), греческим *актён* (камень-метеорит, небо), литовским *акмиõ* (камень). Так как в древности были метеоритные дожди, то древние люди и небо называли похожим словом *Himmel* [10; 11, с. 266].

Имея подробное описание семантики слова *hammer*, можно предположить следующее. Первый молоток германцев был из камня, как и у других народов, имел две составные части, которые потом и остались до сих пор: ручку и ударную часть. Затем стал использоваться в двух направлениях: при работе с деревом и при создании определенного шума. Что касается других сфер применений молотка, то в германских языках появляется ряд других наименований, которые раскрывают в своей семантике предназначение этого инструмента. В немецком языке – *der Faeustel* для горного дела, в английском языке *door-knocker* как ударный молоточек у двери. Можно с уверенностью высказать мысль о том, что самым древним словом является *hammer*, показывающее древнюю культурную память своего предназначения.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в хранении духовной целостности Российской цивилизации : автореф. дис. ... канд. фило-соф. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.
2. Большой немецко-русский словарь.- 1980.- В 2 томах.- М.: Русский язык, 1980. Т.1. 760 с.

3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 233 с.
4. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. С. 200-202.
5. Романова А. П., Топчиев М. С. Культурная память и культурное наследие. Понятийный анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://astraheritage.ru/sites/default/files/226-233.pdf>. (дата обращения: 20.01.2015).
6. Мюллер В. Большой русско-английский словарь. – М.: Рипол классик, 2010. 715 с.
7. Русско-немецкий словарь/ Лепин Е.И. и др.- М.: Русский язык, 1976. – 848 с.
8. Assmann J. Das kulturelle Gedachtniss. // Kultur und Gedachtniss / Hg. v. J. Assmann, T. Holscher. Frankfurt a. M, 1988. S. 9-19.
9. Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Univ. print, 2003. – 552 p.
10. Deutsches Universalwoerterbuch.- Mannheim-Leipzig-Wien-Zuerich: Duden Verlag, 2007. – 2016 S.
11. Duden. Herkunftsworтерbuch.- Mannheim: Dudenverlag, 1997. – 844 S.
12. Longman. Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh: Pearson Longman, 2007. – 2082 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА МЕЖПРЕДМЕТНОЙ КООРДИНАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ У ИВС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рыбакова О.И.

профессор кафедры русского языка, канд. филолог. наук, доцент,
Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, г. Тверь

В статье рассматриваются проблемы межпредметной координации, ее роль и место в образовательном процессе, принципы реализации межпредметных связей при подготовке иностранных военнослужащих в условиях военного вуза.

Ключевые слова: межпредметная координация, межпредметные связи, дидактические принципы, коммуникативно-деятельностный подход.

Как известно, основной задачей образования на современном этапе является повышение качества подготовки специалистов во всех учебных заведениях, в том числе и в военных вузах. Поиск путей оптимизации учебного процесса, повышения качества обучения приводит к закономерному выводу о необходимости усиления межпредметных связей кафедры русского языка и специальных кафедр при подготовке будущих военных специалистов. В современных условиях модернизации образования межпредметные связи играют важную роль вследствие изменений в содержании и структуре обучения. Установление межпредметных связей способствует более полному и качественному усвоению научной информации, совершенствованию образовательного процесса в вузе, помогает развивать навыки использования потенциальных знаний в различных дисциплинах.

В научной литературе существует множество определений категории «межпредметные связи», описаны различные подходы к их педагогической оценке, даны разнообразные классификации. Обобщая опыт исследований в данной предметной области, можно сформулировать следующее определение

межпредметной координации: межпредметная координация есть педагогическая категория для обозначения синтезирующих, интегративных связей между различными дисциплинами, нашедших отражение в содержании, формах и методах образовательного процесса. О необходимости учета важнейшего методического принципа – принципа межпредметной координации – писали в своих работах Е.И. Мотина [1], А.Н. Сурыгин [2], О.Д. Митрофанова, А.А. Леонтьев и многие другие. Современные методисты считают, что учет принципов межпредметной координации – это путь к оптимизации и интенсификации учебного процесса на разных этапах обучения, к согласованности действий преподавателей различных дисциплин при подготовке будущих специалистов. Особую актуальность это утверждение приобретает по отношению к иностранным учащимся, для которых процесс получения будущей специальности осложняется многими обстоятельствами, связанными с трудностями адаптации в новой социокультурной среде, недостаточным знанием русского языка, различием стратегий обучения, связанным с национальными педагогическими традициями, отсутствием необходимого опыта учебной деятельности (если речь идет об иностранных курсантах) и т.д.

Прежде чем говорить о реализации принципа межпредметной координации в процессе подготовки ИВС, рассмотрим, что представляет собой понятие «принцип обучения», каковы его роль и место в общей системе преподавания.

Принцип обучения представляет собой одну из базисных категорий методики, с позиции которой определяются требования к системе обучения в целом и к ее отдельным компонентам. Различают дидактические, психологические, лингвистические, методические принципы обучения. Под дидактическими принципами обычно понимаются основные положения, определяющие содержание, организационные формы и методы учебного процесса в соответствии с его общими целями и закономерностями. Следование дидактическим принципам является необходимым условием успеха педагогической деятельности в целом.

К наиболее важным дидактическим принципам относятся принципы: научности; систематичности и последовательности обучения; сознательности и активности; наглядности; прочности (сохранения учебного материала в памяти); доступности и посильности; межкультурного взаимодействия; профессиональной компетентности преподавателя; межпредметной координации.

Межпредметные связи представляют собой общедидактическое понятие, они являются интегрирующим звеном в системе дидактических принципов, определяют их целевую направленность на формирование в сознании человека целостной системы знаний о природе и обществе. В широком смысле слова, межпредметные связи являются одним из основополагающих принципов дидактики, способствующим координации и систематизации учебного материала, формирующим у учащихся общенаучные (общепредметные) знания, умения и навыки, способы их получения в различных видах деятельности, реализующимся через систему нормативных функций, а также общих методов познания природы, общества и мышления совместными усилиями преподавателей различных предметов.

В данной статье мы рассматриваем межпредметные связи как интегрирующее звено в системе дидактических принципов обучения. Анализ феномена межпредметных связей как важнейшего дидактического принципа позволяет сделать следующие выводы. Межпредметные связи по их сущности и функциям являются дидактическим принципом обучения, т.е. они представляют собой одно из главных руководящих положений педагогической теории, поэтому относятся ко всему процессу обучения в целом и распространяются на все учебные предметы. Этот дидактический принцип определяет развитие способностей учащихся к концептуальному мышлению, т.е. к целостному видению мира. Принцип межпредметности способствует реализации каждого из других принципов обучения так же, как все эти принципы создают дидактические основы для планомерного осуществления межпредметных связей.

Анализ реализации принципа межпредметной координации в педагогической системе подготовки иностранных граждан показывает, что этот принцип имеет всеобщий характер и оказывают позитивное организующее воздействие на весь учебный процесс. Так, например, реализация принципа коммуникативности при обучении ИВС предполагает максимальное использование реальных заданий в типичных коммуникативных ситуациях. И наоборот, достаточно полный и глубокий анализ языковых средств выражения предметного и коммуникативного содержания специальных дисциплин на занятиях по русскому языку способствует более глубокому пониманию и прочному усвоению учебного материала по предметам.

Реализация принципа межпредметной координации преследует следующие цели: обеспечение системности знаний; формирование у учащихся умения устанавливать всесторонние связи между различными предметами, способствующего углублению знаний; выработка представлений об общности основных законов природы и общества, их значении для разных областей научного знания.

Частнометодическими принципами, отражающими специфику реализации межпредметных связей в процессе преподавания РКИ, являются те, которые позволяют реализовать коммуникативно-деятельностный подход, то есть такую методическую систему обучения русскому языку, при которой в центре внимания находится обучающийся как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных, ментальных, национальных и других особенностей личности обучающегося и его профессиональных устремлений. Деятельностный характер обучения предполагает организацию занятий по русскому языку как учебной деятельности, направленной на постановку и решение учащимися конкретной коммуникативной задачи. Объектом обучения с позиции коммуникативно-деятельностного подхода является речевая деятельность в таких ее видах, как чтение, говорение, аудирование, письмо. При этом современное занятие по русскому языку ориентировано на обучение общению, использованию языка с целью обмена информацией. Для этого первостепенное значение имеет создание и поддержание у обучающихся по-

требности в общении и усвоении с ее помощью профессионально значимой и представляющей общекультурную ценность информации. В связи с этим главным методическим принципом при реализации коммуникативно-деятельностного подхода является принцип учета специальности обучаемых, который направлен на решение задач общения, связанных с их профессиональной ориентацией. Этот принцип определяет включение в обучение ситуаций и тем профессионального общения, текстов для чтения, литературы по специальности, необходимых образцов письменной научной речи и т.п. Учет специальности и широких межпредметных связей особенно актуален в военных вузах, где на обучение русскому языку на основных курсах отводится минимальное количество часов и где овладение языком необходимо для решения задач, связанных с будущей профессией обучающихся. Принципы учета специальности, межпредметной координации, взаимопроникновения учебных предметов, безусловно, стимулируют интерес к изучению русского языка в современных условиях.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что межпредметность – это современный принцип обучения, который влияет на отбор и структуру учебного материала целого ряда предметов, усиливая системность знаний учащихся, активизируя методы обучения, ориентирует на применение комплексных форм организации обучения, обеспечивая единство образовательного процесса.

Список литературы

1. Мотина Е.И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М., 1988. 170 с.
2. Сурыгин А.Н. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб., 2000. 158 с.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Савина Е.М.

аспирант кафедры германской филологии,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Московский государственный областной университет, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы узуальной адаптации текста при переводе диалогической речи с немецкого языка на русский, а также проводится анализ некоторых типичных функционально-содержательных переводческих ошибок на материалах перевода диалогической речи немецкой художественной литературы на русский язык.

Ключевые слова: узус, узуальная адаптация, переводческие ошибки, функционально-содержательные ошибки, языковые ошибки, искажения, адекватность перевода.

Перевод, как один из видов языкового посредничества, стремится максимально приблизиться к естественной одноязычной коммуникации. Именно

в этом состоит общественное предназначение перевода как профессиональной деятельности. Перевод стремится обеспечить двуязычную коммуникацию в максимально возможной мере, приближенной к одноязычной коммуникации [3, с. 15]. Текст перевода должен замещать исходный текст по всем исходным параметрам. Поэтому, от текста перевода требуется, чтобы он был эквивалентен по своему потенциальному воздействию на нового иноязычного адресата. Потенциальное воздействие текста перевода должно быть эквивалентно воздействию оригинала. Переводчик дает читателю возможность отреагировать на текст перевода так же, как отреагировал бы человек, читающий текст оригинала. Это уже давно является одной из аксиом современного переводоведения. Потенциальное воздействие текста перевода зависит и от самого текста, и от его адресата. Поэтому при переводе, как правило, недостаточно просто передать важнейшие характеристики исходного текста, а необходимо еще и адаптировать их для восприятия нового адресата. Только совокупность выполнения этих двух условий может обеспечить искомую эквивалентность воздействия.

Таким образом, в процессе перевода языковой посредник решает две основные задачи: воспроизводит важнейшие функциональные характеристики исходного текста и адаптирует его «под нового адресата». При этом переводчик нейтрализует следующие факторы лингвоэтнического барьера, создающие неравенство лингвоэтнического восприятия (которое имело бы место, если бы текст был воспроизведен «напрямую» – т.е. без соответствующих «адаптирующих» поправок на лингвоэтнические различия): расхождения систем и норм языка, расхождения нормы речи (узуса) и неравенство преинформационных запасов [2, с. 13]. При этом перевод диалогической речи имеет одну существенную особенность: при осуществлении этого перевода узуальной адаптации уделяется особое внимание. Можно сказать, что ни в одном другом виде письменного перевода не делается такого акцента на узус, как при переводе диалогов. Приоритет узуса при переводе диалогов объясняется тем, что в диалогах, как нигде, огромную роль играет ситуация общения [5, с. 33]. Семантические преобразования исходного текста в пользу узуса возмещаются ситуативным содержанием, т.к. именно в диалогах более, чем где-либо, «работает» ситуативный контекст. Например,

- *Koennen Sie sich ausweisen?*

- *Aber selbstverstaendlich.*

- *Ihr Beruf?*

- *Prokurist.*

(W.Bredel. Die Vaeter)

- *Ваши документы?*

- *Пожалуйста.*

- *Профессия?*

- *Управляющий фирмой.*

(В.Бредель. Отцы. Пер. И. Горкиной)

В данном диалоге переводчик перевел фразу «Koennen Sie sich ausweisen?» на русский язык фразой «Ваши документы?», что является наиболее

подходящим переводом, соответствующим русскому узусу. В переводе фразы «*Aber selbstverstaendlich*» на русский язык «*Пожалуйста*» переводчик правомерно избрал чисто ситуативный эквивалент.

Известно, что в живой, непосредственной коммуникации семантическое (парадигматическое, системное) значение как бы отступает на второй план и на первый план выходит актуальное, прагматическое значение, которое для переводчика выступает как семантическое значение, преобразованное ситуацией общения. Например, как указывает Р.К. Миньяр-Белоручев, в ситуации, когда один человек ждет в лифте другого человека, прагматически равнозначными являются фразы: *Спасибо, я не поеду; Я живу на первом этаже; Я предпочитаю ходить пешком* [4, с. 43]. Если при переводе текста других жанров вопроса выбора: семантически точнее или узуальнее, решается то в пользу семантики, то в пользу узуса, то при переводе диалогов, как показывает практика, значительно чаще в пользу узуса. Преимущество таких переводов – их более живой, динамичный характер, выявляется при сопоставлении более и менее удачных вариантов перевода художественных публикаций. Рассмотрим два варианта перевода:

- *Robby?*

- *Wie geht's, Pat?*

- *Gut, ich habe bis eben auf dem Balkon gesessen und gelesen. Ein aufregendes Buch.*

- *So, ein aufregendes Buch – sagte ich, – das ist schoen. Ach, wollte dir nur sagen, dass ich heute ein bisschen spaeter nach Hause komme.*

(Е.М. Remarque. *Drei Kameraden*.)

- *Робби?*

- *Как поживаешь, Пат?*

- *Хорошо. Я до сих пор сидела на балконе и читала книгу. Очень волнующая.*

- *Вот как, волнующая книга, – сказал я. – Это хорошо. Я хотел тебе сказать, что сегодня приду домой чуть попозже.*

(Э.М. Ремарк. *Три товарища*. Пер. И. Шрайбера и Л. Яковенко)

- *Робби?*

- *Как дела, Пат?*

- *Хорошо. Сажу на балконе, читаю. Книжка интересная – не оторвешься.*

- *Книжка интересная, вот оно что... – сказал я. – Это прекрасно. Я только хотел сказать, что сегодня приду домой чуточку попозже.*

(Э.М.Ремарк. *Три товарища*. Пер. Ю.Архипова)

В первом варианте перевода фразы «*Wie geht's, Pat?*» – фразой «*Как поживаешь, Пат?*» наблюдается нарушение узуса: эта фраза не вполне соответствует ситуативному контексту. Такой перевод может вызвать у внимательного читателя недоумение, ведь фраза «*Как поживаешь?*» уместна в русском языке в случае, когда люди не виделись достаточно долгое время. Данный пример говорит о том, что узус не просто тесно связан с прагматическим значением, а является его важнейшей составляющей. Соответственно, без со-

блюдения узуса достичь адекватности прагматического значения невозможно (у читателя создается впечатление, что Роберт вернулся из командировки, а он всего лишь днем звонит с работы домой), а ведь именно достижение эквивалентности прагматических значений является главной задачей переводчика. Вариант перевода Ю.Архипова «*Как дела, Пат?*» больше соответствует русскому узусу. Хотя и он не безупречен: данное выражение используют в случае, если хотят спросить о результате исхода какого-либо дела. Более подходящим представляется вариант: «*Ну как ты?*», т.к. фактически является фразой, выполняющей функцию установления контакта. Данный вариант больше соответствует русскому узусу и точнее воспроизводит прагматическое значение, хотя вариант «*Как дела?*» абсолютно исключать нельзя.

Субстантивное назывное предложение «*Ein aufregendes Buch*» переведено переводчиками И.Шрайбером и Л.Яковенко на русский язык дословно: «*Волнующая книга*». Этот вариант перевода представляется также не очень удачным, поскольку он неадекватен в функционально-стилистическом отношении. Эта фраза была бы уместна не в бытовом непринужденном разговоре, а в рецензии на книгу. Более разговорным, а, следовательно, и ситуативно адекватным представляется вариант Ю.Архипова – «*Книга интересная – не оторвешься*». Переводчик использовал вполне уместную трансформацию и достиг более естественного звучания и большей точности прагматического содержания. На наш взгляд, также удачным был бы вариант перевода – «*Книга – просто не оторвешься*». Более естественным и узуальным был бы также вариант перевода «*Сижу, читаю*» вместо «*Я до сих пор сидела на балконе и читала книгу*» (см. перевод И.Шрайбера и Л.Яковенко). Грамматическая трансформация и замена прошедшего времени на настоящее представляется вполне оправданной и уместной. На основании этого примера можно сделать вывод, что недостаточная узуальная адаптация не только порождает неестественность речи, но и приводит к неадекватности прагматического содержания: неясностям и неточностям.

Известно, что переводческие ошибки часто носят не индивидуальный, а закономерный характер [1, с.41]. Переводческие ошибки можно условно подразделить на два вида: функционально-содержательные (ошибки, связанные с передачей существенных элементов содержания) и языковые (ошибки, связанные с соблюдением языковых и речевых норм). К ошибкам первого типа относятся функционально-необоснованные отклонения от исходного содержания, отрицательно сказывающиеся на воспроизведении функции (воздействия) исходного текста. По степени своего отрицательного воздействия эти ошибки подразделяются на «искажения», «неточности» и «неясности». Наиболее грубыми функционально-содержательными ошибками являются искажения. Это такие отклонения от исходного текста, которые создают у читателя текста неадекватное понимание и/или эмоции, вводят его в заблуждение относительно предмета сообщения. Искажения могут возникать на почве неучёта в переводе расхождений преинформационных запасов носителей исходного языка и языка перевода, т.е. речь идет об экстралингвистических знаниях переводчика. Обратимся к примеру:

- *Mein Herr, haben Sie den Spiegel zertruemert?*
- *Jawohl, hab' ich.*
- *Warum?*
- *Aus Wut.*
- *Aus Wut? Wieso denn aus Wut?*
- *Mein Herr, antworten Sie mir: sind Sie fuer die Buren oder fuer die*

Englaender?

(W.Bredel. Die Vaeter)

- *Сударь, это вы разбили зеркало?*
- *Да я.*
- *А почему?*
- *Со злости.*
- *Со злости? То есть как это со злости?*
- *Ответьте мне сударь: Вы за буров или за англичан?*

(В. Бредель. Отцы. Пер. И. Горкиной)

В переводе И. Горкиной читателю текста остается непонятным смысл фразы «*Вы за буров или за англичан?*» А речь идет о том, что этот вопрос, связанный с англо-бурской войной, в те времена настолько надоел людям, что приобрел свой особый смысл, в котором он и употреблялся: в качестве предложения сменить тему разговора. Данное выражение – элемент языковой моды. Переводчик перевел фразу буквально, чем дезинформировал читателя. Следовало перевести: «*Сударь, не желаете ли сменить тему?*» Данный пример указывает на то, что при переводе необходимо также учитывать степень информированности читателя перевода относительно культуры страны, текущих событий и т.д. и делать соответствующие компенсирующие поправки в тексте перевода.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Москва. 1975. С. 41.
2. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. Москва. 1988. С. 13.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. Учебное пособие по подготовке переводчиков (с немецким языком). Москва. 2000. С. 15.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. Москва. 1980. С. 43.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Москва. 1974. С. 33.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ БАРБАРЫ ФРИШМУТ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ОБ ОТНОШЕНИЯХ» («ÜBER DIE VERHÄLTNISSE»))

Трофимова Л.В.

старший преподаватель, аспирант кафедры немецкой филологии,
Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета,
Россия, г. Елабуга

В статье рассматривается роль мифа в творчестве современной австрийской писательницы Б.Фришмут на примере романа «Об отношениях». В XX веке возрос интерес

западноевропейских писателей к мифам. Подобно австрийским авторам Б.Фришмут трансформирует мифы и приспособливает их к настоящему времени. Греческий миф в вышеупомянутом произведении затрагивает проблемы не только семьи, государства, но и общества в целом.

Ключевые слова: мифологизация, современная австрийская литература, миф, Барбара Фришмут.

Как известно, литература и миф находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Современная австрийская литература не является исключением. Обращение писателей в XX веке к мифу имеет несколько причин. Характеризуя литературу 80-х годов, Клаус Цайрингер писал, что читающая публика перестала проявлять интерес к литературным произведениям, возникла необходимость в их занимательности [1, с.207]. Можно сказать, что мифы пришли на помощь авторам, пересказывая мифологические сюжеты на современный лад, они глубже могли передавать суть сложившихся проблем, расширить, преобразовать повествование, тем самым рождая новые мифы, соотносимые с современностью. Литературные деятели понимали, что в окружающем мире не все поддается рациональному объяснению, и решающую роль при этом играет предельно обобщающий характер мифа, его космологичность. Так в XX столетии миф помог писателям выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления вечных моделей личного и общественного поведения, а также преодолеть «локальный» историзм и перейти к макроисторическим и даже метаисторическим масштабам [11].

Большинство мифологических сюжетов и образов изменяются с течением времени. Изменения претерпевают не только содержание, но судьбы персонажей. На трансформацию мифа влияют интересы того времени, когда заимствованный сюжет актуализируется в произведении.

Подобно многим соотечественникам, например, Э. Канетти, австрийская писательница Барбара Фришмут обращается в своем творчестве к мифу. Для Э. Канетти, как утверждает Е.М. Шастина мифы значат больше, чем слова, они полны превращений [4, с.305]. Как и у Э. Канетти сюжеты и образы античного мира, в частности, к греческой мифологии получают воплощение на страницах книг Барбары Фришмут. К. Хюбнер считал, что греческий миф является парадигматическим для европейского культурного региона мифом, и он может быть охарактеризован в виде определенной общей структуры, которая, вопреки всем своим изменениям и трансформациям, осталась основой данной культуры [2, с.4].

Особую роль в творчестве Фришмут сыграла ее «трилогия Деметры», названная ею в честь великой греческой богини („Herrin der Tiere“ (1986), „Über die Verhältnisse“ (1987) und „Einander Kind“ (1990). Связь между произведениями лишь формальная, каждая книга существует как самостоятельное произведение, объединяющим звеном при этом является миф.

По мнению Б.Фришмут, мифы помогают найти множество ответов на волнующие нас вопросы. Для нее миф – мифологическое повествование с

определенными героями и ситуациями. Австрийская писательница уверена, что к материалам мифов можно возвращаться вновь и вновь, это лишь продлевает жизнь их героев [7, S.68].

Она заинтересована, как писал Пауль Михаэль Лютцелер, в изложении мифа по-новому, а не на восприятии его как замкнутой религиозной системы [6, S.77]. Это отличает Барбара Фришмут от австрийского писателя Г. Броха, чей «проект» в 30-е годы XX века, также связанный с (трилогией великой греческой богини Деметры) потерпел неудачу. В 1986 году Фришмут опубликовала воспоминания о Г.Брохе, в которых заявила, что намерена объединить некоторые произведения в одну трилогию, дав им имя Деметры [9, S.95].

В какой-то мере Г. Брох вдохновил Фришмут на написание данных книг, но неправильно полагать, что он повлиял на формирование ее взглядов. Брох, вдохновленный образом Деметры, хотел создать гуманный миф в противовес к героическим, основанным на кровопролитии мифам национал-социалистов. Однако ему удалось написать только первый роман запланированной трилогии «Колдовство». Позитивную роль для «Трилогии Деметры» сыграл также рассказ К. Вольф, посвященный великой прорицательнице – Кассандре.

П.М. Лютцелер считает, что произведения К.Вольф и Г. Броха можно считать своеобразным толчком для Фришмут в написании ее трилогии, при этом не может быть и речи о непосредственном влиянии на создание «мифов» писательницы. Миф у Фришмут представлен по-новому в сравнении с вышеупомянутыми авторами.

В лекции, прочитанной в 1990 году в Мюнхене Фришмут подчеркнула, что ей как писательнице интересна литературная сторона мифа. Отличительной чертой мифа, по ее мнению, служит то, что в мифе не существует канонизированного повествования, миф присутствует постоянно, и та версия, которую сегодня мы слышим, будет рассказана завтра кем-то иначе [7, S.65]. Мифологические истории привлекательны для Фришмут, поскольку они будоражат ее поэтическую фантазию, тем самым провоцируют изменения, иную формулировку и новую подачу содержания.

Фришмут уверена в том, что с помощью мифов можно найти ответы на многочисленные мучающие нас вопросы [6, S. 79]. Именно это она и попыталась сделать в своей трилогии, основанной на сюжетах мифологии, и выступающей как средство в решении волнующих проблем: взаимоотношения между детьми и родителями, роль женщины в современном обществе, взаимодействие реального и вымышленного миров.

Обе трилогии («Штернвизовская трилогия», «Трилогия Деметры») австрийской писательницы можно рассматривать как плавный переход от мира волшебных, сказочных существ к богиням греческой мифологии. Запутанность и оживленность истории Деметры Фришмут попыталась донести до читателя с помощью трех аспектов трактования мифа: архаического, классического, мистического [7, S. 68].

Второй аспект нашел свое отражение в произведении «Об отношениях» („Über die Verhältnisse“) (1987), в основе которого миф о поисках дочери Деметры Персефоны, вдохновивший Барбару Фришмут на написание данного романа. Фришмут не ставила перед собой задачи создать новый миф, а лишь использовала существующий для отражения проблем взаимоотношений в современном обществе.

Рецепция античной литературы в произведении «Об отношениях» проявляется в такой особенности повествования как мифологизация, согласно которой миф – это не просто древнее сказание, но и универсальная форма воплощения общей картины мира. Мифологизация в данном случае трактуется нами как сознательное введение Барбарой Фришмут мифологических образов и заимствование сюжета для современного романа, что делает ее произведение более универсальным по тематике и проблематике и позволяет взглянуть по-новому на жанр романа и своеобразие художественного мира Барбары Фришмут.

Известно, что миф является одной из древнейших форм существования литературы, которой характерно изображение бытия во всех его проявлениях. Таким образом, Фришмут удалось, используя мифологические мотивы, создать особую Вселенную, показывающую единый, целостный мир. Символичность мифа и мифологических мотивов расширяет круг образов и проблем художественного произведения, допускает многозначность его интерпретации.

Название произведения можно трактовать двояко. Это не только отношения между героями романа, а также проблемы австрийского общества конца XX века. Уже в предисловии к роману Фришмут подчеркивает, что «возникающее кое-где сходство персонажей книги с реальными лицами, там, где речь заходит об «австрийском Олимпе», намеренное» („Gelegentliche Übereinstimmung mit lebenden Personen, soweit sie den österreichischen Olymp betreffen – wenn auch sicher nicht im Hinblick auf biographischen Details – , sind beabsichtigt“ (перевод Л.В. Трофимовой) [8, S.4].

Она создает свой «греческий Олимп» Бальхаузплатц, во главе которого всемогущий Зевс (Шеф). Его репутация должна быть безупречна, но не всё так предсказуемо у австрийской писательницы. Внебрачный ребенок «Зевса» и хозяйки ресторана «Молочный поросенок» («Spanferkel») показывает в образе героя наряду с серьезной политической карьерой, одну из слабых сторон его и всех, кто стремится «вверх». Его много связывает с Мелой, несмотря на то, что в ее жизни другой мужчина (юный любовник «Гермес»). Роман с Шефом приключился еще в студенчестве, плодом которого является прекрасная девушка Фро. Фришмут посчитала нужным, чтобы ее «Зевс» не знал о существовании ребенка до определенного момента.

В известном всем греческом мифе дочь Деметры – Персефону похищает Аид и увозит в царство мертвых, где её и находит Деметра. Персефона с тех пор должна была жить «на два царства». Фигуры Деметры и Персефоны были позаимствованы греками из древней египетской мифологии. В данном случае речь идет о трансформации греческого мифа о могущественной бо-

гине плодородия и земледелия – Деметре [5, с.58]. В греческой мифологии она дает плодородие земле, и без ее благотворной силы ничто не произрастет «ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях» [10]. Не случайно, что именно она является прототипом главной героини романа Фришмут, такой же сильной и почитаемой посетителями ресторана.

Простая деревенская девушка Мелани – хозяйка элитного ресторана «Молочный поросенок», расположенного в центре Вены недалеко от здания парламента. У нее высокопоставленные клиенты, которые специально приходят в ресторан, чтобы отведать неповторимые блюда. Ее бизнес требует много сил, и зачастую Мела возвращается домой обессиленной, изнеможенной, однако, несмотря на всё это она находит в себе силы быть любящей матерью, так как всё, что она делает, делается ради ее дочери Фро. Мелани – современная женщина, успешная бизнеследи, материально ни от кого не зависимая. Роман Мелы с шефом («Зевсом») – тайна, которую она так тщательно скрывает от всех, и прежде всего, от своей дочери.

Время летит незаметно, и девочка взрослеет, и ее внутренние перемены не понятны главной героине. Тихая, чувствительная, уединенная девочка совсем не похожа на свою энергичную и уверенную мать или ее подругу Бориш. Отношения Фро с матерью оказались не такими, как их хотела видеть Мела. Многие утаивала девушка от матери, лишь случайные знаки помогали Меле разгадывать тайны любимого ребенка, с помощью которых она, например, поняла, что Фро уже не та робкая девочка, а прекрасная девушка. („...fiel Mela auf, als ihr eigener Tamponvorrat plötzlich aufgebracht war, ohne dass sie wusste...als Mela von einer im Badezimmer ...Packung mit Antibabypillen darauf schloss, dass Fro ihren ersten sexuellen Kontakt hatte“) [8, S.20].

Прототипом Фро стала греческая богиня Персефона. «Присутствие» мифа прослеживаются и в фантазиях девочки. Она представляла себя жительницей иной страны, дочерью короля, которую однажды похищают, и всё идет хорошо, пока Мелани не нашла ее („Als sie noch nicht zur Schule ging, erzähle sie ihrer Mutter, dass sie aus einem anderen Land komme, in dem ihr Vater König sei“) [8, S.33]. Все фантазии её дочери со временем оказываются реальностью.

Повзрослев Фро понимает, что ей необходимо вырваться из-под опеки матери и обрести независимость. Такого развития событий не ожидала владелица ресторана «Spanferkel». Для нее стало неожиданностью влюбленность дочери во взрослого политического деятеля из Турции. Фришмут меняет ход событий, и она решает женить Фро и Айхана и отправить их в Турцию, не ставя в известность «австрийскую Деметру». Конечно, Фро всё делала добровольно и в этом ее отличие от Персефоны, покинула отчий дом, поехала по своей воле за любимым в Турцию и приняла обычаи этой страны. Таким образом, Фро не только физически отдалилась от Мелы, но и отказалась от мира ее матери. Для Мелани случившееся – катастрофа. В сопровождении подруги Бориш она отправляется в «ад» (Турция) и глубоко уверена в том, что ее девочка была околдована и нуждается в помощи [8, S.181]. Главная героиня надеется, что Фро еще не беременна, это роднит ее с Деметрой, она тоже верила, что Кора не попробовала угощение Аида.

Возвращение Фро домой неотъемлемо связано с болезнью матери. Если в мифе поиски Персефоны приводят к высыханию земли, то у Фришмут главная героиня оказывается в больнице. «Мне станет лучше, если мы снова окажемся дома» („Ich werde schon wieder gesund, sagt sie, wenn wir erst zu Hause sind“) (перевод Л.В. Трофимовой), – торжественно произносит главная героиня [8, S.211]. Как и у Персефоны, у Фро теперь два царства, только в отличие от первой для нее это не спасение.

Самостоятельное, принятое не под давлением «Зевса», мудрое решение Айхана – отпустить жену именно в этот момент, и таким образом освободить ее в дальнейшем от подавляющей любви матери. Он, как и греческий Аид, приехал из другой страны, страны со своими обычаями и традициями, его характеризуют такие понятия, как тишина, тень, темнота, дипломатическая деятельность которого покрыта тайнами и загадками. Младший брат воспринимал в детстве Айхана как великого, властного, могучего бога („Ich habe meinen großen Bruder nie als Menschen betrachtet. In meiner Kindheit – wir sind zehn Jahre auseinander – war er eher ein dunkler, mächtiger Gott für mich, dessen Gewalt ich viel stärker zu spüren bekam als die unseres Vaters“) [8, S. 203]. Принадлежность Айхана к преисподней подтверждает сон, который он рассказывал Фро. В нем он хотел умереть и жить в ином мире. И вот однажды в царство мертвых явилась девушка в длинном черном одеянии с красным яблоком, в которой он узнал Фро [8, S. 142].

Второстепенную роль наряду с Деметрой и Персефой в данном романе играет мифологический персонаж Баубо, упомянутая выше подруга Мелани Бориш. Женской дружбе, также как и отношениям между матерью и дочерью, Фришмут придает огромное значение. Роль Бориш (Баубо) – отвлечь Мелани от горестей и помочь пережить возникшие трудности. Автор считает, что в мифах отсутствует «женский» Гермес-клоун, такая шутовская фигура в мифе, нежели Баубо [7, с.69].

Все греческие мифы – это царство фантазии, уводящее нас в сказочный мир, повествование о богах и героях. Невозможно не согласиться со словами Ф. Шелинга, который считал, что процесс мифотворчества вечен, истребить миф невозможно [3, с.23]. Процесс мифологизации в австрийской литературе XX века – яркое тому подтверждение. Современная австрийская писательница Барбара Фришмут относится к тем творческим натурам, индивидуальностям, большим художникам, которые не только интерпретируют античные сюжеты, но и являются мифотворцами. Используя сознательно «дух» греческого мифа, оперируя мифическими мотивами, Барбара Фришмут обнажает недостатки современного общества, затрагивает вечную проблему отцов и детей.

Роман Фришмут еще раз доказывает тесную связь современности и истории, и их взаимного проникновения. Как отмечает Т.А. Шарыпина, «важная функция мифа – создание модели, примера, образца» [12]. Несмотря на обращение Фришмут к греческим мифам, они не стали «прокрустовым ложем» для повествования. Австрийской писательнице удалось не только сохранить ценность греческой культуры, но и осовременить и при этом сделать очевидной их проблематику.

Список литературы

1. Плахина А. В. Клаус Цайрингер об австрийской литературе и культуре (Сводный реферат)// Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. М.: ИНИОН РАН, 2002. №3. С. 207.
2. Хюбнер К. Истина мифа: Пер. с нем. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
3. Шарыпина Т.А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX-XX вв. : Материалы спецкурса. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. – 114 с.
4. Шастина Е.М. (авто)биография Элиаса Канетти и мифотворчество// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Выпуск № 6(2). Нижний Новгород, 2013. С. 305-308.
5. Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/453/Деметра (дата обращения 02.01.2016).
6. Bartsch, K. Barbara Frischmuth. DOSSIER 4. Wien: Literaturverl. Droschl, 1992. – 224 S.
7. Frischmuth, B. Traum der Literatur – Literatur des Traums. Münchener Poetik – Vorlesungen. Salzburg/Wien: Residenz, 1991. – 122 S.
8. Frischmuth B. Über die Verhältnisse. Residenz Verlag, Salzburg/Wien, 1987. – 228 с.
9. Lützel P.M. Publizistische Germanistik: Essays und Kritiken. Walter De Gruyter Incorporated, 2015. – 425 S.
10. <http://ancientmyth.ru/article.php?t=32> (дата обращения 02.01.2016).
11. <http://bookbk.net/book/253-neomifologizm-v-literature-xx-veka-yaroshenko-lv/11-2-neomifologizm-v-literature-xx-v.html> (дата обращения 02.01.2016).
12. <http://shikardos.ru/text/priem-mifologizacii-v-hudojestvennoj-literature/> (дата обращения 02.01.2016).

МОДАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ВЕРОЯТНОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Чиронов С.В.

заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, канд. филол. наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Россия, г. Москва

В статье рассматриваются семантико-прагматические особенности основных модальных наречий японского языка со значением эпистемической вероятности: *osogaku*, *tabun* и *kitto*. Опираясь на существующие семантические классификации, мы сосредоточиваемся на типических ситуациях употребления, наблюдения за которыми основываются на корпусных данных. Как показывает поведение трёх лексем в однотипных контекстах в монологической и диалогической речи, принципиальными параметрами межсинонимического различия между ними могут считаться характер аргументации в основе вероятностного суждения, а также позиция говорящего (ответственная, непринуждённо-уклончивая, нажимная). В конечном итоге такие показатели и определяют круг высказываний, в которых употребляются эти лексеммы.

Ключевые слова: японский язык, наречие, модальность, вероятность, употребление, аргументация.

1. Проблема уточнения семантического статуса и адекватного описания модальных наречий вероятности важна для любого языка с точки зрения их

значительного вклада в смысл высказывания и его возможную интерпретацию, в том числе автоматизированными способами. В отношении японского языка данная проблема пока полностью не решена. Среди специальных публикаций, посвящённых вопросам семантики и употребления модальных наречий, данная тематика подробно разработана в [5], где также дана обширная библиография. В указанной работе продвигается важная мысль о фундаментальном разделении между наречиями, тяготеющими к ситуациям предположения на эвиденциальных (с опорой на наличные в речевой ситуации факты) и эпистемических (на базе опыта и энциклопедических знаний говорящего) основаниях. Подобное деление созвучно выделяемым в российском языкознании категориям «характерной» и «нехарактерной» информации в основе предположения [3, с. 218]. Подтверждается оно и различными тенденциями сочетаемости этих групп наречий с грамматическими показателями, «ответственными» за соответствующие типа высказываний [4]. В нашей работе мы остановимся на второй из указанных групп, которой с точки зрения сочетаемости, по классификации в этом исследовании, соответствует два класса модальных наречий – со значением уверенности (*kitto, kanarazu, zettaini*) и высокой вероятности наступления события (*osoraku, tabun, sazo, ookata, taitei, taigai*). Вокруг данного набора лексем накоплено наибольшее количество теоретических наработок, но при этом одновременно и сохраняется наибольшая неясность относительно реальных параметров их использования в речи. В настоящей работе, несколько не понимая своей целью поставить точку в этой дискуссии, мы хотим взглянуть на проблему под углом психологии говорящего (Г), воспринимающего данные языковые средства как часть языкового арсенала для достижения своих прагматических целей.

Наше внимание привлекают ситуации употребления, социальный и когнитивный статус коммуникантов, включая аспект ответственности за высказывание, а также доступ говорящего к информации, её характер и объём. В сферу нашего внимания попадает и контекст употребления, а именно ремарочные и авторемарочные глаголы, а также цепочки речевых действий, в рамках которых возникает возможность предположения, модифицированного тем или иным образом. При этом мы ставим перед собой задачу предложить такие элементы описания модальных наречий, которые помогут ориентироваться в их употреблении обучающемуся, преподавателю и переводчику.

Следуя работе [6], мы будем различать среди высказываний, пропозиции которых представляют собой некие положения дел в реальном мире (в противоположность суждениям, где пропозиции содержат предикаты оценки, квалификации), выражения знания о мире и предположения, дополнительно выделяя в последней группе гипотетические предположения и реконструкции (прошлых или настоящих событий, тем или иным образом верифицируемые). Данное разграничение позволяет нам отсеять те высказывания, где не делается предположение, а представляется «статистическая сводка» из данных опыта Г. Только в них, по данным корпуса [7], которым мы пользуемся, встречаются наречия *ookata* и *taigai* (ср. рус. *как правило*), в основном в таких высказываниях встречается – либо же представляет собой экстраполя-

цию из описываемого в них обычного опыта (ср. англ. *usually it would...*) *taitei*. Мы также не будем касаться *kanarazu*, которое в предположительных контекстах тоже предлагает лишь статистическую «проекцию» энциклопедических знаний Г. Доказательством того, что эти четыре наречия не могут быть безоговорочно отнесены к модальным модификаторам, является и значение тенденции в высказывании с ними о прошлом – где строго модальные наречия дадут лишь вероятностную реконструкцию прошлых событий. Что касается *zettai-ni*, то в силу того, что это наречие во взаимосвязи между его значениями мы уже затрагивали ранее, см. [6], здесь мы ограничимся самыми общими замечаниями о нём.

Оставшиеся три лексемы *osoraku*, *tabun* и *kitto*, таким образом, являются центральными из модификаторов выражений вероятности на эпистемических основаниях. На них приходится и подавляющее число примеров из корпуса, поэтому мы сосредоточимся на ситуациях их употребления в сходных контекстах – с анафором «так (и будет/было)», а также некоторыми событийными предикатами с различным значением семантического признака «контроль».

2. В работе [4] когнитивная среда для употребления *osoraku* описана как обоснованный выбор предположения об одном из вариантов развития событий. По нашим данным, социальный контекст для такого высказывания прежде всего предполагает высокую меру ответственности Г за свои слова. Г – подчинённый, эксперт, служащий:

で、護衛士のほうから銃士たちに喧嘩を挑んだと言うのだな？「おそらくそうだろうと存じておりますが、確かなことは申しかねます。 // ...*Так ты хочешь сказать, что гвардейцы первые выступили против мушкетёров?*» «*Я думаю, что скорее всего было так, но точно сказать не могу.* (А. Дюма «Три мушкетёра», пер. Р. Судзуки, 2001) [7]

В придаточных причины указываются такие доводы, которые, при отсутствии у Г твёрдого знания о событии, однозначно могут быть истолкованы только одним способом – в пользу его наступления. Ремарочные глаголы включают *kakushin-suru* = *быть уверенным*:

うなずいておられるから、恐らくそうだということだろうと思ひますが // *Вот вы киваете, так что наверняка я прав* (парламентская стенограмма, 1995) [7] (странно было бы, если кивок участника дискуссии в парламенте не означал согласие), ср. ткж. 確認しますよ。恐らくそうだと思うんですね。あれほどはっきり、質問して、おっしゃったから。 // *Я уверен. Наверняка так и есть. Ведь вы так чётко, когда задали вопрос, об этом сказали* (там же, 2001) [7] (здесь уверенность связана с тем, что в данном жанре общения превалирует презумпция о правдивости высказываний коммуникантов)

Такой же эффект дают специализированный оборот достаточного условия (с выделительной частицей *sae*) в условном придаточном, уступительно-гипотетическое (иммунитет против условия):

本当に過失でうっかり違反をした、これは注意さえすればその次から恐らくしなくなるでしょう... // *Если нарушение произошло по недосмотру, то доста-*

точно просто быть внимательнее – и больше, **скорее всего**, такого не случится, да даже если это и (парламентская стенограмма, 1985), ср.

たとえよいマーケティング計画を提示したとしても、時期のよい方法でそれを実行することがおそらくできないこと// *Даже если бы мы и представили хороший маркетинговый план, выполнить его в приемлемые сроки скорее всего бы не смогли* (М.Дзедзи «Социальная функция управленческой диагностики» 1985) [7] (маркетинговый отдел в силах вполне точно предсказать такой параметр, как возможность выполнения плана).

В монологе такое предположение появляется в рассуждениях, где Г планомерно продвигается к логичному выводу, например, в ответе на ранее поставленный проблемный или риторический вопрос:

...乱用によって苦しむのは、貧しい人々や、少数グループに属する人たちだろうか？おそらくそうだろう。暴力の研究が、あからさまな政治目的につながることがあるだろうか？それもきっと...// *Не бедняки ли и меньшинства больше других пострадают от злоупотреблений? Наверняка так и будет. А может ли исследование насилия быть использовано в политических целях? Пожалуй, и это верно...* (Н.Легуш, пер. Ф.Араки «Когда человек слетает с катушек» 1997) [7] (обратим внимание, как при понижении опоры на ясные логические связи модальное наречие заменяется на *kitto*)

Решение, которое должно быть принято на основании такого предположения, может быть достаточно важным – но при этом Г склонен действовать рационально и спокойно:

おれの本能は、あの少佐が信用できな^いとしきりに叫んでいた。おそらくそうだろう。こりゃあ、早いとこ脱出しないと、大変だぞ// *Мой инстинкт кричал, что этому майору верить нельзя. Определённо нельзя. Надо бежать, или мне крышка!* (Т.Яно, С.Такахаси, «Бой в космическом измерении» 1990)

Степень уверенности самого Г в своих словах чрезвычайно высокая – сила довода позволяет ему переступить через свои прошлые, неверные представления и желания:

大西に気に入られたのが、あの出来事のせい、とは敦子は思いたくなかったが、事実はおそらくそうだったろう。// *Дзюнко не хотелось думать, что она понравилась Оониси из-за того происшествия, но именно так, скорее всего, обстояло дело* (Дз.Акагава, «Кукольные стулья» 1992) [7]

Через *osoraku*, как видно из примеров, определяется вероятность события в парентетических оборотах, повествующих о мире самого Г.

3. С переходом к *tabun* чёткость данных в основе предположения заметно снижается. Г уже не претендует на «объективность», прямо указывая, что речь идёт о личном мнении, допущении, предположении-догадке: так, из 39 примеров с анафором *soo da/daroo* 16 сопровождаются ментальным глаголом *otou* = *думаю*. См. также авторемарочные глаголы:

裏帳簿でも作って、銀行とあくどい取引きをしていたことになる」「俺の推測でも、多分そうだ。十年近く居座っていたから、どうにでも細工はできたはずだ// Получается, и с банками через чёрную бухгалтерию велись опасные сделки»

«И мне представляется, что **наверное**, они имели место. Преступник за десять лет имел все возможности отработать такую технику до тонкостей (К.Суэхиро, «Нечто дьявольское» 1992) [7]

仕事の話はまったくしませんし、復帰はたぶんしないような気がします。// О работе я говорить не буду, и сдаётся мне, что, **наверное**, восстанавливаться я уже не буду (журнал «Дзёсэй сэбун», №40, 2002) [7]

Аргументативная недостаточность предположений глубоко связана с характером пропозиций. Их субъекты – адресат высказывания, о котором у Г априори не может быть полной информации, третье лицо, данные о ком верифицировать затруднительно, или неопределенное множество неизвестных людей. Высказывания также касаются таких положений вещей, о которых в силу малой информированности Г, как принято считать, возможны лишь догадки (мать рассуждает о событиях в детсаду в её отсутствие, пользователь пытается представить, что происходит с компьютером, автомобилист – насколько забиты пути объезда, женщина предполагает, как чувствует мужчина, и т.п.):

「きさま…なぜボタンのことを！」「数ヶ月前にてめえが突然強くなったと聞いて、たぶんそうだろうと思ったのさ」「ボタンって…なんのこと？」咲苗が尋ねる。「学聖ボタン… // «Ты это к чему про кнопку?» «Да я как пару месяцев тому назад услышал, что ты вдруг стала лучше учиться, сразу подумал, что, **наверное**, это…» «Что за кнопка-то?» – допытывается Сакинаэ. «Ну что кнопку ты волшебную нажала у себя для учёбы… (А.Ито «Великий дежурный», №40, 2004) [7]

なんて、酷いです。何でひどいんですか？？私はそういう男友達ばかりです。相手も**多分**そうだと思います。信頼してるから友達なんです。// Ужас, мол. А что ужасного? У меня все мужчины-друзья такие. И у них так, **наверно**. Верись, потому и дружишь (сайт полезных советов «Яху» 2005)

В ответе на вопрос, в рассуждении, если Г и нельзя заподозрить в неискренности, уклончивости, представляемая точка зрения – неполная, не исчерпывающая. Эту «предысторию» может оговаривать сам Г:

教示賜りたいとお手紙を出しましたところ、他の資料を添えて「たぶんそうだろう」というお返事をいただきました。 // Когда я обратилась за справками, мне прислали ещё материалов и ответ в том духе, что, мол, **наверное**, всё было так-то и так-то. (К.Ута «О хайку» 2005) [7]

あまりにもサラッと言い流す夢子に広樹は、自分でもはっきりとはわからないが、多分そうだろうと思うことと、涼子とのいきさつを、夢子と同じようにサラッと話した。// Хироки рассказал чересчур разболтавшейся Юмэко, что, **хотя сам не очень всё для себя понял**, но считает, что, **наверное**, всё так и было, рассказал про Рэйко – так же легко, как его собеседница (Р.Адзуми «Мечтательница Юмэко» 2003) [7]

Предполагаемое положение дел может быть и не единственным:

勇気があれば、『暴力は良くないですよ』の一言でも言いたいけど、**多分**できないし、できたとしても、その場かぎりで、家に帰ったら、同じような事するだろう

し// *Хватило бы духу – надо сказать одно: Насилие – недопустимо! Но наверное, я так и не смогу этого сказать. А если и смогу, то, когда вернусь домой, всё начнётся с начала (сайт полезных советов «Яху» 2005)*

彼は事実上そうした不愉快な目に会うのを免れていた。いつまでも免れ続けることは**多分**できないだろう。いつか恥をかく可能性は、これから先いくらでもある。// *Ему как-то удавалось избегать этих неприязненных взглядов. Но, **пожалуй**, бесконечно так уходить от критики не получится! Возможностей осрамиться в один прекрасный день у него будет предостаточно. (Х.Джеймс, пер. Ц.Аоки, собр. соч. 1997) [7]*

В протазисе предложений с причинностной связью мы видим такие аргументы, которые не влекут за собой однозначных следствий. Неабсолютный характер предположения Г может быть вербализован и использован для создания неопределённого, уклончивого тона:

背中から声をかけられた。この時刻でこの場所ならばたぶんそうだと思っていたが、振り向くと、やはり叔父が立っていた。五年前に死んだ叔父である。// *Меня окликнули со спины. В такое время в таком месте, пожалуй, это не мог быть никто другой. И точно: за мной стоял дядя. Умерший пять лет назад. (Х.Каваками «Божество» 2008) [7]*

上司から知らされてそのとおりに書いたのかと問われて、調べた記憶がないからたぶんそうだと思うと答えている。// *На вопрос, написал ли он это по приказу начальника, был ответ: поскольку не помнит, чтобы проверял цифры сам, то, наверное, так и есть (Х.Нома «Процесс Саямы» 1976) [7]*

大津のマンションを出たのは事実なんだな?」たぶんそうだと思いますけど...確証はありません。// *То есть, это факт, что он вышел из дома Оодзу? Ну наверное... Но решающих доказательств нет. (С.Ваку «Убийство в Оку-Сага» 2005) [7]*

В потоке речи предположение является неокончательным и может предшествовать опровержению. Так и допущение, делаемое Г, не является для него принципиальным, он готов пожертвовать им ради другой мысли (с *osoraku* расположение частей уступительной конструкции обратное!):

高度はおよそ11, 000フィートあったので、英国の寒さに耐え得ることが期待できた。**多分**そうだったろう、しかし不幸にも栽培はとても難しい // *Высота составляла около 11 тыс. футов, поэтому к английским холодам культура должна была выдерживать. **Возможно**, так оно и было – но вот выращивать её, увы, оказалось очень тяжело. (Ф.Кингдон-Уорд, пер. Х.Цукатани, «Паломничество агронома» 1999)*

И в монологической речи, и как реакция на введённую собеседником пропозицию идею текущее предположение не обладает ключевой важностью для Г. В монологическом размышлении оно пока не подталкивает Г к решительному выводу, идее о необходимости определённого действия, не играет ключевой роли для развития его мысли:

しきゃく? シキヤク? まさか、ひょっとして刺客? のこと? 前後の文脈で言うと**多分**そうだけど、「しかく」じゃなかったっけ? と思ったけど自信なかったから辞

書調べたらやっぱり... // «Сикаку»? Это вообще японское слово? Да ну? Может, речь о «подосланном убийце»? Судя по контексту, **наверное**, так оно и было, но разве это читается не как «сикаку»? Уверенности не было, поэтому посмотрел в словаре – и конечно... (блог сайта «Яху» 2008)

Только *tabun* встречается в исследуемой части корпуса в вопросе. В фразе в скобках с ним Г замечает о вероятности события в мире адресата, достоверной информации о котором у него по определению не может быть.

4. Контексты, где встречается *kitto*, отличает критическая серьёзность отношения и особая мысленная и душевная концентрация, приводящая к фиксации на определённой пропозиции. Среди наших примеров именно это наречие встречается там, где речь идёт о моральном долге, здоровье, а то и жизни людей, или же об установлении истины в уголовном расследовании. Замена на *tabun*, вероятно, сделала бы тон такой фразы неприемлемо легко-весным. Коммуникативный профиль этих высказываний – эмоциональные уверения, подстрекательство, горячее, полное энтузиазма согласие. При этом сила убеждения раскоррелирована с аргументацией, что заметно в уверении, направленном на самого Г:

房にしこりがあるという事実だった。何かのまちがいよ、と彼女はひとりつぶやいた。きっとそうだわ。さらにもう一度、指を慎重に動かした。温かいシャワーを浴びていても体は冷えて...// *В груди и правда было уплотнение. Да это какая-то ошибка, проговорила она, **наверняка** просто ошибка. Ещё раз осторожно прощупала это место. Хотя стояла по горячим душам, ей стало зябко* (К.Маквайр, пер. Ё.Окады «Жестокое убийство» 1999) [7].

То, что доводы приводятся наперекор логике, рациональности, выдают и ремарочные глаголы:

あの『振り子』と一緒に揺れながら死んだ瞬間、ヤコポ・ベルボはそれに気づいて安堵の眠りについたので。きっとそうだ、そう信じる、願う、祈る。// *В миг, когда, раскачиваясь с «маятником», Якопо Болонский испустил дух, он понял это и почил в мире. **Точно!** Так я верю, прошу, молюсь.* (У.Эко, пер. М.Фудзимуря «Маятник Фуко» 1993) [7]

В высказываниях о третьих лицах или мире собеседника в основе предположения проступают скорее убеждения Г, чем факты:

結婚した相手に対し、過去の異性関係を聞くのはタブーだと思っています。奥さんも、きっとそうだと思っていますよ。それなのに、なぜそんなことを言うのか分かりますか? // *Расспрашивать мужа или жену о прошлых связях с противоположным полом считается табу, понимаете? Да вы сама так **наверняка** считаете. Тогда зачем же вы сами об этом говорите?* (сайт полезных советов «Яху» 2008) [7]

Такие декларации уверенности (ср. рус. *я считаю*), какими являются высказывания с *kitto*, в речевом потоке не предполагают дальнейшего опровержения. Эта уверенность скорее даёт повод к действиям, а не к дальнейшему движению мысли. Но настоящее их место – в споре, когда имеет место попытка побороть оппонента не аргументами, а силой авторитета, нажимом – ср. рус. *я тебе говорю*:

結婚のほうがましだと、〈槍の乙女〉たちは思ってるのかもしれない。きっとそうだ。「すぐに出かける準備をしてくる」と // *Уж лучше тогда замуж, так, возможно, рассуждают и «девы с копьями». Да точно! «Так, я пойду готовлюсь к выходу»* (Р.Джордан, пер. Х.Сайто «Корона мечей» 1993)

日本女性も民族衣装の下に何もつけないという話が頭に浮かんだこと。彼女たちはきっとそうだということ。そして、…飲んでしばらく経ったときのことである。ママがグイグイと押してきた // *Мне почему-то пришло в голову, что у японки под национальной одеждой ничего нет. Так же наверняка и эти! Я выпил, и через некоторое время ко мне протиснулась хозяйка заведения* (М.Шарма, пер. К.Ямады «Япония, страна потерь» 2001) [7]

В монологе-рассуждении *kitto* встречается и после опровержения иной позиции (не вполне аргументированного), и после предположений с пропозицией меньшей вероятности. В последнем случае заметно, что повышение уверенности не сопровождается усилением доказательности:

—お父さんも、ぼくとべつべつのあいだに、いろいろなものを見たり、いろいろな人に会ったのかもしれないな。きっとそうだ…。サトルは、お父さんにいろいろ話したくなった。お父さんの話もきいてみたい。// *Отец тоже, наверное, пока жил отдельно, много всего повидал. Наверняка! Сатору захотелось обо всём рассказать отцу. Хочется и послушать его рассказы.* (Дз.Тои «Камень Катина» 1997) [7]

Испытывая недостаток средств убеждения, в предположениях с *kitto*, как и с *tabun*, Г активнее помогает себе коммуникативными частицами – *yo*, *na*, *ne*, см. [1]. Этого, за исключением *ne*, не происходит с *osoraku*.

Как изолированный ответ на вопрос встречаются *osoraku* и *tabun*, маркирующие, насколько можно предположить, определённую степень ангажированности Г за реальность своих предположений, но *kitto*, ничего не сообщающий о степени реальной вероятности события, – никогда.

По сравнению с примерами с *kitto* использование *zettai-ni* дополнительно повышает полемический, эмоциональный накал речи: такие выражения крайней уверенности Г в своей правоте видим только в спорах и уверениях. Семантически стёртый, менее «напряжённый» вариант лексемы встречаем в речи пользователей интернет-ресурсов.

5. Предпринятый анализ весьма ограниченного отрезка языковой действительности указывает на то, что речевые ситуации употребления трёх основных наречий со значением эпистемической вероятности в современном японском языке сильно различаются. Как видно, прибегая к тому или иному из них в высказывании гипотетического или реконструирующего характера, говорящий формирует свой коммуникативный образ и тон. При этом в *osoraku* ответственное, деловое отношение, возможность использования в структурированной аргументации связана с чёткостью оснований для предположения. Необязательное, досужее предположение, допущение в случае *tabun* укоренено в признаваемой говорящим возможности различных вариантов происходящего, из которых выбирается на не вполне чётких основаниях. Во фразах с *kitto* воздействие говорящего на собеседника базируется уже не на

силе аргументов, а на личном влиянии. Обоснованность суждения, как было показано, снижается от *osoraku* к *kitto*, а сила нажима на собеседника от *tabun* к *kitto* повышается. Мы убедились в важности среды употребления модальных слов для их интерпретации, хотя, конечно, уточнить язык описания позволит привлечение более широкого материала.

Список литературы

1. Чиронов С.В. Коммуникативные частицы и иллюкутивность: данные японского языка / Чиронов С.В. // Филологические науки в МГИМО : Сборник научных трудов. – № 55 (70) / Отв. редактор Г. И. Гладков. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2014. С. 73-97.
2. Чиронов С.В. Иллюкутивные наречия побудительной семантики в японском языке: возможности прагматического анализа / С.В. Чиронов // Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания; вып. 12» (октябрь, 2014 г.) [Отв. ред. Л.Т. Нечаева]. Москва: Ключ-С, 2015. С. 181-196.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
4. Erjavec I, Bekes A., Nishima K. Distant collocations between suppositional adverbs and clause-final modality forms in Japanese language corpora // Large-Scale Knowledge Resources. Construction and Application, 3rd International Conference on Large-Scale Knowledge Resources. Tokyo, 2008.
5. 杉村泰『現代日本語における蓋然性を表すモダリティ副詞の研究』東京: ひつじ書房 (Сугимур Х. Исследования модальных наречий с вероятностным значением в современном японском языке. Токио: Хицудзи сёбо) 2009, 189 с.
6. 田野村忠温 (1990) 「文における判断をめぐって」『アジアの諸言語と一般言語学』, 三省堂 (Нодамура Н. О суждении в предложении // Языки Азии и общая лингвистика. Токио: Сансэйдо) 1990. С 785-795.
7. 現代日本語書き言葉平均コーパス KOTONOHA (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) (Электронный ресурс) URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата обращения 26.01.2016)

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ»

ОБ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ И ПОРЯДКА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВВС В ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Астраханцев О.Н.

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-политических дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент, Иркутский филиал Московского
государственного технического университета гражданской авиации,
Россия, г. Иркутск

В статье рассматривается изменение условий и порядка комплектования личным составом учебных заведений военно-воздушных сил СССР в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. Автором выявлены основные проблемы, связанные с переходом на ускоренные сроки подготовки авиационных кадров.

Ключевые слова: военно-воздушные силы, военно-учебные заведения, авиация, авиашкола, авиационное училище, курсанты, Красная Армия.

Великая Отечественная война потребовала очень серьезных изменений в условиях и порядке комплектования военных училищ и школ. Были изменены и предъявляемые требования к поступающим в военно-учебные заведения Военно-Воздушных Сил (ВВС).

Так, еще 24 мая 1941 года в своих указаниях (№ 572298) заместитель Наркома обороны СССР обращал внимание на то, что: «Имеются случаи, когда отбирают в училища кандидатов явно не отвечающих установленным требованиям. В 284-й авиабазе отобрано 6 кандидатов в авиашколы с образованием 7 классов, тогда как нужно отбирать в эти школы с полным средним образованием» [2. д. 18, л. 32]. Меньше чем через месяц им же была подписана директива № 572535 от 28.06.41 года, в которой говорилось: «Наряд на отбор в авиационные школы призывников со средним образованием по директиве генерального штаба № 572268 от 20.05.41 года отменяется. Отбор кандидатов в школы первоначального обучения, стрелков-бомбардиров и авиационных механиков ВВС Красной Армии производить по прилагаемому наряду. Призывников отбирать с общеобразовательной подготовкой: для авиационных школ первоначального обучения и стрелков-бомбардиров с полным средним образованием; для авиационно-технических школ с образованием 7-9 классов» [Там же л. 35].

Аналогичные распоряжения получили аэроклубы страны. «Комплектование аэроклубов курсантским составом произвести за счет гражданской молодежи изъявивших желание добровольно поступить в аэроклубы. При недостатке добровольцев на выполнение наряда призвать и направить в аэроклубы граждан 1922 г.р. ...с уровнем образования от 7 классов и выше. Особо обратить внимание на отбор по социально-политическим данным. Кандидатов по национальности – немцев, поляков, латышей, литовцев, финнов, эс-

тонцев, греков, турок, персов, болгар, румын и других зарубежных национальностей в аэроклубы не принимать» [Там же л. 44, 44 об.]. Начальник Шосткинского аэроклуба, осуществлявшего подготовку кадров для Чугуевского авиационного училища, получил от командования этого училища следующую телеграмму: «Подтверждаю мое приказание – при отсутствии контингента 9-10 классов образования – производить набор в аэроклуб с образованием 7-8 классом, из числа производственников-стахановцев. Начальник Чугуевского авиационного училища комбриг Богослов» [2. д. 7, л. 5]. Таким образом, производственные успехи и социальное происхождение заменяло кандидату на поступление необходимый уровень образования. Это конечно не могло не сказаться на качестве подготовки. Желая выполнить план подготовки, аэроклубы не обращали внимания не только на уровень образования, но и на другие критерии – состояние здоровья, профессиональную пригодность курсантов и т.п. Летные школы, где требовалась начальная летная подготовка, отказывались принимать таких курсантов как не пригодных к обучению. В результате возникал конфликт между военными школами пилотов и аэроклубами. Иногда при разрешении таких конфликтов побеждал не разум и здравый смысл, а благосклонность начальства той или другой стороне. Например, командование Ейского военного авиационного училища категорически отказывалось принимать от Ростовского, железнодорожного /г. Москва/ и метростроевского /г. Москва/ аэроклубов, курсантов не соответствующих установленным требованиям. Отсев курсантов составлял до 50 % от общего числа направляемых в училище. Руководство аэроклубов написало жалобу в управление ВУЗов ВВС на незаконные действия командования училища, в итоге начальник управления ВУЗ Главного Управления ВВС Красной Армии генерал-майор авиации Иванов, получило приказ принять в училище выпускников указанных аэроклубов. Таким образом, училищу пришлось готовить летчиков из не пригодного контингента. В дальнейшем в ходе войны и эти критерии не соблюдались, ВУЗы ВВС получали контингент учащихся с уровнем образования 7, 6 и даже 5 классов.

В начальный период войны правительством страны, и командованием РККА были изданы ряд руководящих документов – приказов, постановлений, директив и т.п., определявших порядок комплектования, организацию учебного процесса и деятельность военно-учебных заведений в условиях военного времени, среди них: Приказ НКО № 0170 – 1941 г. «Об изменении срока выпуска из военных училищ и укомплектование их новым переменным составом», Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) «О порядке подготовки резервов в системе Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского Флота», Приказ НКО № 0126 – 1941 г. «О сформировании к 1 июля 1941 года десяти военных авиационных школ первоначального обучения» и др. Всего за период с 22 июня 1941г. по конец 1941года, в стране было издано 12 приказов НКО СССР, определявших комплектование, процесс обучения, порядок сдачи экзаменов, и проведения выпусков из военных училищ и школ. Это приказы № 111, 134, 140, 148, 166, 197, 203, 06, 050, 070, 0170, 0038 [1, с. 109].

Список литературы

1. Иванов С. Н. Военные училища Наркомата обороны СССР в Сибирском военном округе в годы Великой отечественной войны: дисс. ...к.и.н. Новосибирск, 2010. С.109.
2. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11284.

К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАНСКОМ КРАЕ: «ОТЧЕТ КАЗАНСКОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ОКТЯБРЯ 1919 г. ПО ЯНВАРЬ 1920 г.»

Герич А.А.

аспирант кафедры «История и педагогика»,
ФГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет»,
Россия, г. Казань

В статье рассматривается вопрос о централизации системы образования в Казанской губернии на основе анализа одного из документов сборника «Культурное строительство в Татарии: 1917-1941. Документы и материалы». Данный документ имеет историческое, культурное и научное значение как письменный источник советской эпохи.

Ключевые слова: архивный документ, исторический источник, сборник документов, централизация системы образования, Казанская губерния.

Архивные документы представляют собой уникальное явление культуры, которые хранят достоверную информацию, обогащающую культуру любого общества, в том числе российского, к тому же эта информация может дать ответ на актуальные и спорные вопросы былой эпохи, влиять определенным образом на день сегодняшний и в какой-то мере предопределять будущее [1, с. 4]. С исторической, научной и культурной точек зрения представляет значительный интерес изучение документов, опубликованных в сборниках архивных учреждений. Данные сборники документов советского периода основываются только на архивных материалах. Вместе с тем, с позиций сегодняшнего дня сборники документов сами являются ценными историческими источниками, заключающими в себе информацию о прошлом.

Среди прочих сборников документов, изданных республиканскими архивами ТАССР, можно выделить сборник документов «Культурное строительство в Татарии: 1917-1941. Документы и материалы», освещающий один из этапов культурного строительства республики [2, с. 8]. Нами был выбран такой документ, как «Отчет казанского отдела народного образования о деятельности с октября 1919 г. по 1920 г.» в качестве документа советской эпохи.

В первые годы советской власти происходило становление системы образования как в центре, так и на местах. В связи с этим губернское и городское отделение народного образования Казанского края подверглось реформированию. Это нашло отражение в «Отчете Казанского отдела народного образова-

ния о деятельности с октября 1919 г. по январь 1920 г.», в котором говорится о слиянии губернского и городского отделов народного образования. Тем самым это дало возможность местным органам власти сократить дублирование функций двух отделов [2, с. 120].

В результате данной реорганизации было образовано 11 подотделов: 1) внешкольного образования, 2) единой трудовой школы, 3) снабжения и издательства, 4) финансовый, 5) профессионального образования, 6) статистический, 7) информационный, 8) инструкторский, 9) транспортный, 10) секретариат, 11) социального обеспечения [2, с. 120]. Так, подотдел единой трудовой школы работал с детьми от 3-х до 18-летнего возраста. Этому подотделу были подчинены все дома подростков, приюты и колонии, которые до этого находились в ведении отдела социального обеспечения [2, с. 121]. Таким образом, отдел народного образования должен был воспитывать и заниматься образованием абсолютно всех детей республики, независимо от их социального статуса и происхождения.

Внешкольный подотдел имел восемь секций, в число которых входили: библиотечная, театральная, секция кинотеатров, лекционная, школьно-курсовая, клубная, секция изобразительных искусств, музыкальная. Деятельность всех названных секций была направлена на обслуживание всех без исключения нужд внешкольного образования [2, с.120-121]. Кроме того, в губернский отдел народного образования был включен Союз Коммунистической молодежи, который стал работать совместно с отделом Союза работников просвещения и социалистической культуры [2, с. 122].

Каждый подотдел управлялся заведующим, а для решения более широкого круга вопросов любого подотдела, создавалась Коллегия подотдела. Для управления всеми подотделами также была создана Коллегия и президиум губернского отдела народного образования в составе 3-х человек. В конце каждого месяца составлялся отчет о деятельности всех подотделов. А уже на основании этих отчетов составлялся единый отчет губернского отдела народного образования, который представлялся в губернский исполнительный комитет как вышестоящему органу. [2, с. 122-123].

Таким образом, уже в самом начале построения нового социалистического государства, вопросы создания качественной системы образования имели для властей достаточно большое значение и в плане образования населения, и в плане организации самой системы. На основе анализа содержания изучаемого документа – отчета, можно свидетельствовать о мощной и жесткой централизации органов управления народным образованием, о включении в образовательный процесс широкие слои населения с целью ликвидации неграмотности в стране и в целом повышения образовательного и культурного уровня советского общества.

Список литературы

1. Шамсутдинова Р.Г. Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.) /Р.Г. Шамсутдинова. Казань: Изд-во «Гасыр», 2007. 231 с.
2. Культурное строительство в Татарии: 1917-1941. Документы и материалы / Под ред. М.К.Мухарямова, М.З.Гутаева. – Казань, Таткнигоиздат, 1971. 671 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «МӘНГІЛІК ЕЛ» РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ергалиев Ж.Х.

старший лейтенант гражданской защиты, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, языковой и психологической подготовки, магистр гуманитарных наук, Кокшетауский технический институт КЧС МВД Республики Казахстан, Казахстан, г. Кокшетау

Рахым А.Г.

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, языковой и психологической подготовки, магистр юридических наук, Кокшетауский технический институт КЧС МВД Республики Казахстан, Казахстан, г. Кокшетау

В статье «Исторические корни национальной идеи «Мәңгілік Ел» Республики Казахстан» рассматриваются исторические предпосылки идеологии государства. Анализ основных исторических источников по истории Казахстана показывает, что идея рождена всем тысячелетним историческим опытом народа.

Ключевые слова: национальная идея, «Мәңгілік Ел», государственная идеология, Послание.

В 2014 году Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев обращаясь с Посланием народу Казахстана отметил: «Год назад я огласил новый политический курс развития страны до 2050 года. Главная цель – войти в число 30-ти развитых стран мира. Это – проект «Мәңгілік Қазақстан», путь достижения высоких вершин нашей страны» [1].

В этом выступлении Президент огласил официальную идеологию государства – «Мәңгілік Ел». Это и есть основа национальной идеи Республики Казахстан. Данная идея – эта не только та идея к которой стремились наши предки на протяжении многих веков, но и путь развития независимого Казахстана, для развития которой созданы главные ценности, которые объединяют всех казахстанцев и составляют фундамент будущего нашей страны. Для того чтобы понять смысл концепта «Мәңгілік Ел» необходимо обратиться к отечественной истории и определить исторические предпосылки.

Впервые в исторической науке идеи схожие с концептом «Мәңгілік Ел» исследовал ученый тюрколог Каржаубай Сарткожаулы, который в международном популярном историческом журнале «MANGI EL» утверждал: «Мәңгілік Ел – мудрость тюркского народа основоположником которого был советник кагана Тоныкок». С восшествием на престол Тюркский каган – Елтерис-Кутлук смог продолжить начатые идеи Тоныкока. Уже в те времена (примерно 13 веков назад) власть страны тюрков имела основу – цель «Мәңгілік Ел». Эта идея воплощалась тюрками в защите национальных интересов, внутренней и внешней политике, защите страны от внешних посягательств [2].

На стеле Культегина была высечена мечта о единстве народа и великом независимом сильном государстве:

Чтобы поднять (свой) народ,
(я предпринял) с большими войсками двенадцать (походов):
налево (т.е. на север) против народа огузов,
вперед (т.е. на восток) против народа кытай и татабы,
направо (т.е. на юг) против табгачей ... сразился. После
того, – да будет (ко мне) Небо благосклонно,
– так как на моей стороне было счастье и удача,
то я поднял (т.е. призвал) к жизни готовый погибнуть народ,
снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ,
сделал многочисленным малочисленный народ [3, 24].

В трудах одного из представителей средневековой восточной философии – Аль Фараби идеи «Мәңгілік Ел» отражены в форме «добродетель» – общество которое должно достигнуть истинного счастья для всех жителей где будет господствовать добро и справедливость. В его социально-этических трактатах – учениях об образцовом городе-государстве раскрывается теория об общественном устройстве основанная на идеях массового счастья [4, 126].

Идеи – мәңгілік отражены в бесценном шедевре тюркской литературы – «Құтты Білік» Жүсіпа Баласағуни:

«И ввел Огдюльмиш справедливость повсюду,
И много даяний раздал всему люду.
Народ он избавил от тягот и бедствий,
И слуг отдалил он, повинных в зловердстве.
Упрочен закон был, окрепла страна,
Элик был спокоен: держава прочна.
Народ цвел все боле под властью закона,
Враги разбегались, бросаая знамена...
...»Когда неразумный правленье берет,
Страдает страна, терпит муки народ.
А если властитель умен и учен,
Страна благоденствует – знай наперед!»... [5, 155].

Он полагает, что единственным путем установления гармонических отношений между социальными группами и классами, утверждения социальной справедливости является выработка гуманного закона управления государством.

Только когда глава государства действует справедливо, на основе закона, утверждает Юсуф, возникает идеальное государство. Мыслитель считает, что справедливый властелин должен быть просвещенным, мудрым, он должен обладать разумом, знаниями и рассудком. Он призывал правителей управлять государством, опираясь на успехи науки, просвещения и т.д.

Подлинный сын степей, моралист, философ Асан Кайгы мечтал преобразовать родную степь в край изобилия и достатка, в обитель, где будет хорошо всем, и бедным и богатым, где нет «ни зимы, ни зноя, где птицы гнез-

дятся на спинах овец», и назвал ее эпически обетованной землей – Жер Уюк. Асан Кайгы считал, что Жер Уюк должна стать местом счастья и равноправия людей. И независимо от условий жизни, человек должен быть искренним и честным, боясь как огня «ложных показаний», «дурного слова», потому что именно с ними связано «зло» на земле. На быстрой, как ветер, верблюдице Асан – ата объездил все стороны света, однако нигде не смог найти Жер-Уюк. Неутомимый искатель счастливой земли, выразитель чаяний людей верил, что рано или поздно такое место найдется... [6, 104].

Первая половина XVIII века. Казахское ханство оказалось в сложной геополитической ситуации. С севера и запада Российская империя с Юго-востока Поднебесная империя, между ними два кочевых государства Казахское и Джунгарское ханства. На политическую арену, в период битв «на выживание» выходит аруах – «Абылай» он же Абильтмансур, сплотивший народ. Бұхан жырау советовал Аблаю не воевать с Россией, остерегаться китайско-манчжурских войск. Бухар Аблая называет «щедрый Аблай», «моя опора». Он видит в нем того хана, вокруг которого спланивается народ, собирающего всеказахское ополчение, совершающего походы и обогащающего подданных военной добычей. Доблестен и славен хан-военачальник, именно таков для Бухара Аблай. Идеи родового и племенного единства разрастаются в песнях Бухара в идею всех подданных Аблая, т.е. единства государственно-го. Он требует заботы хана о народе, и признания народом хана [7, 102].

В современных условиях, когда в международном сообществе вместе с международным экономическим кризисом настаивает политический; превращение биполярного мира в многополюсный, трансформация «холодной войны» в информационные и санкционные. Перед нашей родиной нависает множество угроз извне.

Таким образом, чтобы государство успешно развивалось, воплощая в жизнь планы и мечты, обществу нужна национальная идея. И она прозвучала в Послании Президента Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь-2050: единая цель, единые интересы, единое будущее». Лидер нации провозгласил национальную идею «Мәңгілік Ел», которая рождена всем тысячелетним историческим опытом казахского народа, казахстанским путем, пройденным за годы независимости. «Мәңгілік Ел» – это новая идеологическая концепция страны, направленная на объединение, сплочение и согласие казахстанского народа.

Список литературы

1. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее // Казахстанская правда. – 2014. – 18 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazpravda.kz/rubric/ekonomika/kazahstanskii-put-2050-edinaya-tsel-edinie-interesi-edinoe-budushchee/> (дата обращения: 20.01.2016).
2. Қаржаубай Сартқожаұлы. «Мәңгілік Ел» идеясы қалай туды... // Международный научно-популярный исторический журнал «MANGI EL». 2013. – 1 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/books/library/read/258#scontent> (дата обращения: 10.01.2016).

3. Радлов В., Мелиоранский П. Сборник трудов Орхонской экспедиций, вып. IV. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1897. 48 с.
4. Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммед. Социально-этические трактаты. [Пер. с арабского]. Алма-Ата: «Наука». 1973. 400 с.
5. Баласагунский Ф. Благодатное знание. М.: «Наука», 1983. 560 с.
6. Қасқабасов С. Миф пен эпсананың тарихилығы// Қазақ фольклорының тарихилығы А.: 1994. С. 82-129.
7. Абуев К. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау: КГУ, 2011. 300 с.

РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В РОССИИ ВО ВРЕМЕНА ПЕТРА ВЕЛИКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В СФЕРЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Козлова О.А.

соискатель сектора гендерных исследований, соискатель,
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Макля
Российской Академии Наук, Россия, г. Москва

В статье рассматривается одна из важных составляющих российской повседневности петровской эпохи: расторжение брака как часть общей сферы брачно-семейных отношений российского общества конца XVII – начала XVIII в. Изучение юридического аспекта расторжения брака в петровскую эпоху с точки зрения гендерных исследований может способствовать дальнейшему углубленному исследованию общей сферы семейных отношений российского общества вышеуказанного периода, проследить за соблюдением прав и обязанностей мужчины и женщины в семье и обществе во времена Петра Великого и в дальнейшие исторические периоды.

Ключевые слова: гендер, патриархат, традиция, социум, петровские реформы, европеизация, вестернизация, семья, супружество, расторжение брака, развод.

Сфера семейных отношений, составляющая масштабный пласт изучения повседневности, представлена широким спектром межличностных, социальных и юридических взаимодействий, выражающихся в таких аспектах повседневности, как быт, семья, семейные отношения и традиции, сфера юридических прав и обязанностей членов семьи и т.д. В современном обществе вопрос сохранения семьи и брака является наиболее проблемным и актуальным, потому исследование аспектов, связанных с историей бракоразводного права, должно занимать одну из приоритетных ниш в социологических, этнографических и культурологических направлениях современной науки. Вопрос воспитания у народа патриотизма, нравственности, верности традициям сейчас стоит особенно остро, в связи с чем изучение нюансов, связанных с традиционными моральными убеждениями, ролью церкви и государства в частной жизни семьи, представляется нужным и важным в рамках современного социального и культурного развития общества [17, с. 73].

Расторжение брака как явление юридической и социальной жизни общества существовало в России на протяжении многих столетий. Согласно

каноническому православию, развод являлся чем-то неестественным и богопротивным, поскольку в данном случае людьми расторгался брак, благословлённый Богом, что противоречило ведущим христианским доктринам. Как отмечает в своём труде И.М. Громогласов, чисто христианское определение брака дано в статье «О тайне супружества» в Кормчей книге, где ясно выражается мысль о сакраментальном достоинстве христианского брака, что по общему катехизическому учению о таинствах предполагает необходимость в особом совершительном «священнодействии», сообщающем «благодать, или спасительную силу Божию» [10, с. 30].

Историография проблемы любопытна своей контрастностью: в рамках дореволюционной историографии по вышеуказанному вопросу и тесно связанным с ним аспектам положения семьи, степеней родства, тесной связи семьи и общества в государстве, присутствуют труды А.И.Загоровского [12; 13], В.С.Иконникова [16], Н.С.Суворова [38], А.Г.Смирнова [36]. Исследователи рассматривали роль семьи и её членов в частной и общественной жизни, изучали складывание института традиций и обычаев, верность которым приветствовалась в допетровской Московии и раннепетровской России. А.И.Загоровский в своих работах соединял юридический контекст с этнографическими описаниями и подробным изучением исторических документов, а Н.С.Суворов фокусировал внимание, по его собственному утверждению, на «истории русского правосознания в институте развода» [38, с. 331]. В.С.Иконников же посвятил свою работу акцентированию внимания на личности русской женщины, эволюции её сознания, актуализировал вопрос её роли в семье и обществе, сфере её личностных переживаний, что особенно ценно для изучения вышеуказанной проблемы. А.Г.Смирнов исследовал именно правовую основу отношений русской семьи, что, несомненно, ценно для исследования вопросов, касающихся в частности института брака и его составляющих. Исследование М.Ф.Владимирского-Буданова [9] позволяет в целом более внимательно изучить всю сферу правового регулирования российского общества, включая и такую сложную многоаспектную процедуру, как расторжение брака.

Советская историография практически не затронула вниманием вышеуказанный вопрос, но в постсоветских исторических исследованиях возродился интерес к изучению повседневности и частной жизни, в том числе к бракоразводному праву, что прослеживается в трудах Н.Л.Пушкарёвой [31; 32; 33; 43], Т.Н.Мальковской [20], Т.Максимовой [19]. Эти исследователи сумели в своих работах объединить сферу гендерных отношений с юридическими аспектами, что составляет несомненный научный интерес, но нуждается в дальнейшем развитии в силу малого количества времени, в ходе которого осуществилось возвращение исследований к сфере изучения истории этнической повседневности.

Необходимо также отметить исследования зарубежных учёных – Н.Бошковской [41] и М.Ламарш-Маррезе [42]. Н.Бошковская в своём исследовании сфокусировала основное внимание на гендерной сфере изучения истории повседневности русского общества, а М.Ламарш-Маррезе весьма углуб-

лѐнно изучила вопросы правового урегулирования на примере прав русских женщин привилегированного сословия, затронув, в том числе, и вопросы соблюдения в законах России интересов женщины в случае расторжения брака в указанный период времени.

Наибольшую ценность в изучении такого сложного явления, как расторжение брака в патриархальном русском обществе, продолжавшем, несмотря на проведѐнную Петром I европеизацию, частично сохранять в укладе своей повседневности привязанность к традициям и идеалам прошлых эпох, имеют исторические источники. Это и нормативные акты, изданные при Петре Великом и его преемниках, касающиеся брачно-семейных отношений [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 34], и фольклористические источники, косвенно затрагивающие вышеуказанную проблему [22; 37; 40], и воспоминания иностранцев, являвшихся очевидцами тех событий [4; 5; 6; 7; 35].

Согласно исследованию А.И. Загоровского, в допетровской и петровской России существовало немало поводов к разводу. По его выражению, «...с Петра Великого замечается явственно новое течение в области нашего бракоразводного права. Это течение вызвано было мерами этого государя, направленными на поднятие значения личности русской женщины в обществе и в особенности в семье, указами, изданными Петром, и постановлениями церкви, имевшими целью гарантировать свободу брачующихся, и, наконец, законами его и его преемников, положившими начало, согласно которому все законодательные нормы, касающиеся брачного права, требовали санкции монарха...» [12, с. 177].

В XVIII в. в России взял старт процесс вестернизации социально-экономической и политической системы, направленный на преодоление и замену традиционных ценностей, которые стали рассматриваться как препятствие развитию страны, – новыми, модернизационными [1, с. 88]. С вестернизацией и модернизацией России неразрывно связан процесс секуляризации. Во время петровских реформ Россия столкнулась с неизбежностью того факта, что религия продолжала (несмотря на проводимую европеизацию) играть значимую роль в культуре, образовании, государственности, личностном восприятии общества, что налагало свой отпечаток на правовую систему и её особенности [2, с. 26; 3, с. 68].

В системе бракоразводного права в России начала XVIII в. одну из главных ролей сыграл Пётр Великий. Именно в его правление бракоразводное право стало совершенствоваться с юридической точки зрения, попирая патриархальные каноны, диктуемые консервативными убеждениями допетровской Московии.

Пережив опыт навязанной ему женитьбы на Евдокии Лопухиной [21, стб. 118] и тяжелейший развод с нею, Пётр воспользовался первым же случаем, чтобы, ослабив могущество церкви, допустить в государстве возможность расторжения брака, поводы к которому заранее обговаривались [17, с. 73]. Он узаконил право свободного выбора женихов и невест [29, с. 197 – 198], запретил вступать в брак «дуракам» [23, с. 191 – 192] и назначил более зрелый брачный возраст [29, с. 197 – 198], чем определено в Кормчей. При

нем зародился взгляд на брачный союз как на акт свободной воли брачующихся [19, с. 55; 28, с. 413 – 419; 29, с. 197 – 198], а указ от имени Святейшего Синода, позволяющий православным христианам вступать в брак с иноверцами [28, с. 413 – 419], явно свидетельствует о начале более толерантного отношения к правам супругов в семье и государстве в ходе проводимых преобразований.

Безусловно, утверждение о том, что в ходе петровских реформ система брачно-семейных отношений изменилась мгновенно, ошибочно: это был долгий и трудный процесс, обусловленный как несовершенством самой юридической системы, так и наличием огромного пласта традиционных патриархальных устоев, продолжающих порой негативно влиять на восприятие российского общества того времени.

Своеобразным противоречием действиям Петра Великого, направленным на расширение законодательной основы бракоразводного права в России начала XVIII в., служат заключённые по его инициативе династические браки его племянницы – царевны Анны Иоанновны [24, с. 494 – 497; 26, с. 525 – 527; 27, с. 566 – 568], и сына – царевича Алексея Петровича [25, с. 669 – 673]. Эти союзы были заключены исключительно из политических соображений, поскольку в сохранившихся источниках существуют многочисленные упоминания о том, что союз царевича и принцессы был несчастлив, а Анна Иоанновна овдовела слишком быстро, чтобы в полной мере успеть пожить семейной жизнью. Ещё две попытки Петра I выдать вдовствующую Анну Иоанновну замуж так же носили исключительно династический характер и отнюдь не учитывали интересов самой женщины [26, с. 525 – 527; 27, с. 566 – 568]. Столь же несчастлив был брак и другой племянницы Петра Великого, Екатерины Иоанновны, заключённый с герцогом Мекленбургским так же по политическим соображениям: завершился этот союз тем, что Екатерина Иоанновна, не выдержав побоев и издевательств мужа, сбежала в Россию вместе с маленькой дочерью Анной (будущей правительницей Анной Леопольдовной), и наотрез отказалась возвращаться к супругу [8, с. 31].

Несмотря на столь показательные примеры из жизни членов собственной семьи, Пётр I весьма успешно проводил в жизнь законодательные шаги по изменению юридической ситуации в семейном праве. Его реформа в области церковного управления стала одной из радикальнейших реформ страны [13, с. 190]: передача многочисленных вопросов бракоразводного права в ведомство Святейшего Синода стало явным доказательством прозападных веяний петровских преобразований. По утверждению Л.А.Андреевой, в России началось переосмысление традиционной православно-исповедной точки зрения на вопросы культуры и образования [1, с. 89]. Высшее общество, в наибольшей степени зависимое от прозападных нововведений Петра, поначалу принимало вводимые законодательные акты со справедливой их положению осторожностью и робостью [14, с. 97; 18, с. 71], но впоследствии уже более активно стало применять изданные нормативные акты [15, с. 324].

Несмотря на изменения в правовой жизни общества в петровскую эпоху, на издание ряда нормативных источников, напрямую касающихся брако-

разводного процесса, в российском социуме начала XVIII в. существовали те же поводы к расторжению брака, которые были актуальны ещё и в допетровские времена [12, с. 129 – 130; 13, с. 51; 18, с. 72], и которые будут рассмотрены подробнее ниже.

Прелюбодеяние. В допетровские времена за такой проступок наказывалась чаще всего женщина, с которой супруг разводился принудительно, независимо от её желания. В правление Петра Великого права мужчины и женщины в этом вопросе уравнились [19, с. 56].

Потеря невестой невинности до брака. В начале XVIII в. такой повод к расторжению брака был уже не столь распространён по причине расширения при дворе вольных нравов Европы, но, тем не менее, не терял своей актуальности [34, с. 158 – 160].

Добрачная беременность невесты не от жениха. Весьма неприятный повод к расторжению брака, не утративший своей актуальности ни во времена Петра Великого, ни во времена его преемников.

Показательным примером объединения двух вышеуказанных поводов к расторжению брака служит дело, поданное на рассмотрение в Синод, в котором муж просил развода на том основании, что «жена родила чрез 5 месяцев после брака. Святейший Синод, согласно с епархиальным начальством, отказал на том основании, что истец при вступлении в брак не объявил, как в 22 главе Второзакония показано, нигде пред начальством, что в жене не нашёл девственности и принял её в сожитие, да и по разрешении жены от бремени подал иск только чрез 6 месяцев. Следовательно, чрез пропускание времени лишил духовное начальство средств к раскрытию истины» [13, с. 211 – 212].

Обстоятельства, аналогичные с прелюбодеянием. Любопытен тот факт, что данный повод к расторжению брака стал наиболее уязвим в призме принятых Петром Великим законодательных актов. Т.к. из юридической практики того времени было известно, что порой супруги, желая избавиться от надоевших жён, пытались обвинить женщин в измене, клевета на них [3, с. 142; 13, с. 73; 18, с. 72; 34, с. 208], то уже в первые годы после смерти Петра Великого мы имеем возможность наблюдать законодательный акт, который запрещает мужчинам пытаться насильно избавиться от своих жён путём клеветы или пострижению в монахини [30, с. 769], что свидетельствует о жёсткой политике Петра I, проводимой против таких лжецов, дабы избежать ущемления прав женщины в обществе, что особо ярко проявилось при преемниках государя-реформатора.

Неспособность к брачному сожителю. Один из наиболее распространённых и актуальных при Петре и после него поводов к расторжению брака [36, с. 408]. Отсутствие между супругами интимной жизни или отсутствие самого факта конsummации брака ставило такой брачный союз под сомнение, и могло послужить уважительным поводом для дальнейшего развода [41, р. 139; 43, р. 144 – 145].

Весьма важным для исследования дополнением является тот факт, что в петровскую эпоху юридическая практика стала признавать поводом к разводу неспособность у супружеской жизни как жены, так и мужа в равной

степени [42, р. 149], в то время как Кормчая книга акцентировала внимание лишь на мужском бессилии [34, с. 216 – 217]. Интересно, что разводы вследствие неспособности жены к супружеской жизни основывались на тех же узаконениях Кормчей, которые говорили о неспособности мужей – очевидно, практика применяла здесь аналогичное толкование, дабы закон имел согласование с жизнью [13, с. 214].

Безвестное отсутствие одного из супругов длительный промежуток времени. Данный повод был уже не так широко распространён во времена правления Петра I, но не исчезал из спектра актуальных поводов для расторжения брака [15, с. 319].

Потеря рассудка одним из супругов. Один из наиболее уважительных поводов для расторжения брака в России петровского времени. Особенную актуальность и правовое обеспечение получал в случае, если один из супругов страдал не просто расстройствами психики, а буйным помешательством, что могло нанести вред здоровью и жизни его супруга/супруги [39, с. 47; 42, р. 88 – 90].

Однако, из синодских указов того времени возможно проследить, что не всегда духовная коллегия давала разрешение на расторжение брака по вышеуказанной причине, но, тем не менее, случаи расторжения брака по причине сумасшествия одного из супругов известны.

Так, 18 декабря 1725 года Московской духовной консисторией было решено такое дело: «По челобитью жены, что «со времени венчания 15 лет муж её находится в безумстве», велено было произвести следствие духовных дел управителю. При следствии родители мужа, духовный отец и посторонние свидетели подтвердили это. Брак расторгнут на основании Кормчей книги..., и ей дозволено вступить в новый брак...» [13, с. 217; 41, р. 393 – 394; 43, р. 136].

Пострижение в монашество. Должно быть, самый распространённый и актуальный способ расторжения брака в России раннепетровского и петровского времени. Сам государь Пётр Великий был вынужден расторгнуть свой брак с нелюбимой женой Евдокией Лопухиной, прибегнув к этому способу, несмотря на яростное сопротивление женщины разводу [11, с. 17; 21, стб. 122; 40, с. 202 – 204]. До нашего времени дошло несколько памятников фольклора, иллюстрирующих взаимоотношения супругов. В «Песне о царице Евдокии, супруге Петра, сложенной по случаю её пострижения» есть такие слова: «Постригись, моя немилая, постригись, моя постылая; на постриженье тебе дам сто рублей, на поскимленье тысячу, монастырь тебе построю в Суздале...» [22, с. 330; 37, стб. 125 – 129; 40, с. 202 – 204].

Объяснение этого повода простое: поскольку один из супругов посвящал себя Богу, то он более не имел права вести «злую», богопротивную супружескую жизнь, целиком и полностью отдавая себя, своё тело и душу на стезю служения Господу. Сексуальные отношения между супругами, которые ранее рассматривались как возможность продления рода, теперь не требовались, т.к. супруг/супруга уходили из «мира» «к Богу», покидали свою семью и более не принадлежали ей, становясь частью небесной, «Божьей»

семьи. Обет целибата, даваемый мужем или женой при принятии пострига, обязывал их отринуть всё мирское и посвятить остаток дней молитвам и искуплению грехов [17, с. 74].

В рамках данного повода церковь требовала, чтобы супруг, собравшийся принять постриг, пришёл к этому решению самостоятельно и добровольно, но и другой супруг, остававшийся «в миру», должен был быть согласен с его пострижением: «...если мужу жена не даст ножниц, то не должно постригать его в монахи, то же и жене...» [33, с. 155 – 156; 41, р. 267; 43, р. 127].

Поскольку развод вследствие принятия монашества был разводом «без вины», оставшийся «в миру» супруг мог вступать в новый брак, т.к. «несемейное» положение человека рассматривалось, как грех и нечто неестественное. Как показала практика, ни один повод к разводу не бытовал в России с таким размахом, как пострижение в монашество. Даже правители, обладавшие колоссальными властными полномочиями, предпочитали именно его как безошибочный и наивернейший способ расторжения брака [17, с. 74].

Обюдное любовное соглашение супругов в отношении пострижения одного из них в монастырь составляло нормальный юридический порядок при разводах такого рода [39, с. 52] и являлось идеалом мирного урегулирования столь сложного вопроса, каким являлся развод. Не менее, если не более частыми были практические случаи воли только одного супруга, преимущественно мужа, жаждавшего избавиться от надоевшей супруги, путём самопострижения или пострижения жены в монастырь [30, с. 769]. Чаще всего в рамках этого повода к разводу было «приневоливание другого супруга к принятию монашества». Потому в обществе быстро сложился стереотип того, что обряд пострижения немедленно разрывает брачные узы. Недовольно своей половиной супругу следовало только добиться сопричисления другого супруга к «ангельскому чину», и неприятный брак расторгался, а вместе с тем открывалась возможность найти себе другого супруга более по душе, чем первый. В этом аспекте бракоразводного права и брачно-семейных отношений петровской России мы вновь можем наблюдать противоречие практической ситуации проводимому законодательству: несмотря на юридическое усмотрение о равноправии женщин с мужчинами в вышеуказанном вопросе, чаще всего муж, выступая активным инициатором развода, добивался пострижения супруги крайними, если не сказать жестокими, мерами, «...старался избыть нелюбимую жену и для достижения этой цели не брезговал никакими средствами» [17, с. 74; 36, с. 402]. Муж, задумавший постричь жену, если она «по доброй воле» не выполнит его желания, «бьёт и мучит её всячески», пока она сама не пострижётся [8, с. 31 – 32]. Насильственные пострижения женщин в монахини даже во времена правления Петра Великого, активно расширявшего сферу юридической защиты прав женщины в социуме, были, к большому сожалению, весьма распространены, причём, мужья, насильно постригавшие своих жён, довольно часто позволяли себе самое грубое физическое насилие над ними, дабы принудить их к добровольному уходу от мирской жизни, и тем самым освободить мужа от тяготящих его супружеских уз [33, с. 170 – 171; 36, с. 402 – 404].

Показательным примером подобного случая стала судьба Александры Григорьевны Долгорукой, жены Василия Фёдоровича Салтыкова, родного брата царицы Прасковьи. Женщина много лет терпела побои и издевательство мужа, и, поддержанная отцом, обращалась к Петру с просьбой о расторжении брака, но дело тянулось столь долго, что А.Г.Долгорукая была вынуждена уйти в монастырь, дабы спасти свою жизнь от тирана-мужа [8, с. 29 – 30].

Бесплодие жены. Неспособность жены родить мужу наследников являлась одной из наиболее уважительных причин расторжения брака, и была актуальна как до правления Петра, так и после [32, с. 208; 33, с. 169].

Несмотря на наличие в законодательной сфере России начала XVIII в. ряда нормативных источников, способных иначе воспринять спектр юридических прав и обязанностей женщины, в отличие от патриархальной допетровской Московии, неспособность жены родить мужу детей была одним из тех поводов к расторжению брака, который априори ставил женщину в уязвимое положение. В данном случае женщина рассматривалась обществом не как личность, проживающая в социуме, а как субъект, обязанный даровать обществу пополнение в лице его новых граждан. Предназначение женщины в качестве матери особенно акцентировалось в процессе заключения брака, и неспособность её зачать, выносить или родить детей ставила под сомнение само право такой женщины на полноценную защиту своих интересов в случае расторжения брака по воле её супруга [41, р. 225 – 227].

Расторжение брака по обоюдному согласию супругов. Подобные поводы были, вопреки сложившимся стереотипам о глубоко патриархальных традициях российского общества конца XVII – начала XVIII в., распространены и базировались исключительно на автономическом праве супругов разорвать при желании брачный союз, сформулировав это таким образом: «Как мы по своей доброй воле сошлись, так по своей доброй воле и разошлись, за что один к другому на вечные времена не будем предъявлять претензии» [12, с. 185 – 186; 13, с. 124]. Подобное явление, существовавшее в конце XVII – начале XVIII, зафиксированное в многочисленных исторических источниках, напрямую может свидетельствовать об утрате церковью своих полномочий в сфере семейно-правовых отношений. По мнению А.И.Загорского, церковное венчание в данном контексте становилось неважным: одни супруги после заключения брака путём договора венчались в церкви, другие – нет, но и те, и другие считались законными супругами не только по народному правосознанию, но и по светской и духовной власти, пускай и низшего порядка [13, с. 125 – 126; 18, с. 73].

Непосредственное участие Петра Великого в урегулировании юридической сферы брачно-семейных отношений свидетельствует как о качественно новом веянии европеизации в развитии российского общества на рубеже XVII – XVIII в., так и об изменении представлений о типе человека [1, с. 91]. По мнению Л.А. Андреевой, в петровской России статичный человек уступил место динамичному, т.к. именно статичность членов общества была свойственна традиционному социуму допетровской Московии. Помимо этого, вве-

дение Петром в русскую политическую мысль понятия государства как силы, стоящей над монархом (идеала государственности), стало началом крушения традиционной религиозной модели легитимизации власти [1, с. 93].

Именно потому Пётр I, реформируя не только политические и экономические структуры подвластного ему государства, но также меняя структуру мировосприятия общества, способствовал изменению морально-нравственного и правового облика российского социума, что особенно ярко проявилось в сфере семейных отношений, включавшей, в том числе, и бракоразводные процессы.

В лице Святейшего Синода Пётр сумел сосредоточить высшее духовное управление и суд – и по бракоразводным делам в том числе. Условия возникновения этой инстанции и общий смысл её показали, что дальнейшее развитие брачного и бракоразводного права должно совершаться под ближайшим воздействием светской власти [15, с. 326; 16, с. 107; 20, с. 98 – 99].

Практика подчинения духовной власти светской очень показательна на примерах из жизни, иллюстрирующих происходившие в реальности ситуации, которые были описаны в многочисленных воспоминаниях и дневниках очевидцев, в частности – иностранцев, посещавших в то время Россию и наблюдавших происходящее [4, с. 86 – 87; 5, стб. 600; 6, с. 378; 7, с. 344; 35, с. 16 – 17].

К примеру, в «Записках о России» Г.Ф.Бассевича есть рассказ о разводе генерал-прокурора П.И.Ягужинского с женой:

«Брак генерал-прокурора Ягужинского с дочерью великого канцлера графа Головкина, совершённый несколько дней после этой печальной церемонии (т.е., после погребения царица Прасковья – вдовы Иоанна), был замечателен тем участием, которое принимал в нём император. Первая супруга Ягужинского, страдавшая ипохондрией и имевшая странный характер, ежедневно истощала его терпение; несмотря на это, он находил, что совесть ему не позволяет развестись с нею. Император, до которого дошли о том слухи, взял на себя труд объяснить ему, что Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях здешней жизни; что никакой союз в свете так не свят, как доброе супружество; что же касается до дурного, то оно прямо противно воле Божией, а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасения души. Поражённый силою этих доводов, Ягужинский согласился получить разрешение от своего государя на развод...» [5, стб. 600; 13, с. 192].

Справедливости ради так же следует отметить, что второй супругой П.И.Ягужинского, Анной Гавриловной Головкиной, ставшей его женой в ноябре 1723 года, весьма лестно отзывался в своих «Дневниках» Ф.-В.Берхгольц [7, с. 211], являвшийся придворным камер-юнкером и наблюдавший эти события лично [42, р. 106].

Таким образом, петровские преобразования, существенно изменив стиль и образ жизни дворянства (высшее сословие подверглось наибольшим изменениям), не сумели окончательно вытравить из сознания российского социума многовековую связь этнических воззрений с религиозными предрас-

судками, что ещё предстояло модернизировать и что изменилось в эпоху «русского матриархата», но частично ограниченный ранее спектр юридических прав и обязанностей женщин в семье и обществе, а так же каждого человека в семье, существенно расширился. Начатая Петром Великим европеизация привела к тому, что в обществе зародились основы для дальнейшего расширения правовой сферы повседневной жизни общества, для укрепления роли женщины и её прав в семье и социуме, для частичной либерализации бракоразводного права, долгое время не способного в равной степени учитывать прав обеих сторон-участников.

В любом случае, необходимость рассмотрения вопросов бракоразводного права и воспитание верности традициям на акцентировании роли семьи остаётся приоритетным в рамках развития общества, потому уроки, которые возможно извлечь из истории повседневности, должны благотворно повлиять на современный российский социум.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Секулярное и религиозное в преобразованиях Петра I. // *Общественные науки и современность*. 2006. №4. С. 88 – 99.
2. Анпилогова Е.С. Повседневная жизнь женщин высших сословий России конца XVII – начала XVIII веков. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.: 2009. 52 с.
3. Анпилогова Е.С. Повседневная жизнь женщин высших сословий России конца XVII – начала XVIII веков. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.: 2009. 269 с.
4. Бассевич Г.-Ф. фон. Записки о России при Петре Великом, извлечённые из бумаг графа Бассевича. / Перевод с французского Н.Ф. Аммонс. М.: 1866. 186 с.
5. Бассевич Г.-Ф. фон. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого / Перевод с фр. И.Ф. Аммона; Предисловие: П.И. Бартенева. // РА. М.: 1865. Вып. 5/6. Стб. 600.
6. Бассевич Г.-Ф. фон. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // *Юность державы*. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 325-436. / URL: www.memoirs.ru/texts/Bassevic.htm (Дата обращения: 03.01.2016.)
7. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721 – 1725. Ч.1 – 2, 3 – 5. // *Неистовый реформатор*. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. Часть 1-2. 397 с.; Часть 3-5. 315 с.
8. Ватала Э. Любовные утехы русских цариц. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 590 с.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев. 1886. 283 с.
10. Громогласов И.М. Определение брака в Кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского бракосаключения. Сергиев Посад: 1908. 210 с.
11. Дубровский Н. Последние годы жизни государыни царицы Евдокии Фёдоровны. М.: 1865. 66 с.
12. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса: Типография акционерного южно-русского общества печатного дела, 1909. 564 с. (репринтное издание).
13. Загоровский А.И. О разводе по русскому праву. Главы II – XIV. // *Эротика в русской литературе*. «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX вв. В 3 кн. Кн. 3. / Изд. подгот. Н.Л. Пушкарёва, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2004. 938 [6] с. С. 7 – 330.

14. Зайцева Г.И. Социальная психология русского дворянства первой четверти XVIII века. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М.: 2000. 207 с.
15. Златое иго супружества. / Публ. и коммент. А.М. Панченко. // Труды отдел древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. XXXIII. М., Л.: 1979. С. 312 – 337.
16. Иконников В.С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нея. Киев, Университетская типография, 1874 г., репринтное издание.
17. Козлова О.А. «Оставлю мир честной и свет белый, уйду во чистое монашество...». Пострижение в монашество как повод к расторжению брака в России XVI – начала XVIII в. // Международный журнал экспериментального образования. №11. 2011. С. 73 – 75.
18. Колесова А.В. Реформа нравственных отношений в эпоху Петра I. // Дискуссионные вопросы Российской истории. Материалы IV научно-практической конференции. Арзамас: Издательство АГПИ. 2000. С. 69 – 74.
19. Максимова Т. Развод по-русски // Родина. 1998. №9. С. 55 – 60.
20. Мальковская Т.Н. Семья и власть в России XVII – XVIII столетий. М.: «ЧеРо», 2005. 200 с.
21. Первая супруга Петра I Евдокия Фёдоровна. // Русский архив. Год I (1863). Изд. 2. М.: 1866. Стб. 114 – 125.
22. Песня о царице Евдокии, супруге Петра, сложенная по случаю её пострижения. // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII – XIX вв. СПб.: 1873. С. 330.
23. ПСЗРИ. 1. Т.IV. №1907. Именной указ. Об отмене рядных и сговорных записей совершаемых у крепостных дел; о писании вместо того домовых заручных росписей приданому; о недействительности обручения по причине оказавшихся нравственных или телесных недостатков жениха или невесты, или по нежеланию их вступить в брак и о неповороте движимого имущества, по смерти бездетной жены, в род её. 3 апреля 1702 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 191 – 192.
24. ПСЗРИ. 1. Т.IV. №2272. Договор, заключённый в Санкт-Петербурге российскими министрами и курляндскими послами. О супружестве царевны Анны Иоанновны с Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским. 10 июня 1710 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. С. 494 – 497.
25. ПСЗРИ. 1. Т.IV. №2354. Трактат, заключённый в Ярове польского местечка между Государем Петром I и Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом. О браке царевича Алексея Петровича с Шарлоттой-Христиной-Софией, принцессой Брауншвейг-Люнебургской, внучкой герцога Антона Ульриха. 19 апреля/10 мая 1711 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 669 – 673.
26. ПСЗРИ. 1. Т.V. №3130. Договор, заключённый в Санкт-Петербурге между Государем Петром I и польским королём Августом II, через уполномоченного польско-саксонского министра Лоса. О супружестве вдовствующей Курляндской герцогини Анны Иоанновны с герцогом Саксен-Вейсенфельдским Иоанном Адольфом. 12 – 23 декабря 1717 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 525 – 527.
27. ПСЗРИ. 1. Т.V. №3200. Конвенция, учинённая между российским и прусским двором. О супружестве вдовствующей Курляндской герцогини Анны Иоанновны с Фридрихом Вильгельмом, маркграфом Бранденбург-Шведским, прусского короля с племянником. 3 – 16 мая 1718 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 566 – 568.

28. ПСЗРИ. 1. Т.VI. № 3814. Послание Святейшего Синода к православным. О беспрепятственном ими вступлении в брак с иноверцами. 18 августа 1721 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. С. 413 – 419.

29. ПСЗРИ. 1. Т.VII. №4406. Именной указ, данный Синоду. О непринуждении родителям детей и господам рабов своих рабынь к браку без самовольного их желания. 5 января 1724 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 197 – 198.

30. ПСЗРИ. 1. Т.VIII. №6039. Именной указ, данный обер-гофмейстеру Салтыкову. О штрафовании Алексея Милютинина за принуждение жены своей к пострижению. 2 мая 1733 г. // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. 1649 – 1825 гг. 45 тт. 1830. / РНБ. С. 769.

31. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М.: 1997. 52 с.

32. Пушкарёва Н.Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. М.: 1997. 354 с.

33. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: ЛАДОМИР. 1997.

34. Пятидесятая глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права с комментариями А. Павлова. // Учёные записки императорского Московского Университета. Отд. юрид. Вып. V. М.: 1887. 452 с.

35. Седерберг Г. Бывшего полкового священника, магистра Генриха Седерберга заметки о религии и нравах русского народа во время пребывания его в России с 1709 по 1718 год. (По рукописи, до сих пор нигде не изданной. Христианстанд, 1836). / Пер. со шведского А.А. Чумикова. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. №2. Отд. IV. С. 1 – 37.

36. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. // Эротика в русской литературе. «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. В 3 тт. Т.1. М. Ладомир, 2004. 746 [6] с. С. 356 – 557.

37. Старинная песня о пострижении Евдокии Фёдоровны Петром. // Русский архив. Год 1. (1863). Изд.2. М.: 1866. Стб. 125 – 129.

38. Суворов Н.С. Разбор сочинения г<-на> [А.И.] Загоровского «О разводе по русскому праву». // Эротика в русской литературе. «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX вв. В 3 кн. Кн. 3. / Изд. подгот. Н.Л. Пушкарёва, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 2004. 938 [6] с. С. 331 – 382.

39. Толстикова О.М. Правовая природа брачного договора в российском праве. Диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. М.: 2006, 224 с.

40. Царь сослал Царицу в монастырь. // Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып.8. М.: 1870. С. 202 – 204.

41. Boskovska N. Die russische frau im 17 jahrhundert. Bohlau, Verlag, Koln, Wimar wien. 1998. 498 p.

42. Lamarche Marrese M. A Women's Kingdom. Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700 – 1861. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002. 280 p.

43. Pushkareva N.L. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. New York: M.E.Sharp, Heldt-Prise. 1997. 280 p.

УЧАСТИЕ ШКОЛЬНИКОВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОТАХ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Мезит Л.Э.

доцент кафедры отечественной истории, к.и.н., доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Россия, г. Красноярск

В статье рассматривается процесс вовлечения школьников города и села в сельскохозяйственное производство в годы войны. Анализируется эволюция государственного подхода к участию школьников в общественном производстве: введение обязательного минимума трудодней, обучение сельскохозяйственным профессиям, т.п. Дается оценка удельного веса детского труда.

Ключевые слова: трудодни, стахановцы, трудовые мобилизации, сельскохозяйственное производство, колхозы, совхозы.

Проблемы охраны детства получили достаточно полное освещение в исторической литературе, значительно меньше проанализированы вопросы вовлечения детей школьного возраста в общественно-полезный труд [6].

Военные и трудовые мобилизации значительно сократили общее число специалистов в сельском хозяйстве. В конце июня 1941 г. постановлением Красноярского крайкома ВЛКСМ для оказания помощи колхозам и совхозам были сформированы отряды по 20 человек из школьников старше 13 лет для участия в сенокосе, закладке силоса, прополке хлеба и т.п. Было установлено, что каждый отряд городских школьников направлялся в сельскую местность на полтора месяца (до 20 августа) со следующим режимом работы: пионеры и школьники до 14 лет обязаны были работать 8 часов в день, все остальные учащиеся в соответствии с существующим в колхозе, совхозе порядком о начале и окончании работы [4, с.163-165].

Для восполнения потери рабочей силы в сельской местности 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление по которому на время войны для подростков от 12 до 16 лет, проживающих в колхозах, устанавливался обязательный минимум до 50 трудодней в год. Подросткам выдавали трудовые книжки и учитывали их заработки.

В апреле 1942 г. было издано постановление о трудовой помощи колхозам населением городов. Мобилизованное на сельхозработы городское население получило, как и сельское, нормы выработки: 40-50 трудодней в колхозах, 20-30 дневных норм в совхозах.

В течение года школьники собирали золу, птичий помет, навоз. Собирали и готовили верхушки клубней картофеля к посадке, участвовали наряду со взрослыми во всех полевых работах. Им, как и взрослым, выдавали трудовые книжки, куда записывали выработанные трудодни. Нормы дневной выработки на ребенка в зависимости от вида работ составляли 0,15-0,5 га. Подростки вязали и перекладывали снопы, окучивали картофель, скирдовали сено. Учащиеся оказывали посильную помощь в уходе за животными, ремонте

несложной техники. Ученики и учителя своими силами выращивали овощи и зерновые на пришкольных участках, которые были выделены всем образовательным и лечебным учреждениям края.

Начиная с сентября 1941 г. в городских школах велась подготовка школьников к сельскохозяйственным работам. Так за год было подготовлено 2125 агротехников, 433 тракториста. Из общего числа школьников 6-10 классов (4713) на с/х работы в 1942 г. выехало 2161 человек, из них полеводов – 1362, трактористов – 182. Школьные бригады, кроме ударной работы на полях активно занимались в полях культурно-массовой работой. Учащиеся школы №11 устроили два костра для рабочих совхоза, организовали посылку писем на фронт, проводили читку газет [3, с.36].

В 1942-43 уч. году преподавания основ сельскохозяйственных знаний в городских школах было отменено, занятия по сельскому хозяйству проводились через кружковую работу и на уроках биологии, физики, химии [3, с.36]. Сказывалось отсутствие специалистов, материальной базы для подготовки к сложным сельскохозяйственным профессиям. В неполных средних и средних школах на селе обучение сельскохозяйственным профессиям продолжалось. Его осуществляли учителя и работники сельского хозяйства. Всего было подготовлено 3,7 тысяч трактористов, 891 – штурвальный, 96 шоферов из числа учащихся [7, с.223].

Летом к работе на полях привлекались школьники начиная с начальных классов сельских и городские школьники средних и старших классов. Так на летний полевой сезон 1943г. в Канский район было направлено 1026 подростков: из них учащиеся Межовской неполной средней школы на 1 июля 1943 г. выработали уже 289 трудодней, из них ученик 4 класса Тупеко выработал 25 трудодней, ученик 4 класса Карпенюк- 30 трудодней. Учащиеся Казанской начальной школы выработали 180 трудодней, Пакульской начальной школы-150 трудодней [2, с.38].

Приезжающие из города подростки на период сельскохозяйственных работ обеспечивались жильем (в зданиях клубов, школ или в крестьянских семьях), трехразовым питанием. Некоторые совхозы имели возможность премировать лучших школьников стахановскими обедами.

Нормальной организации детского труда мешали бытовые трудности на селе. Не хватало мыла. Часто в помещениях, где размещались школьники не было стекол, не было кроватей, приходилось спать на полу. Так инструктор Сталинского исполкома райсовета проверил условия труда и жизни школьников, направленных в Крутоярский зерносовхоз на летние полевые работы. В ходе инспекционной поездки было установлено, что общежитие, где были размещены школьники не было приспособлено для жилья. Дом не был достроен: нет ни крыши, ни печи. В дождь с потолка бежала вода, пол был со щелями. Дети спали на полу, часто болели. Неудовлетворительно осуществлялось питание подростков. Ребята, работавшие на косовице позавтракав в 7 утра не обедали до 16.00, вследствие чего обессиленные они плохо вязали снопы. Другая группа школьников, работавшая на сенокосе во время инспекции получила обед. Он состоял из 8 ложек жидкости, содержащие ка-

пустный лист и немного картофеля. Второе блюдо – 4 столовых ложки пшеничной каши. Многие ребята жаловались на желудочные боли и постоянное чувство голода [1, с. 52-52 об].

Несмотря на это подростки работали добросовестно, выполняя и перевыполняя нормы. Так летом 1943 г. 55833 учащихся и 2138 учителей, работали на полях колхозов и совхозов, ими было выработано 1316136 трудодней и заработано в совхозах 27000 рублей [5, с.118]. Хорошо работали на полях государственной селекционной станции учащиеся Ново-Солянской средней школы Рыбинского района, выработав 23817 нормодней и заработав 119085 рублей. За хорошее участие в сельхозработах школа получила переходящее Красное Знамя Наркомзема СССР. Хороших результатов добились учащиеся Тургужанской неполной средней школы Ужурского района и Больше-Инская средняя школа Минусинского района [5, с.118]. Удельный вес трудодней подростков в общем объеме выработанных в крае, составлял в 1943 году от 9% до 11% [8, с.18].

Таким образом, в тяжелый для страны военный период даже дети школьного возраста были вовлечены в общественно-полезный труд и не смотря на бытовые трудности, успешно выполняли нормы, проявляли упорство и ответственность. Это негативно отразилось на выполнении Закона о всеобщем обучении и привело к большому отсеву учащихся из школ в военный период. Участие детей в реальном производстве было объективной необходимостью, но создание приемлемых условий их труда и быта не всегда выполнялись.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.П26, Оп.3, Д.504.
2. ГАКК Ф. П40, Оп.19, Д.6.
3. ГАКК Ф. Р383, Оп.1, Д.74ж.
4. ГАКК П1474, Оп.3, Д.345.
5. ГАКК Ф.П1474, Оп.3, Д.521.
6. Зинич М.С. Всенародная помощь детям в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. – 1985. – №5.
7. Очерки истории народного образования Красноярского края XVII – начало XXI в. Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. – 578 с.
8. Теряева А.П. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. – М., Наука, 1947. – 231 с.

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Суворова А.В.

доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарные науки»,
канд. истор. наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), Россия, г. Златоуст

Статья посвящена исследованию состояния материально-технической базы начальных школ Оренбургской и Уфимской губерний в свете перехода ко всеобщему начальному обучению в указанный период. Рассматриваются источники финансирования началь-

ных школ. Дана характеристика деятельности земств, как активных участников реализации государственной политики в сфере образования.

Ключевые слова: образование, начальная школа, земства, Оренбургская и Уфимская губернии, материально-техническая база начальной школы.

Закон от 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования» обязал органы местного самоуправления создавать школьные сети для обеспечения перехода к всеобщему начальному обучению. Благодаря статистическим данным, которые должны были предоставить земства, возможно, было открытие новых начальных школ. К начальным народным училищам относились школы, подведомственные Министерству народного просвещения, школы духовного ведомства, т.е. церковно-приходские училища, которые открывались православным духовенством в городах и селах, а также земские и воскресные начальные школы [3, с. 150].

Реализация указанного закона требовала увеличения числа начальных школ. На средства из государственного бюджета планировалось построить новые школы и отремонтировать здания уже существующих школ. 17 января 1914 г. на заседании Оренбургского уездного училищного совета инспектор начальных училищ принял решение отчислять по 50 тыс. руб. в школьный фонд строительства и дополнительно выделил 30 руб. на хозяйственные нужды от уездного земства [1, д. 106, л. 9]. Инспектор начальных училищ распорядился точнее составлять школьную сеть, т.е. учесть количество человек, для которых необходимы школы.

Однако количество начальных школ не всегда совпадало с потребностью населения в них, поэтому об открытии новых начальных училищ ходатайствовали и сами учителя. Так, например, М.С. Иванова в своих воспоминаниях повествует о том, как ее отец ратовал за открытие в 1912 г. Мелеузовского начального училища. Ходатайства длились около двух лет, С.И. Иванов неоднократно посещал г. Стерлитамак, предоставлял сведения в Управу о количестве населения и учащихся в с. Мелеузе, ставил вопрос в волостном правлении об отводе земельного участка для школы. Училище было открыто в 1912 г., собственное здание построено в 1913 г. Данный процесс был очень трудоемким и затянутым. Школьная сеть составлялась исходя из государственных установок, которые гласили, что каждая школа должна была находиться в радиусе трех верст [7, д. 40, л. 15 об.]. С 1914 г. радиус постройки школы снизился до двух верст [7, д. 69, л. 9]. Данное нововведение позволило избежать перегруженности классов в начальных школах.

Предназначенные для школ здания должны были отвечать определенным требованиям, которые были прописаны в сборнике постановлений Уфимского губернского земского собрания [8, с. 52]. Место для постройки тщательно выбиралось врачом, техниками, представителями уездного и сельского обществ, а также учителями. О принятом решении сообщалось в губернскую Управу. Здание одно- или двухэтажное на каменном фундаменте строилось из камня, кирпича или дерева, крыша крылась железом или другим материалом, кроме соломы. Школа состояла из четырех комнат – класса,

«раздевальни», комнаты учителя и кухни. Школы, находящиеся на дальнем расстоянии от домов учащихся, содержали ночлежную комнату, размером 11 на 7 аршин [5, д. 556, л. 4].

Количество классных комнат должно было соответствовать числу учителей, не считая законоучителей и вероучителей. Полы и потолки должны были быть сложены из сухого леса, освещение класса производилось слева, здание оштукатурено, стены без обоев. В классах обязательны печи и форточки для проветривания. Туалетная комната отделена от классной комнаты, также при школе должны быть баня, погреб, дровник и участок земли. Школы, рассчитанные на 120 учащихся и более, имели помещение для собственной библиотеки, рекреационный зал, совмещенный с ночлежной комнатой.

Квартиры педагогов состояли из кухни и комнаты с минимальным размером 72 квадратных аршина, из которых 42 – комната, 30 – кухня, при этом жилище имело отдельный вход от школы [5, д. 556, л. 3,5,6]. Однако на деле школы были тесны, темны, холодны, низки, душны, сыры из-за протекавших соломенных крыш. К тому же они месяцами не убирались, десятилетиями не ремонтировались, их мебель никогда не мылась и не красилась, уборные – или самые примитивные, или никаких [9, с. 16]. Мебель – грубо сколоченные деревенскими плотниками столы и скамейки на один рост и на 4-6 и даже 12 учеников, классная доска, деревянная кадка с водою и иногда учительский стол. Оформление состояло в следующем – в одном из передних углов классной комнаты – икона, лампадка перед ней и прибитый гвоздями портрет царя над доской.

Отопление школы являлось тоже проблемой неразрешимой. Его по тогдашним правилам должны были предоставлять по очереди из своих запасов родители соломой, дровами или торфом. Однако не все родители соблюдали данные правила, что толкало учителей и школьных попечителей воздействовать на их детей. При положительном исходе следующим утром те направлялись в школу с салазками, на которых лежала вязанка соломы в 3-4 снопа или мешок с торфом. Температуру в классных комнатах не измерялась, показателем являлась питьевая вода, находившаяся в классе, если она не замерзала, то температура считалась нормальной. Занимались одетыми. При письме наиболее старательные ученики вынимали из рукава правую руку.

К весне в школе не оставалось ученика, который не простудился бы и не заболел. Классы надо было постоянно проветривать, но форточек не было. И даже после первого урока содержание углекислого газа в воздухе превышало норму в 4-5 раз [4, с. 61]. От духоты во время занятий приходилось держать открытой дверь. Если же температура от самосогревания в классной комнате повышалась и ученики раздевались, то свою одежду они складывали кучей на земляной пол в проходах и в сенях. Причина бедственного положения школ – отсутствие финансовых ассигнований и невыполнение установленных обязанностей перед школой.

Земства, как органы местного самоуправления, играли большую роль в социально-экономическом развитии губерний уездов, волостей. Серьезное внимание земства уделяли развитию народного образования. Недаром, Злато-

устовское уездное земское собрание в постановлении, касающемся этого вопроса, подчеркивало, что «путь, которым возможно достигнуть высокого развития духовных материальных сил, есть организация просвещения народной массы» [8, с. 41].

Расходы по содержанию школ ложились в основном на плечи земств. В целом Оренбургское уездное земство в 1915 г. потратило на начальные школы – 1 049 484 руб. 40 коп., кроме того, Министерством народного просвещения было субсидировано 445 753 руб. [2, д. 237, л. 125]. Примерно такая же обстановка по школам и затратам на их содержание со стороны уездных земств наблюдалась и в Уфимской губернии.

Земства и городские думы заключали договоры с Министерством народного просвещения, по которым обязывались в течение 10 лет открыть необходимое число школ [10, стлб. 563]. К 1905 г. вложения в начальное образование составили 49,1 млн. руб., из которых 30,7 % выплачивались земствами. Доля казенных расходов возросла до 20 %, доля расходов сельских обществ снизилась до 14,7 % [10, стлб. 3598]. Муниципальные вложения составляли 19,4 %, частные – 5,4 %, тогда как 5,3 % получались от гонораров и 4,5 % из прочих источников [11, стлб. 632]. Начало XX в. ознаменовалось повышением интереса государства к образованию в целом и в частности, к начальному. Правительство Столыпина взяло на себя значительную часть расходов на развитие первой ступени образования.

Министерство народного просвещения платило жалование учителям, а также выделяло средства на дополнительные пособия, органы местного самоуправления занимались хозяйственными расходами. Был создан фонд школьного строительства, который выделял средства следующим образом: 1/5 от всей суммы – безвозмездная ссуда, остальная часть выделялась в виде ссуды под 3 % на 40 лет [6, с. 230]. С 1911 по 1914 гг. построено 20 172 помещения для школ.

Начальные школы в связи с введением всеобщего обучения получили возможность распоряжаться по своему усмотрению государственными средствами. Так в 1914 г. Департамент народного просвещения сообщил, что средства, выделенные казной на проведение всеобщего обучения, которые не потрачены по смете, разрешалось пустить на мелкие расходы начальных учебных заведений [12, д. 157, л. 62].

Материально-техническая база начальных школ отвечала лишь минимальным требованиям. К школьным зданиям предъявлялись высокие требования, но при постройке и найме школьных помещений гигиенические нормы не всегда тщательно соблюдались. Школы редко ремонтировались, плохо отапливались, внутренняя обстановка была убогой и не располагала к продуктивному обучению. С введением некоторых положений законопроекта о всеобщем начальном обучении, на строительство школ значительные суммы были выделены государством и земствами, что значительно улучшило материально-техническую базу начальной школы. Данные средства шли на содержание учительского персонала, на наём помещений, мелкий и крупный ремонт, на классные принадлежности и учебные пособия, на постройку и оборудование школ.

Самая весомая статья расходов – жалование учителям, помощникам и законоучителям, а также траты на пособия, стипендии и субсидии.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 43. – Оп. 1.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 44. – Оп. 1.
3. Денисов К.И. Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. – Вып. 1. – СПб.: Типография Бенке, 1914. – 230 с.
4. Журнал четвертого очередного Челябинского уездного земского собрания. – Челябинск: Губернская типография, 1917. – 168 с.
5. Златоустовский архивный отдел. Ф. И-11. – Оп. 1.
6. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907–1912 гг. Общие сведения. – СПб.: Типография Академии наук, 1912. – Часть 1. – 300 с.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-9. – Оп. 1.
8. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания с прил. XXVIII очередная и XXXII чрезвычайная сессии 1902 г. – Уфа: Электрическая типография т-ва Соловьева Ф.Г. и К°, 1903. – 870 с.
9. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания. План школьного строительства. – Уфа: Уфимская губернская типография, 1915. – 90 с.
10. Стенографические отчеты Государственной Думы. III созыв, сессия IV. – СПб.: Типография Котомина Ф.Н., 1910. – 890 с.
11. Стенографические отчеты Государственной Думы. IV созыв, сессия II. – СПб.: Типография Котомина Ф.Н., 1914. – 950 с.
12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-109. – Оп. 1.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ИМПЕРИЯ. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ПОЛЬШИ В БОРЬБЕ ЗА ГОСПОДСТВО НАД РУССКИМИ ЗЕМЛЯМИ В XVII ВЕКЕ

Сущенко В.А.

профессор кафедры исторической политологии, д-р ист. наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье отмечены обстоятельства, обусловившие тщетность попыток Польши подчинить себе русские земли, и указаны причины будущего краха Польско-Литовского государства, что должно показать тщетность упований современных польских политиков и историков на возрождение «Речи Посполитой» с включением в неё ряда белорусских, литовских и украинских земель.

Ключевые слова: Литовское княжество, Речь Посполитая, Московская Русь, православие, католицизм, уния, национально-освободительное движение.

Претензии современного польского правительства на исключительную роль в Европе заставляют обратить внимание на истоки противоборства Польши с Россией в XVII веке, что должно позволить понять причины победы России и показать тщетность попыток реанимации идеи новой «Речи Посполитой», великой державы «от моря до моря».

Истоки этого противоборства кроются ещё в XIV веке, когда Литовское государство сделало серьёзную заявку объединение вокруг себя всех русских земель, на то, что именно она готова сплотить вокруг себя всю Русскую землю. «Вся Русь должна принадлежать Литве», – как заявил Литовский князь Ольгерд на встрече с послами Ливонского Ордена [1, с.14].

Однако Великое княжество Литовское пришлось сделать свой исторический выбор, вступив в союз (унию) с Польшей ради совместного отпора рыцарям Тевтонского Ордена, представлявших тогда страшную угрозу для этих государств. Непременным условием такого союза стало распространение католичества на всю территорию Великого Княжества Литовского, что уже делало бесперспективным делом подчинение Литве православного населения Северо-Восточной Руси. К тому же, по условиям Унии 1386 года православные жители заранее ставились в неравноправное положение. Только литовцы-католики получали равные права с польской шляхтой. Даже при заключении брачных союзов супруг или супруга должны были принять католическую веру. Чем дальше, тем чаще отмечались факты прямых гонений на православную веру: разрушение храмов, изгнание священников, принуждение православных к принятию католичества. «Но подобный порядок вещей не мог беспрепятственно утвердиться, – отмечал историк Сергей Соловьёв, – «Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиниться Польше в религиозном и политическом отношении, началась борьба: началась она под покровом личных стремлений князей литовских, кончилась восстанием Малой Руси за веру и падением Польши» [2, с.185].

Таким образом, первой и главной причиной поражения Польско-Литовского государства в схватке с набирающим силы Московским княжеством стал религиозно-политический фактор, а, именно, тяготение православного населения западнорусских земель к единой Москве. Войны между этими государствами чаще всего оканчивались победой Московское княжество, поскольку и знатные люди Литвы православного вероисповедания, и простой люд массово переходили на сторону московских князей. В дальнейшем многие знатнейшие дворянские фамилии Российской империи имели литовские корни, взять князей Голицыных, Сабуровых, Хованских и других.

Этот же религиозно-политический фактор сыграл свою решающую роль в спасении нашей страны в годы Смутного времени, когда возникла реальная угроза попадания Московской Руси под власть Речи Посполитой. Тогда казалось, что с Россией уже покончено. Захлёбываясь от восторга, канцлер Польской державы Лев Сапега писал: «А разве когда-нибудь думали-гадали, что великий царь Московский, во всем свете славный и страшный, с братьями, воеводами и думными людьми будет пленником Польского короля? А разве когда-нибудь наши предки мечтали о том, что Московская столица будет в руках короля Польского и займется его людьми, а весь народ московский принесет королевичу Польскому Владиславу верноподданническую присягу в том, что ему самому и потомкам его сами они и потомки их будут служить, иного царя и государя не похотят иметь как из чужих, так из своего Московского народа, помимо королевича Владислава... и наконец,

сокровища неоцененные – короны, скипетры, державы, украшения королей и великих монархов, которые московские монархи собирали много лет не только со своих государств, но и с иноземной добычи, – все были расхищены: даже не пропущены были церкви, дома Божии, иконы, украшенные золотом, серебром, жемчугом, дорогими камнями, золотые и серебряные раки: все было обокрадено и ничего не оставлено» [3, с. 380].

Однако появление в священном для россиян месте, в Кремле, католиков-латынян вызвало в народе взрыв патриотических чувств. Наконец-то произошло сплочение всех здоровых сил русского общества под флагом изгнания из «первопрестольной» столицы неверных-латынян. Под знамёна Первого, а затем Второго русского народного ополчения встали рядом сторонники сгинувших самозванцев, приверженцы боярских царей и простые русские люди, горевшие желанием спасти свою родную землю. Сигнал к всенародному сопротивлению был дан грамотой патриарха Гермогена, заморенного голодом поляками и боярами изменниками, но отказавшемуся признать польского королевича Владислава русским царём до принятия им православной веры.

Следует отметить, что реализация плана подчинения Руси была явно не по силам польскому правительству. Крупные магнаты не поддержали короля в его предприятии. Они, конечно же, понимали, какую угрозу для их всевластия может составить королевская власть, овладевшая огромной территорией с богатыми ресурсами и служилым сословием, привыкшим повиноваться своему правителю. Опереться в своих стремлениях овладеть московским престолом король Сигизмунд III, а после Владислав IV смогли лишь на шляхетскую вольницу, да на казаков гетмана Сагайдачного. Имеющихся у них ресурсов явно было недостаточно для овладения Московским государством.

Так что поражение Польши в схватке за российский престол было неизбежным. С одной стороны, общий порыв русского народа к отражению агрессии и восстановлению своего государства, с другой тщетность попыток польского короля с ограниченными ресурсами опрокинуть столь мощный колосс, как воспрянувшее русское государство. К слову сказать, эта шляхетская вольница после замирения с Россией превратилась в опасность для самого Польского государства, сея разор и анархию уже на своей территории. Польскому правительству пришлось приложить немало усилий, чтобы унять этих разбушевавшихся бывших «героев войны на Востоке».

Вот и ещё одна серьёзная причина поражения в схватке с Москвой и грядущего ослабления Речи Посполитой. В Московской Руси постепенно происходило безмерное усиление царской власти при полном подчинении ей служилого сословия. Бояре и дворяне получали земли за службу государю и могли быть лишены своих владений и даже жизни за измену. В Польше же со временем сложилась своеобразная политическая система, когда короля избирали на сейме, отчего наблюдалась, с одной стороны, шляхетская анархия, с другой, засилье магнатов. Для XVII, а, тем более, XVIII веков это стало залогом будущего развала государства и его гибели. «Почему так случилось? – задают вопрос историки, и отвечают, – Значит, строилось государство, дале-

кое от идеала? Парадоксально звучит особенно сегодня, когда весь мир стремится к демократии, к тому, чтобы права граждан расширялись до невероятных размеров, но свобода и забота о гражданах погубили Великое Княжество Литовское. Граждане вообразили, что государство и его глава существуют исключительно для удовлетворения их насущных потребностей и капризов. Все принялись заботиться о собственных правах, и позабыли об обязанностях. Но, когда гражданин волнуется только за свою малую родину – обнесенную им же построенной стеной, огороженной забором, большой родине приходится плохо» [4, с.1].

Третья причина, производная от двух предыдущих, религиозного фактора и политического устройства, противоборствующих государств, заключается в политике польского правительства по отношению к православному населению Речи Посполитой. Оно считало, что лучшим средством укрепления этнически пёстрого государства является превращение украинцев и белорусов в «быдло», то есть эксплуатируемое человеческое стадо. Для этого надо было подорвать духовно-религиозную основу украинского народа, обратив его в униатство, то направление православия, которое признало власть римского папы. Другая задача польского правительства заключалась в подрыве самой возможности украинцев к сопротивлению. Оазисом украинской вольности в Польском государстве являлось тогда запорожское казачество. Его и пытались расколоть и в дальнейшем ликвидировать. Обе эти задачи оказались не по силам польскому правительству. Во-первых, униатство не удалось распространить на все украинские земли. Значительная часть украинской знати (старшины) и народа остались привержены православной вере. Во-вторых, для физического устранения украинского казачества у польско-литовского государства просто не было сил. К тому же играл свою роль и чисто прагматический расчёт: казаки охраняли южные окраины Речи Посполитой. Поэтому польское правительство сделало, как ему казалось, весьма тонкий ход: официально признало часть казаков в виде законного казачьего реестрового войска. Оно, тем самым, надеялось расколоть украинское казачество и создать себе опору в лице реестровых казаков. Однако все эти расчёты оказались неверными, а политика неразумной. Именно запорожские казаки стали застрельщиками мощного национально-освободительного движения на Украине в середине XVII века, результаты которого оказались катастрофическими для дальнейшей судьбы Речи Посполитой. После этого удара она не сумела оправиться, и в следующем XVIII веке стала лёгкой добычей соседних государств.

Такова совокупность национально-религиозных и социально-политических причин, приведших к ослаблению, а затем и краху Польско-Литовское государства.

Список литературы

1. Пресняков. Е.А. Литовско-Русское государство в XIII-XVI вв. URL [www. – reading.club/bookreader.php/1032433](http://www.reading.club/bookreader.php/1032433) (дата обращения: 09. 12. 2016).
2. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн.2, URL ir.nmu.org.ua/bitstream// (дата обращения: 11.12.2016).
3. Левицкий Г.М. Великое княжество Литовское. – М.: Любомир, 2014. 428 с.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Бушueva В.В.

доцент кафедры философии, канд. философ. наук, доцент,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Россия, г. Москва

В статье дан анализ научного творчества. Обозначены трудности в исследовании научной деятельности, которые затрудняют разработку методологии научного творчества. Это является определенной новизной данной работы. Отмечено значение личности ученого. Показаны особенности творческой деятельности ученого. Подчеркнута необходимость конкретно исторического подхода при оценке результатов научного творчества.

Ключевые слова: научное творчество, методология научного творчества, значение личности ученого, динамика общественной оценки результатов научного творчества.

Существует три направления в разработке проблем творчества:

1. Исследуются те или иные конкретные виды творчества в рамках отдельных дисциплин.
2. На основе междисциплинарного подхода строится теория конкретного вида творческой деятельности.
3. Оформляется фундаментальная (общая) теория творчества.

Построение общей теории творчества является сложной задачей, и сегодня лишь частично решается. Это связано с тем, что недостаточно изучены конкретные виды творческой деятельности, их методологические принципы.

В общепринятой классификации творческой деятельности выделяется четыре относительно самостоятельных вида творчества: техническое, научное, социальное, художественное. Такое деление связано с рядом причин социального и гносеологического характера. Социальный аспект связан с различными общественными потребностями. В гносеологическом плане дифференцируются различия в процедурах познания, формах деятельности.

Научное творчество в отличие от других видов деятельности, например, технического творчества мало изучено [3]. Это связано с тем, что недостаточно установлена связь между различными областями наук, их несинхронное развитие, не всегда осуществляется преемственность между методами научного познания и т.д. Все это обуславливает неравномерное их взаимовлияние друг на друга, т.е. затрудняет исследовать их взаимосвязь. Затрудняет выработку методологии научного творчества также и тот факт, что методы, которые используются в тех или иных конкретных областях научной деятельности, как правило, подвержены временному фактору. Другими словами, между ними не всегда осуществляется преемственность, т.е. взятые из различных эпох, они теряют свою значимость, а иногда даже исключают друг друга. Такая ситуация в определенной степени обусловлена меняющейся структурой взаимодействия, взаимосвязи между различными областями

знания. Часто доминирование той или иной научной области, например, математики определяет и процесс формирования методов научного исследования. Эти факты влияют на то, что методология научного творчества, принципы развития научного знания имеют сложный и конкретно-исторический характер.

Для сравнения следует отметить, что данные положения не распространяются на область технического творчества. Здесь те или иные принципы, методологические приемы, разработанные на разных стадиях развития техники, а также в ее разных отраслях, как правило, совмещаются и могут быть продуктивно использованы, невзирая на временной фактор, т.е. нет такой жесткой смены методологических приемов как в науке.

Далее, в научной деятельности, научном творчестве велика роль личности ученого. Их талант позволяет опережать на столетия и даже на тысячелетия видение тех или иных проблем. Именно этим объясняется появление преждевременных открытий и изобретений. Подобных примеров из истории развития науки можно привести множество.

Как показывает анализ отечественной и зарубежной литературы, проблема научного творчества и значение в ней творческой личности чрезвычайно сложная область исследования [1]. И, несмотря на то, что процесс творчества, особенности творческой личности изучают ученые различных направлений и сфер деятельности, но до сих пор не удалось получить значимых результатов, которые можно было бы объединить, свести в единство, выработать общую теорию, методологию творчества. Более того в рассуждениях даже выдающихся ученых на эту тему отмечаются противоречия. И значительная часть из них считают, что творческая личность получает свой талант от рождения, поэтому «нет, и не может быть рецептов», как стать творческой личностью. Другими словами, нет стройной, логически и практически аргументированной теории творчества, условий формирования творческой личности. Имеется лишь определенный перечень, иллюстрация тех или иных конкретных форм проявления творчества, описываются определенные характеристики и качества творческой личности. И более того при сопоставлении данных описаний возникают не только противоречия, но даже и совсем противоположные рассуждения. Разумеется, такой пессимистичный подход неприемлем, так как необходимость, потребность в талантливых ученых, изобретателях никогда не исчезнет [2]. Далее, в работах по истории научного творчества можно часто встретить описания, воспоминания ученых о своем творческом процессе. Как доказывает наука, этот метод изучения научного творчества несовершенен. Такой подход лишь описывает творческий процесс и даже особенности личности, но не объясняет, не раскрывает истинного процесса творчества. Дело в том, что воспоминания ученых о своем процессе мышления имеют следующую особенность. Любая попытка проследить ход развития мысли, меняет моментально саму мысль, вносит неизбежные изменения в процессе мышления. То есть возникает такой дуализм,

что нельзя одновременно мыслить и самому наблюдать за своим процессом мышления, и это затрудняет реконструкцию, изучение творческих актов. В этом заключается один из парадоксов научного творчества.

Другая трудность изучения научного творчества заключается в том, что сам процесс творчества в любой творческой деятельности (техническое, научное, художественное, социальное) неповторим, необратим. Можно повторить лишь результат, но не сам процесс. Сама природа как бы прячет, оберегает эту тайну от человечества. И это, как считают многие исследователи, целесообразно, иначе «гениев будут душить в колыбели». Как показывает история развития науки и техники, общество консервативно, и творческие личности, как правило, не получают должного признания при жизни. Это положение распространяется на все виды творчества. И, как известно, в истории развития науки довольно часто те или иные достижения получают свое признание через столетия и даже через тысячелетия, то есть их значимость признается уже далеко не современниками. А современники этих ученых не всегда считали их достижения творческими. Примеров из истории развития науки множество. Другими словами, многие знаменитые ученые были якобы «нетворческими» в свою эпоху, а через столетия и больше стали творческими. Или другая ситуация, когда те или иные достижения науки не выдерживали проверку временем, и в дальнейшем становились даже ложными. Такая динамика, то есть общественная оценка результата творческой деятельности меняет коренным образом представление о результатах творчества и творческой личности. Другими словами, результат творческой деятельности, его общественная оценка и соответственно личность разработчика этого достижения, как показывает история развития науки, имеет сложную, опосредованную зависимость. И здесь, на наш взгляд, следует анализировать процесс научного творчества с учетом конкретно-исторических условий. Игнорирование конкретно-исторического подхода часто является причиной определенной путаницы, противоречивых представлений, как в методах научной творческой деятельности, так и в оценке творческих личностей. Это положение прослеживается во всех видах творчества. Наиболее наглядно конкретно исторический характер оценки творческой личности и результатов ее деятельности прослеживается в социальном, художественном, в меньшей степени в научном и в техническом видах творчества. Например, оценка деятельности таких исторических личностей, как Петр I, Николай II и др. многократно менялась в зависимости от социальных условий, а также той или иной исторической эпохи. Из истории искусства также можно привести множество подобных примеров. Результаты научного и технического творчества, а также оценка личности ученых и изобретателей в меньшей степени подвержены подобной динамике.

Итак, вышеизложенные положения относительно особенностей развития научного творчества и роли личности следует учитывать при разработке методологии научного творчества.

Список литературы

1. Богоявленская Д.Б. Технология творческих способностей. – Учебн. пособие для студ. высш. учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
2. Добряков А.А. Психолого-педагогические основы подготовки элитных специалистов как творческих личностей (содержательные элементы субъект-объектной педагогической технологии): учеб. пособие. М.: Логос, 2001. – 336 с.
3. Потапцев И.С., Павлихин Г.П., Бушуев Н.Н., Бушуева В.В. Использование зарубежного опыта решения технических задач в инженерной подготовке студентов. Учебно-методическое пособие. Под ред. проф. В.А. Городничева. М.: Изд-во, «Этносоциум», 2015, С. 20-22.

«ЗНАНИЕ» И «ИНФОРМАЦИЯ» КАК ДИХОТОМИЯ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Изместьева Н.Н.

доцент кафедры «Экономика и гуманитарные науки»,
канд. филос. наук, доцент, Сарапульский политехнический институт
(филиал) «ИжГТУ имени М.Т. Калашникова», Россия, г. Сарапул

Статья является опытом участия в философской дискуссии по проблеме осуществления человека в реальности развития информационных технологий. Смысловой блок исследовательского этюда включает понятие «информационное общество», содержание которого корректируется относительно дихотомии «знание» – «информация» в проекции на цивилизационные состояния исторического сознания.

Ключевые слова: знание, информация, информационное общество, цивилизация, культура, модель сознания.

Метафора информационного общества бытует с момента освоения человеком новой технической реальности: информационных технологий и массовой компьютеризации. Эта реальность проживается человечеством как неотвратимое цивилизационное явление. В соответствии с оптимистичными футурологическими прогнозами (З. Бжезинский, О. Тоффлер, Д. Бэлл, А. Турен), сделанными более четверти века назад, дальнейшая история человечества виделась мыслителям как развитие информационного общества, организованного научным знанием.

Ядром социальной организации и главным социальным институтом нового качества должен был стать университет как центр производства, переработки и накопления знаний. Уровень знания, в свою очередь, представлялся фактором социальной дифференциации, т.е. «новыми бедными» становились неинформированные. Технический прогресс должен был содействовать дальнейшему оформлению человечества как симбиоза социальной организации и информационных технологий на основе интеллектуализации техники. Фундаментальной движущей единицей прогресса должен был стать «когнитариат» – интеллектуальные работники, обладающие мастерством и информацией, т.е. набором духовных инструментов, позволяющих квалифицированно и эффективно работать со все более усложняющейся техникой [1].

Отталкиваясь от исходных положений футурологических концепций выше упомянутых авторов, мы сосредоточимся в нашем исследовании на таких смысловых блоках, как «знание» и «информация». За их четкой дихотомией нам предстоит распознать не оппозиционность двух понятий, а неравнозначность их содержания в описании цивилизационных состояний исторического сознания. На этом основании мы сделаем попытку скорректировать статусность понятия «информационное общество».

Знание и информация определяются сегодня небрежно. Об этом свидетельствуют широко бытующие мнения о том, что все всё знают благодаря обилию информации, и это «всё» дано через Интернет. Традиционно знание и информация никогда не отождествлялись. Они валентно неравнозначны и неравностатусны при описании цивилизационных состояний исторического сознания. Знание – это реализация воли к мысли, информация – поток знаков; коммуникация как операция транслирования символов. В отношении друг к другу эти понятия обнаруживают совершенно определенную взаимосвязь: знание невозможно без информации как инструмента получения самого знания.

Современные технологические достижения способны обеспечивать неограниченную свободу коммуницирования, высокую скорость получения информации. Это создает иллюзию ценности самого акта коммуникации и необязательности его смыслового наполнения. Информация превращается из условия знания в предмет потребления. Поэтому утверждение, что сегодня все всё знают благодаря информационным технологиям, заставляет подозревать сознание современного человечества скорее в склонности к утопичности нежели в переходе в новое качественное состояние. Мы склонны утверждать, что некритично принятое именование «информационное общество» остается только метафорой, описывающей результат освоения человечеством очередного научно-технического достижения.

Утопии сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Человек конечен. Он хочет моментального результата, поэтому всегда увлекается «панацеями» от своих цивилизационных болезней. Сегодня он уповает на информационные технологии. Современный императив: владеющий информацией владеет миром – настолько прост, что не подвергается сомнению. При этом статус абсолюта – универсального источника знаний присваивается Интернет. Как показала реальность, количество пользователей Интернет не адекватно количеству «знающих».

По природе человек устремлен к знанию. Его аккумуляция всегда осуществлялась как охранительные условия существования человечества. Библиотеки – древнейший институт. Им всегда приписывалась роль сокрытия некоего универсального рецепта овладения тайнами мироздания, инструкций легкого в нем осуществления. Библиотеки, к счастью для самого человека, горели, исчезали, уничтожались, унося миф о готовом знании. Сегодня эта роль универсального хранилища мудрости присваивается Интернет. Человеческая история богата примерами массового увлечения той или иной иллюзией. Самоосуществление человека, или познание – труд кропотливый,

на который отваживались единицы. Остальные искали иной, «скоростной» способ.

Каким путем ведет научно-технический прогресс, человечеству известно с древности. Человек всегда был технологичен. Об этом свидетельствуют загадки, оставленные нам из глубины веков: как и зачем были возведены египетские пирамиды, человек когда-нибудь разгадает. Но вечной загадкой для себя является он сам. Техническая оснащенность, технологическое обеспечение благополучия человека, его проникновение в тайны мироздания не освобождают от заблуждений на собственный счет, не излечивают от собственной глупости. Сократ напоминал афинянам о бесполезности знаний о природе, если человек не заботится о самом себе, о реализации возможности быть человеком. Выход из «пещер» заблуждения труден, потому что ведет через сомнение в самом себе, в собственной лжемудрости. Поэтому Диоген человека искал с фонарем, и это не просто эпатаж чудака, это мудрость отчаяния от непреодолимости человеческой неосуществленности. Болезни общества излечиваются не техническими средствами.

Споры по поводу проблем, возникающих с освоением информационных технологий, еще долго не утихнут. Человек не сразу привыкает к новой реальности. Но споры эти не новы. Гуттенберговская эпоха начиналась очень похоже. Бóльшая часть тогдашнего общества отнеслась к книгопечатанию с опаской и настороженностью. Удешевление книгопроизводства, самой книги как продукта производства создало иллюзию доступности знания. Появился и широко распространялся адаптированный Лютером текст Библии. И каждый почувствовал себя вправе высказывать свое мнение в индивидуально доступной форме выхода в информационный поток, минуя мыслительное поле. Книг разного качества появилось огромное множество. Общество окунулось в неконтролируемый поток информации. В нем свободно распространялась во всевозможных ипостасях мощно воздействовавшая на умы протестантская идеология, неотвратимо приближая итоговое событие – Варфоломеевскую ночь, венчавшую очередной в человеческой истории кризис духовности.

Если взглянуть на полотна художников – мастеров этой эпохи, то мы обнаружим не только образы духовно-творческого человека итальянского гуманизма. Северное Возрождение явило совсем другие смыслы: низвержение человека в ад идет по линии нарастания технического прогресса. У современного человека, овладевшего первичным опытом соприкосновения с информационным потоком, верно поставленный глаз отчетливо улавливает созвучность эпох. Комментарий известного искусствоведа и философа Паолы Волковой обращает наше внимание на особенности изображения человека такими мастерами, как Питер Брейгель и Иероним Босх. И «Фламандские поговорки и поговорки», и «Страшный суд» представляют модель мира, в которой человечество осуществляется «как некая человеческая масса, живущая инстинктами, первичной жизнью». Это «человеки с одного конвейера, с антропологическими признаками, но без озарения, интеллекта – полуфабрикаты». Ад у Босха («Дорога в ад») явлен как торжество технических форм. Это фантастические технические конструкции, свертехника апокалиптических

форм. А человек в созданном им мире благополучия, человек, обеспеченный технически, всего лишь потребитель балаганных развлечений. И это эпоха грамотности благодаря доступности книги. Очевидно, подлинная книга и оболванивающий информационный шум – сущностно различающиеся реальности. У того же Босха на картине «Удаление Камней Глупости» мы видим у склонившегося над пациентом лекаря перевернутую воронку на голове – символ пустоты, а у стоящей рядом монахини – книгу на голове. Книга не несет знания, она вынесена за человека, за его голову, т.е. не прочитана, не впитана ни душой, ни умом. А перед нами не человек читающий, а человек потребляющий. Этим человеком управляет господин Пфенниг, герой сатирической поэмы швейцарского писателя Себастьяна Брандта «Корабль дураков». Одноименное произведение есть и у Босха. Все персонажи его картины веселы, заняты незатейливыми грубыми развлечениями, еда им дарована, на корабле они обеспечены всем. Но главное в этом повествовании художника то, что корабль стоит, никуда не плывет, он пророс. Его пассажиры дураки, потому что жизнь для них ценности не имеет, они ее прожигают. Их сознание – галлюцинация. Это XVI в. Прозрение наступит только через декартово сомнение и программу просвещения в следующих веках [2, с. 101-109; 195-199].

Человеку свойственно погружение в иллюзию легкого, технически обеспечиваемого успеха, за которым с необходимостью следует отрезвление через тяжелый труд самопознания. Эпоха Постмодерна ничего нового человеку не предложила. Техногенная реальность погрузила в очередную иллюзию лжемудрости. Теперь человеком управляет не только господин Пфенниг, но и господин Информационный поток, вовлекший человека в новую галлюцинацию: индивид свободен от «ближнего» и необходимости высказываться. Тот ближний, которого надо любить, теперь отодвинут на безопасное расстояние бесконечным количеством гаджетов. Он ближний, потому что доступен каждую минуту, и одновременно комфортно удален. Снимается напряжение от необходимости удерживать обоюдный интерес, достаточно надоедать друг другу. Высказывание полным текстом заменяется нарезкой несложных информационных фрагментов. Коммуницирующий человек освобожден от необходимости знать, он всегда может узнать, потребляя готовые блоки информации, вливаясь в массу пользователей. Обратное воздействие технической реальности на человека, т.е. очередное низвержение человека в ад, сказывается на сознании. Оно моментально мутирует, его превращенные формы обнаруживают порочность техногенной цивилизации – «волю к ничто». В расшифровке по Делёзу, это «нехватка реальности», «недостаточный контакт с жизнью» [3, с. 96-141]. Кантианская модель – восприятие внешнего мира во внешнем чувстве, определяемое продуктивным воображением, и восприятие себя самого во внутреннем чувстве, конструируемое собственными действиями и поступками, – сводится к отсутствию в современной картине человеческой чувственности активного продуктивного синтеза пространства и времени. Сознание современного человека рецептивно, или созерцательно, и непродуктивно: не способно ни к познанию, ни к самопознанию. Рассудок

удерживается на уровне причинно-следственных связей, но выйти на связи сущностные он не в состоянии [4, с. 42-51]. Такому сознанию доступен только мир субъективных переживаний, его горизонт, свернутый до улиточного состояния неподвижен, не расширяется. На сегодняшний день эта проблема именуется «клиповое» сознание.

Сознание, приученное к фрагментарности информационных блоков, реагирующее только на картинку в формате экрана гаджета, само становится дискретным, несцепляемым. Эта проблема для человечества не нова. Она известна с античной древности. Это все те же «пещеры» Платона и «идолы» Фрэнсиса Бэкона. Духовный кризис, чреватый любыми иллюзиями и заблуждениями, трудно расценить как становление новой модели сознания. Кризис эпохи Реформации преодолевался кропотливым трудом самопознания человека исторического, благодаря чему человечеству удалось выйти в мощное культурное пространство. Культура – это то, что внутри человека. Информация – это то, в чем человек пребывает. Новая модель сознания – это фиксирование внутреннего состояния воли к мысли: *cogito ergo sum*, то, с чего началось Новое время человечества. Неумение обуздать стихию информационного потока трудно терминологически фиксировать как «информационное общество». Согласимся с тем, что метафора «информационное общество» описывает лишь массу пользователей Интернет, потребителей информации. Человечество остается пока в своем прежнем цивилизационном качестве – кризисе духовности общества потребления.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 368 с. Бжезинский З. Шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 424 с. Тоффлер О. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 384 с.
2. Волкова Паола. Мост через бездну. Мистики и гуманисты. – М.: АСТ, 2016. – 288 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
4. Железняк В. Н. Теоретическая педагогика в контексте философского и культурного дискурса //Философия педагогической теории. – Пермь: ПГТУ, 2005. – С. 37-118.

РЕЛИГИОЗНАЯ ДОМИНАНТА ТЕРРОРИЗМА

Лазуркевич И.Ф.

соискатель кафедры «Философия и психология»,
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)
/Университет машиностроения/, Россия, г. Москва

В статье рассматривается научная проблема, связанная с религиозной доминантой терроризма, влияние процессов глобализации на терроризм, их взаимосвязь. Автор осуществляет социально-философский анализ религиозной компоненты терроризма, выявляет как идеологические, так и психологические мотивы религиозной террористической деятельности. В работе определяются векторы стратегии национальной и международной безопасности, которые в дальнейшем будут способствовать снижению уровня террористической опасности.

Ключевые слова: терроризм; религиозная доминанта терроризма; религиозное сознание; террористическая деятельность; техногенная цивилизация; социальная дестабилизация.

К числу наиболее существенных доминант терроризма относится религиозная компонента, исследования которой актуальны как в практическом плане, так и в теоретическом дискурсе. Анализ религиозной мотивации с использованием принципа доминанты приобретает значимость и актуальность в свете ускоряющихся изменений международного масштаба, вызванных кризисом глобализации и цивилизационными сдвигами современности. Нарастание тенденций турбулентности и хаосогенности в становлении самоорганизации социальных систем всех уровней сложности, позволяют применять принцип доминанты в качестве одного из вариантов аттракторов развития, выявлять особенности перехода от вызовов и угроз одного уровня организации и структурности, к другому, более сложному. Примером такого рода перехода может служить возникновение и расширение террористической деятельности ИГ, которая достаточно быстро и активно переросло рамки одного региона и сегодня оказывает ощутимое влияние на картину состояния социальных систем в целом.

В отечественном социо-гуманитарном знании религиозная доминанта терроризма изучается с позиций различных подходов и точек зрения.

При этом в ракурсе мотивационных установок и ценностных ориентаций, лежащих в основе религиозной доминанты терроризма, следует отметить исследование Б.Г. Чуркова [4], а в ракурсе идейно-политической и этической доминант терроризма труды И.М. Добаева [1], В.Н. Немчиной [1], Р.Ф. Сирзетдинова [3, с.12-14], в которых с позиций социально-философского анализа выявляются мировоззренческие основания религиозного терроризма. Синергетический подход в изучении религиозной составляющей террористической деятельности отмечен в работе В.О. Микрюкова [2].

С позиций принципа доминанты религиозная компонента терроризма предстает как ценностно-мотивационные установки на террористическую деятельность, характер которой обусловлен целым рядом детерминант. К числу такого рода определяющих факторов наряду с причинами и условиями, относятся способы и средства деятельности, которые изменяются в процессе развития социума.

К числу мировоззренческих предпосылок религиозной доминанты терроризма, как уже отмечалось, следует отнести социокультурные особенности формирования популяционной мотивации, в частности, признание насилия инструментом и средством разрешения социальных конфликтов. С позиций анализа именно религиозной доминанты идеал насильственного характера деятельности формировался также и путем внушения верующим идеи признания бессилия человека перед высшими силами. В единстве с религиозными чувствами и бессознательными фрустрациями, у субъектов терроризма появляется ряд особенностей психологического характера. Во-первых, это наличие «туннельного сознания», сконцентрированного в узком диапазоне

интенций, направленных на достижение целей, свойственных террористической группе или организации и которые соответствуют потребностям текущего момента. Во-вторых, происходит своеобразный эффект взаимного усиления мировоззренческих идеологических мотивов и популяционно-биологических, что ведет к фанатизму. В-третьих, взаимосвязь групповых и социокультурных мотиваций приводят к интериоризации религиозных идей в убеждения, становящихся основой террористических действий, оправдывающей насилие, жестокость и массовые жертвы.

Принцип доминанты в религиозном сознании, следовательно, представит как взаимодействие определённого набора мотиваций, основанных на религиозной вере, находящихся в конфликте с социальными и моральными нормами и ценностями общества. При наличии новой террористической субкультурной среды, среди членов группы или организации мотивация усиливается вследствие наличия «туннельного сознания», ориентации на насилие и деструкцию, формированием образа врага как иноверца или атеиста. Процесс инкультурации в религиозной террористической группе облегчается и ускоряется в результате контактов с единомышленниками, следованию традициям и религиозной идентичности.

Таким образом, можно сделать вывод, что религиозная доминанта терроризма с позиций синергетического подхода является имманентной составляющей мотивационных установок индивида как микросистемы, в которой наличествуют взаимосвязь таких видов, как популяционная и социокультурная. Кроме того, в религиозной доминанте актуализируется взаимодействие бессознательной тяги к насилию (фрустрация агрессивности), религиозные чувства и идеологические мотивы. Эффект «туннельного сознания» с позиций принципа доминанты способствует перерастанию мотивационных установок в фанатизм.

Выявление специфики, составляющих подсистем и уровней религиозной доминанты позволяет обнаружить латентные, неосознаваемые самими верующими возможные последствия воздействия на личность и группу современных методик и техник манипулирования религиозным сознанием. В этом ракурсе анализа следует отметить, что проблема религиозной идентичности в современном мире приобретает наднациональный и надгосударственный характер, так как посредством использования информационно-коммуникативных средств идеология и практики терроризма распространяются в различных культурах и этно-национальных группах.

В силу наличия мировоззренческой функции религии, являющейся системой убеждений, знаний, взглядов, принципов, идеалов, человек получает не только идеологические мотивы террора, но и понимает смыслы и символы мироустройства, свое место в этом мире, обретая основания идентичности. Иллюзорно-компенсаторная функция религии не только дает надежду, утешение и духовное удовлетворение, но и предлагает поиск смысла собственной жизни. В каждом религиозном направлении или конфессии всегда в силу регуляционно-нормативной функции, наличествуют системы ценностей, моральных норм, поведенческих установок и запретов, которые не становятся

препятствием для субъектов террора. Наличие же групповых связей и отношений, интеграционная функция религии, напротив, способствуют консолидации и объединению единоверцев, повышают эффективность управления и возможности достижения поставленных целей.

Религиозная доминанта терроризма, таким образом, предстает как субъективный фактор, приобретающий значимую роль в качестве аттрактора неравновесности и хаосогенности в переходные для общества моменты развития, в ситуациях кризиса, активизирующая возможности реализации заложенного в религии потенциала с целью оказать решающее воздействие на ход какого-либо процесса или явления. При этом единство концептуального и мотивационно-психологического уровней религиозного сознания оказывают непосредственное влияние не только на деструктивные действия субъектов террора, но и на теорию террора, а также на изменение концептуальных и идеологических компонентов самих религий.

Ведущими мотивами в религиозной доминанте терроризма становятся групповые факторы. К их числу следует отнести стремление отождествлять себя с религиозной общиной, для того, что чувствовать себя частью коллективного целого, даже путем утраты своих индивидуальных особенностей. Полностью ассимилированный религиозной террористической группой человек всех, в нее не входящих, ассоциирует с образом врага, а цели общины становятся личными целями. Кроме того, для него достижение этой цели сужается рамками «туннельного сознания», все, что мешает ее достижению или не принимается в расчет, или требует уничтожения как препятствие. Приоритет группового, коллективного над личным, индивидуальным дополняется так же мотивами идеологического характера.

Использующие террор в своей практике религиозные направления старательно дистанцируют своих приверженцев от рационального осмысления действительности, прибегая к утверждению, что абсолютная и несомненная истина выражена в их Священных текстах, в той основополагающей Идее, вне которой нет ни правды, ни истины. При этом признаются только те факты, которые подтверждают истины веры, если они не противоречат ценностям религии. Способность религиозного террориста игнорировать очевидные противоречия выдается за стойкость и силу духа, готовность пойти на все, ради торжества веры.

Террористическая групповая идентичность, таким образом, в пределах религиозной доминанты, включает в качестве медиаторов рациональных организаторов, принимающих рационально обоснованные решения с целью достижения желательных результатов. Так, с точки зрения А. Пиззорно, «главным механизмом мобилизации является конструирование коллективной идентичности, которое представляет собой длительный процесс». Этой конкретной групповой идентичностью предстает самоопределение конкретной группы людей, которое вытекает из общих интересов, опыта и солидарности. В контексте религиозного терроризма формирование коллективной идентичности предполагает борьбу за культурное признание [5]. Применение принципа доминанты в исследовании религиозного фактора терроризма позволяет

рассматривать как статику, так и динамику террористической деятельности религиозного характера, выявлять те специфические особенности, которые возникают в процессе распространения религиозной идеологии в целях мотивирования террора.

При этом большинство исследователей констатируют, что проблема носит комплексный многогранный характер, что связано с разнонаправленностью и противоречивостью воздействия религии на современный терроризм. С одной стороны, религиозная компонента является одной из подсистем мотивации, будучи средством оправдания террористической деятельности, субъекты которой определяют себя как представителей конкретного религиозного вероисповедания, отстаивающие интересы своей конфессии. С другой стороны, религиозная доминанта является одной из составляющих мировоззрения, что позволяет вычлнить как идеологические, так и психологические мотивы террористической деятельности.

Техногенная цивилизация сегодня характеризуется возрастанием роли религии в общественной жизни, поскольку религия помогает восполнить нишу идентичности, сохранить систему ценностей и этических норм, утрачиваемых в условиях глобализации и обостряющихся противоречий в условиях кризиса.

Список литературы

1. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России / Под ред. Малашенко А.В. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2005. С. 304.
2. Микрюков В.О. Религиозный фактор в современном терроре // Диссерт. канд. философ.наук. Химки. 2009. С. 176.
3. Сиразетдинов Р.Ф. Мировоззренческие основания современного терроризма: социально-философский анализ: Автореф. дис. . канд. фил. наук. – Уфа, 2005. С. 151.
4. Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма. <http://conflictolog.isras.ru/93-4-1.html>;
5. Pizzorno A. Some other kind of'otherness': A critique of rational choice theories // Development, democracy and the art of trespassing. Notre Dame, 1986.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ОБЪЕКТ

Ядута Л.И.

доцент кафедры философии, канд. филос.наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Россия, Новосибирск

В статье предлагается понимание археологии как эмпирического ретрокультуроведения, то есть исследование архаичных культур через описание имманентных им систем исторических ценностей. Описание понимается как интерпретация. Дается новое определение объекта археологического знания, который принципиально не существует, пока он не введен а некую парадигму или не включен в теоретическую конструкцию, либо не идентифицирован с той или иной архаичной культурой. Дается новое определение предмета археологического знания, который состоит в изучении образцов древней человеческой деятельности как реконструкция определенной смысловой реальности. Исходя из

нового определения предмета археологического знания формулируются эпистемологические трудности, связанные с пониманием исторической реконструкции, типологии, заданных той или иной парадигмой. Показывается специфика идеального объекта в археологии, состоящая в том, что идеальный объект является результатом двойной реконструкции и модель его построения.

Ключевые слова: архаичная культура, археологическая реальность, археологическая типология, синкретичность археологической теории, идеальный объект в археологии.

Главная цель археологического исследования состоит в определении культурного значения артефактов архаичной культуры. Археолог изучает древние артефакты с точки зрения определенности в них знания и пытается через них восстановить целостность способа социально-исторического бытия.

Исследование архаичной культуры как некоей смысловой реальности осуществляется посредством идентификации, условием реализации которой являются умозаключения по аналогии, требующие очень тонкой интуиции.

Археологическая реальность возникает из изначального восприятия материальных осколков культуры как специфических фрагментов древней человеческой деятельности и затем понимания их в качестве таковых, исходя из предварительных знаний, которые, в свою очередь, являются условием описания как построения некоей общей картины, представляющей собой определенную реконструкцию. Условием их восстановления являются результаты исследований прежде всего в таких предметных областях как культурология, антропология, этнография, история, историческая психология, историческая география.

Аппарат описания археологической реальности представлен следующими основными понятиями: признак, тип, культура, ключевым из которых считается понятие типа. Ключевое место понятия типа в системе основных археологических понятий обусловлено тем, что тот объект, который археолог имеет возможность наблюдать, не совпадает с объектом, который он исследует. Непосредственно эмпирически даны артефакты (архитектурные сооружения, керамика, предметы из камня, кости и других материалов, живопись, эпиграфика и др.), а вопросы ставятся о том, какова суть скрытого за наблюдаемыми археологическими выражениями. Иначе говоря, то, что доступно для наблюдения и фиксации, рассматривается как проявление того, что скрыто и непосредственно недоступно. Например, биология, у которой археология позаимствовала и термин «тип», и идею естественной классификации, не исследует абстрактные растения или абстрактных животных, а всегда исследует какие-то группы растений и животных, которые выделила из необозримого, многообразного растительного и животного мира, то есть биолог как бы «копирует» свой объект с «натуры». Для археолога же то, с чем он имеет дело непосредственно эмпирически, является только материалом, где объект «оставил след» и частично себя проявляет. Поэтому археологическая типология выступает как средство организации эмпирического материала. Но для того, чтобы археологическое исследование могло осуществляться далее, тре-

буется построить представление о том, что скрывается за наблюдаемыми археологическими выражениями или о том, что является его проявлением. Таким образом, то, что скрывается, оказывается подлинным объектом исследования археолога.

По своей природе объекты археологического знания и объекты исторического знания существенно различаются. Археолог, как естественник и техник, работает прежде всего с материальными осколками культуры, а историк с событиями, с социальными процессами и с фактами деятельности конкретных исторических деятелей. Поэтому деятельность историка и исследовательская деятельность археолога различаются, во-первых, по объекту и, во-вторых, сами события в историческом исследовании являются несомненно реальными и, соответственно, существует возможность выявления исторических закономерностей так как историк факты не создает, а обосновывает только события, в отличие от археолога, для которого факт, как фрагмент реальности, - конструктивное построение в силу того, что он не существует как археологическая реальность, а создается археологом в самой исследовательской деятельности.

Археологическая теория по своей природе синкретична. Синкретичность археологической теории обусловлена необходимостью восстановления целостности способа социально-исторического бытия, поскольку археологическая реальность фрагментарна. Поэтому для археологического исследования важным оказывается не объяснение и прогнозирование как таковые, а понимание как интерпретация. Понять – значит восстановить связь целого, а на основе понимания связи целого уже делать выводы об ушедшей культуре [3].

Особенность исторического объяснения как такового состоит в том, что историк стремится прежде всего к пониманию связи событий. Поэтому историческое исследование не увеличивает уже имеющееся историческое знание, а углубляет наше понимание исторической действительности. Археолог же стремится восстановить социальную значимость материальных осколков культуры.

Проблема классификации в археологии представлена, с одной стороны, проблемой построения археологической теории, а с другой стороны, проблемой предмета археологического исследования.

Основная трудность теоретического археологического исследования, заключающемся в выявлении и отождествлении культурных типов состоит в нахождении, определении измерительного критерия. Причем в археологической познавательной ситуации требуется найти измерительный критерий для сравнения одного идеального объекта (эмпирический тип) с другим идеальным объектом – культурный тип.

Анализ рефлексивных споров археологов по вопросу выделения и отождествления «культурных типов» показывает, что одни археологи в качестве такого измерительного критерия предлагают этнографические знания и способность археолога перевоплощаться в этнографа. Тогда археологическое исследование должно начинаться со сбора этнографических данных, а это

значит, что типологическому исследованию предшествуют интерпретации, а затем уже на основе построенной таким образом типологии, делаются историко-культурные заключения. Можно также, совершенно не обращаясь к реальным примерам, строить мысленные представления исчезнувшей культуры (например, модель «культуры народа гамма-гамма на острове Гамма»), имея в виду результаты этнографических исследований.

Другие исследователи предлагают предварительно уже иметь представление о возможных «культурных типах» и тогда само исследование представляет собой ряд последовательных операций отождествления мысленного представления «культурного типа» с его наблюдающимися вещественными проявлениями, что дополняется еще строго разработанной процедурой проверки. В качестве измерительного критерия в этом случае выступает процедура обязательной верификации.

Третьи исследователи считают, что нужно обходиться собственными археологическими средствами и, в таком случае, в качестве измерительного критерия для сравнения выступают либо контексты, либо предварительные знания об археологических культурах [1;2].

Таким образом, все исследователи, несмотря на различие в позициях, предлагают в качестве измерительного критерия для сравнения некие предварительные знания, важность и необходимость которых никто не отрицает. Вместе с тем, создавая мысленные представления и осуществляя посредством эмпирического материала их проверку в том или ином варианте, археолог не может точно и определенно сказать, какова степень их соответствия реальному положению дел.

Специфика идеального объекта в археологии состоит в том, что он является результатом двойной реконструкции. Его характеристики постоянно пересматриваются, корректируются по мере накопления фактов и поэтому не может быть жесткой фиксации признаков.

Построение идеального объекта в археологии может быть представлено следующим образом. Изначально археологу даны материальные осколки культуры, которые посредством реконструкции, представляющей словесное описание как интерпретацию, становятся объектами исследования. Затем на этой основе формируется эмпирический идеальный объект, репрезентирующий только те характерные свойства объектов, которые были даны в описании. Этот эмпирический идеальный объект в археологии представляет собой абстрагированный идеал и/или обобщение. Затем ему приписываются признаки, которыми восстановленные объекты не обладают, но знанием о которых (признаках) располагает исследователь.

В функции исходного идеального объекта можно рассматривать понятие архетипа. Архетип как исходный идеальный объект, с одной стороны, указывает на характер природы исследуемого объекта, а с другой стороны, является средством его исследования для получения культурно-исторической информации.

Эпистемологические трудности археологического исследования могут быть сведены к следующим.

Во-первых, поскольку объект археологического исследования представлен описанием, то первичные высказывания о материальных осколках культуры определяют историко-культурные значения. В силу этого возникает проблема археологического языка.

Во-вторых, восстановление объектов включает такие аспекты как определение культурного значения артефактов архаичной культуры и их датировку. Однако в самих артефактах даны только «физические», «геометрические» и «семиотические» свойства, а отнюдь не археологические. Объект получает свойство быть археологическим только через гносеологическое отношение.

В-третьих, поскольку имеются только материальные осколки культуры, то возникает трудность выявления архетипов древней человеческой деятельности, то есть тех образцов, которые задают смысловую реальность архаичной культуры.

В-четвертых, в артефактах культуры человек объективирует свои представления о простоте, полезности, удобстве, соразмерности, поэтому идея «вещи», то есть ее культурное значение и смысл, археологу интуитивно ясна. В силу этого ее осознание происходит в контексте открытия.

В-пятых, в археологии границы между отдельными объектами нельзя провести по археологическим и культурным признакам в силу их отсутствия. Нахождение признаков наиболее соответствующих культурным значениям архаичной культуры становится стало быть проблематичным. Трудностью типологического исследования таким образом оказывается определение сравнительного критерия, который и задается парадигмой, принятой исследователем.

Таким образом, трудности археологического исследования обусловлены неясностью природы исследуемого объекта и отсутствием объектного мира исследования, содержанием которого являются абстрактные и идеализированные объекты. В археологической типологии требуется переход от построения эмпирических типологий к теоретической типологии, которая должна быть продуктом не только классификационных действий, но и действий, характерных для построения исходных идеальных объектов. Возможно, теоретическая типология и станет своеобразной формой выражения археологической теории в такой культуроведческой науке, как археология.

Список литературы

1. Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.
2. Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х томах. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. Т.1. – 688 с., т. 2. – 626 с.
3. Ядута Л.И. Метаархеология// *Paradigmata poznani*. 2015. № 3. С. 26-35.

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

Яровов А.Н.

аспирант кафедры философии,
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», Россия, г. Курск

В статье рассматриваются философские аспекты проблемы контроля научно-технического прогресса. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом в научной среде и средствах массовой информации к возможным последствиям использования технологий искусственного интеллекта в военных целях. Обращение к современным концепциям философии техники позволяет автору статьи сделать вывод о ретроспекции как одном из основных средств контроля развития технологий нового поколения.

Ключевые слова: философия техники, социальная философия, научно-технический прогресс, искусственный интеллект, акторно-сетевая теория.

В июле 2015 года более трех тысяч выдающихся ученых, инженеров и предпринимателей, среди которых Стивен Хокинг, Илон Маск, Стюарт Рассел и многие другие, подписали открытое письмо, содержащее предупреждение об опасных последствиях разработки автономного оружия нового поколения, осуществляющего свои функции на основе систем искусственного интеллекта. В перспективе развитие таких технологий может спровоцировать новый этап гонки вооружения, однако, в данном случае существует высокая вероятность потери контроля над его использованием, что является серьезной угрозой, в том числе для принципа «ядерного сдерживания». Факт этого обращения указывает на актуальность вопроса о том, в какой степени развитие технологий остается контролируемым процессом [1].

В истории философии техники широко распространены концепции, рассматривающие технологии как продолжение (расширение) физических и интеллектуальных возможностей человека. Часто концепции такого рода предлагаются в качестве ключа к наилучшему пониманию сути технологического прогресса.

Канадский философ Маршалл Маклюэн использовал понятие «расширения» для описания условий, при которых человек для достижения поставленных целей создает или использует нечто, что превосходит естественные возможности его тела или разума. Любое технологическое расширение, согласно Маклюэну, неизбежно сопровождается эффектом «ампутации», когда устаревшие технологии почти полностью вытесняются новыми. Иногда это приводит к изменениям в жизни общества, примером чему служит развитие автомобильной промышленности, преобразовавшее транспортную инфраструктуру городов, и, одновременно, осложнившее экологическую обстановку. Технологический прогресс в этом смысле представляет собой опыт компромиссных решений, последствия которых часто остаются недооцененными. Тем не менее, согласно подобным концепциям технологии могут являться продолжением только механически интерпретируемых способностей че-

ловека. Данное ограничение, по-видимому, не дает возможности для рассмотрения проблем, связанных с развитием автономной техники [2].

В 1991 году в свет вышла книга американского философа Мануэля де Ланда «Война в эпоху разумных машин», в которой была предпринята попытка анализа технического прогресса как независимой эволюционной ветви. Автор книги допускает предположение, согласно которому изобретение искусственного интеллекта должно стать отправной точкой для интерпретации истории человечества в качестве одного из этапов эволюции машин. По мысли де Ланда технологическое развитие не столько следует потребностям человека, сколько формулирует и изменяет их, что дает возможность говорить о некоторой собственной движущей силе этого процесса. В данном случае используются примеры того, как изобретения в военной промышленности вынуждали руководства воюющих сторон применять новые тактики, все более опираясь на корпус научно-технического знания.

Эта идея представляет собой более «радикальную» версию концепции расширения, в которой технологии рассматриваются уже не как средство, а как самоцель. Фактически, здесь идет речь о постепенном вытеснении органической ветви эволюции неорганической. Искусственный интеллект (ИИ), согласно американскому философу, совершенно необязательно должен унаследовать от человека такие характеристики как мораль или «здравый смысл». Решение проблемы эвристического мышления, т.е. способности достраивать недостающие элементы знания без посторонней поддержки, уже может считаться изобретением ИИ [4, с. 215]. Такая модель автономии техники вовсе исключает вопрос о надежности средств контроля технологий нового поколения, поскольку эти средства вынужденно потеряют свою эффективность в ходе естественного развития истории.

Подобный сценарий, однако, не подходит для описания современной ситуации и является, скорее, прогнозом относительно недалекого будущего. Тем не менее, для понимания того, каким образом осуществляется научно-технический прогресс, нам следует отказаться от классического противопоставления естественного и искусственного, учитывая ту скорость, с которой сегодня технологии преобразуют социальную реальность. Отчасти именно для преодоления этой дихотомии создавалась акторно-сетевая теория.

Теория, автором которой является французский социолог и философ науки Бруно Латур, рассматривает человеческие (социальные) и нечеловеческие акторы в качестве равноправных участников одного и того же события. Если в традиционном подходе технологии представляют собой созданные человеком статичные условия и объекты, то акторно-сетевая теория (АСТ) анализирует их как элементы, принимающие активное участие в конструировании общей реальности. В этом контексте автомобильная авария является событием, которое одновременно включает в себя водителя, транспортное средство, инженерные разработки, промышленные компании, систему правил дорожного движения и т.д. Взаимодействие приведенных здесь в пример акторов формирует сеть, внутри которой осуществляется циркуляция сооб-

щений. Задача исследователя состоит в том, чтобы грамотно распознать пути информации и локализовать центр этой сети [3].

Очевидно, что принципы АСТ могут быть также применены для отслеживания активности искусственного интеллекта, поскольку в любом случае он будет использовать сходные системы связи. Однако, необходимо иметь в виду, что осуществляемый специалистами контроль может состояться только при опоре на события постфактум. В данном случае уместна аналогия с черным ящиком: обнаружение центра сети становится возможным только после того, как произошла катастрофа. До этого времени все ее элементы существуют как бы неявно, и если событие не происходит, они вовсе остаются незамеченными.

Предупреждение, содержащееся в открытом письме, таким образом, вряд ли сможет произвести должный эффект. Основным способом управления процессом развития технологий по-прежнему остается исправление совершенных ошибок. Это подтверждает, в том числе, исторический опыт. Широко известно, что принцип «ядерного сдерживания» был окончательно сформулирован уже после применения этого вида вооружений в ходе Второй мировой войны.

Список литературы

1. Autonomous Weapons: An Open Letter from AI & Robotics Researches. URL: <http://futureoflife.org/open-letter-autonomous-weapons/> (дата обращения: 23.01.2016).

2. Brey P. Theories of Technology as Extension of Human Faculties // *Metaphysics, Epistemology, and Technology. Research in Philosophy and Technology*. 2000. № 19. URL: http://www.utwente.nl/bms/wijsb/organization/brey/Publicaties_Brey/Brey_2000_Extension_Faculties.pdf (дата обращения: 23.01.2016).

3. Cressman D. A Brief Overview of Actor-Network Theory: Punctualization, Heterogeneous Engineering & Translation // *Science & Technology*. 2009. № 4. URL: <http://blogs.sfu.ca/departments/cprost/wp-content/uploads/2012/08/0901.pdf> (дата обращения: 23.01.2016).

4. DeLanda M. *War in the age of Intelligent Machines*. New York: Zone Books, 1991. 271 p.

ИДЕИ И. БЕНТАМА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ПРАВОСУДИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Яшин А.Н.

профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
канд. филос. наук, Мурманская академия экономики и управления,
Россия, г. Мурманск

В статье показана роль И. Бентама в формировании идеологии судебной реформы России во второй половине XIX века; идеи выдающегося мыслителя органично вписались не только в «букву», но и в «дух» российского законодательства, поскольку содержали в себе традиционно близкие русской правовой культуре категории: справедливость, добро, благо, свобода, страдание и др. Автором подчеркивается актуальность и востребованность философско-правовых идей И. Бентама в современном обществе.

Ключевые слова: право, закон, преступление, вина, правосудие, судебная реформа, гуманизм, свобода воли, позитивизм, утилитаризм.

Реформа русского правосудия во второй половине XIX века по общему признанию исследователей явилась наиболее последовательной из проведенных в этот период реформ. Основательно продуманная, она была проведена без потрясений и насилия над русской историей и традициями, более того, несла в себе смыслообразующую идею. Создание нового суда облегчалось использованием всего богатства не только отечественной, но и европейской и общественной мысли о предназначении и сущности правосудия (Ш. Монтескье, Ч. Беккария, К. Миттермайер), но, пожалуй, наиболее органично вписались в русскую философию реформ правовые идеи английского философа и юриста Иеремии Бентама.

Основоположник философии утилитаризма Иеремия Бентам (1748 – 1832) оказал влияние на взгляды многих европейских политиков, в том числе русских судебных реформаторов – Д. Н. Блудова, С. И. Зарудного, К. П. Победоносцева и др. Последних привлекли внимание неординарные и близкие русской ментальности идеи И. Бентама, содержащие в себе нравственно-правовые аспекты общественных отношений, концепцию справедливости и принцип гуманизма правосудия, что во многом соответствовало русскому представлению о законности и праведности. И это не случайно.

Рассматривая особенности русского государства, И. Бентам видел в нем огромный потенциал развития и процветания. Приехав в Россию в 1785 году к своему брату Сэмюэлю, находящемуся на службе в русской армии, он пробыл в империи без малого два года. Его интересуют все стороны русского мира – от научных вершин до вопросов крестьянского быта, но глубоко и профессионально он изучает российское законодательство; поддерживает добрые отношения с князем Г. И. Потемкиным, а позже переписывается с императором Александром I и его выдающимся реформатором М. М. Сперанским – обсуждает с ними наболевшие вопросы законодательного реформирования.

Важнейшая проблема в русской культурной традиции, которую предстояло решить идеологам судебной реформы 1864 года – это проблема непростого сосуществования в народном сознании категорий «закон» и «правда», «право» и «справедливость» (вечная дилемма для русского мужика – судить «по закону» или «по правде»). И здесь они отчасти ответ находят у И. Бентама, для которого законодательство онтологически тождественно праву: «Чтобы знать, что такое право вообще, мы должны знать, что такое закон, а если мы знаем, что такое закон, волей-неволей мы узнаем, что такое право вообще» [3, с. 7].

Идеи И. Бентама как сторонника позитивистского направления в понимании права также не случайно привлекают российских юристов-реформаторов. Дело в том, что в России с 1935 года по велению Николая I стали преподавать в университетах не правоведение, а законоведение, что еще больше осложнило проблему соотношения права и закона. Отстаивая

примат закона, И. Бентам говорит о метафизичной природе права, утверждая, что идея права не дается в результате опыта. Идея права, по И. Бентаму, содержится в самом законе. Русские философы (В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев и др.) единодушно приветствовали идею И. Бентама: в основе права – свобода человеческой воли.

Законы изменчивы, постоянно совершенствуются и дают возможность добиться «максимального счастья для наибольшего числа людей». И. Бентам приветствует доступное и ясное романо-германское законодательство, резко критикуя британское общее право с его судебными прецедентами, называя его «капризной и непонятной властительницей наших судеб». По И. Бентаму, реально только то право, которое установлено государством, что весьма воодушевленно подхватили чиновники-реформаторы, включая императора.

Эту бентамовскую двойственность права также принимают в основу судебной реформы русские реформаторы. Задача у них, действительно, была непростая – с одной стороны, внедрить в философию правосудия либеральное правопонимание в сочетании с естественно-правовой теорией; с другой стороны, необходимо было учитывать идеи позитивизма в сочетании с идеологией этатизма и уваровской триадой «Православие, Самодержавие, Народность».

Адаптируя идеи И. Бентама к русской социально-правовой действительности, идеологам реформ важно было не абсолютизировать учения выдающегося мыслителя. Основоположник утилитаризма не скупился на эпитеты в адрес естественного права: естественное право и «фикция», и «метафорическое выражение», и «фантом», и «чепуха на ходулях», и «грандиозное ничто» [4, с. 17]. Не принималось русской правовой культурой и стремление И. Бентама преобразовать юриспруденцию в науку, базирующуюся исключительно на эмпирических знаниях, без метафизики и религиозных начал.

Органично «вписывается» в русскую правовую культуру середины XIX века позиция И. Бентама по вопросам материального права, в особенности уголовного и гражданского, реформирование которых он считал необходимым в первую очередь. Для русских юристов также важным было пересмотреть сущностные вопросы преступления и наказания в уголовном праве, права собственности и вещного права в гражданском праве. В анализе проблематики уголовного и гражданского права И. Бентам исходит из понимания единства этих отраслей, считает возможным отнести любой закон государства одновременно и к гражданскому, и к уголовному праву [2, с. 9].

Некоторые идеи И. Бентама были актуальны как для периода судебной реформы середины XIX века, так и для современного развития правосудия. Так, исследуя сущность преступления, он подчеркивает его признаки: противоправность, общественная опасность, наказуемость, а при исследовании состава преступления особое значение придает изучению субъективной стороны, формам вины. При отправлении правосудия он рекомендует всем участникам процесса учитывать психофизиологическую характеристику подсудимого, гендерные, возрастные особенности, материальное положение, влияние

социальной среды на противоправность поведения, призывая тем самым к индивидуализации ответственности.

Чтобы законодательство обеспечило «наибольшее счастье для наибольшего числа», И. Бентам определил средство для достижения этой цели – законодательством воздействовать на человеческие чувствительность и страдания, стимулируя правонарушителя к покаянию и правомерному поведению. По сути, ему вторил позже Ф. М. Достоевский, чьи философско-правовые идеи также воплотились в концепции русской судебной реформы – глубочайшая боль и искренность в словах Дмитрия Карамазова: «...Страдать хочу и страданием очишусь! Ведь, может быть, и очишусь, господа, а?» [1, с. 523].

Формат небольшой статьи не позволяет охватить все направления научного исследования великого мыслителя, касающиеся реформы и совершенствования законодательства. И. Бентама справедливо называют «Ньютоном в законодательстве», сравнивают с Адамом Смитом; если последний оказал огромное влияние на политическую экономию, то первый не в меньшей степени влиял на законодательство. Этому влиянию была подвержена и русская концепция судебной реформы XIX века – И. Бентам обогатил философско-правовую мысль идеями, положенными в основу русского пореформенного правосудия и не утратившими своей актуальности в решении вопросов совершенствования современного законодательства и правосудия.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 684 с.
2. Остроух А. Н. Учение Бентама о праве : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
3. Bentham J. A Comment on the Commentaries // Collected Works of Jeremy Bentham. A Comment on the Commentaries and a Fragment on Government. London, 1977. P. 7.
4. Bentham J. Theory of Legislation. L., 1882. P. 82; Bentham J. A Comment on the Commentaries // Collected Works of Jeremy Bentham. A Comment on the Commentaries and a Fragment on Government. L., 1977. P. 17.

СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ З.Г. САФАРГАЛИНОЙ (К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Логинова И.В.

старший преподаватель, аспирант, Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается творческая деятельность заслуженного деятеля искусств Республики Башкортостан, профессора кафедры народных инструментов Уфимского государственного института искусств им. З. Исмагилова З.Г. Сафаргалиной. Очерчены сферы профессионального интереса, роль З.Г. Сафаргалиной в развитии домрового исполнительства и образования в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: З.Г. Сафаргалина, Уфимский государственный институт искусств им. З. Исмагилова, исполнительство и методика преподавания на трёхструнной домре.

Зифа Газизовна Сафаргалина (род. 2 сентября 1951 года в городе Прокопьевске Кемеровской области) – заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан, профессор кафедры народных инструментов Уфимского государственного института искусств им. З. Исмагилова (УГИИ), ведущий методист в Республике Башкортостан по специальности домра. За более чем 40-летний период преподавательской деятельности (из них 35 лет – в вузе) З.Г. Сафаргалина подготовила свыше 100 выпускников по специальностям: домра – 52 человека, ассистентов-стажёров – 4, дипломному реферату – 54, ансамблю – 8, дирижированию – 2 студента [3]. Среди них – лауреаты и дипломанты Международных и Всероссийских конкурсов. Выпускники класса успешно трудятся в различных учебных заведениях и творческих коллективах Республики Башкортостан и Российской Федерации.

С момента начала работы на кафедре (1981) З.Г. Сафаргалина проводит активную методическую работу. Она курирует деятельность домристов в музыкальных училищах, детских музыкальных школах, регулярно выступает с докладами, сообщениями на конференциях, посвящённых проблемам теории исполнительства и методики обучения игре на домре, педагогических чтениях, даёт открытые уроки [1, с. 39]. З.Г. Сафаргалина организует отчётные концерты студентов своего класса, инициирует проведение совместных концертов, фестивалей исполнителей-домристов города Уфы и республики. Она является постоянным членом жюри различных конкурсов: Всероссийских – на приз З. Исмагилова (Нефтекамск, 2008), республиканских молодых музыкантов (Уфа, 1987, 1989, 1991, 2003, 2008, 2014) на приз З. Исмагилова (Уфа, 1994, 1996, 1998, 2000, 2004, 2006).

По разработанным З.Г. Сафаргалиной учебным программам в Уфимском государственном институте им. З. Исмагилова ведётся обучение специальным дисциплинам: «Специальный класс трёхструнной домры», «Методика обучения игре на трёхструнной домре». Ею составлены также «Приёмные

требования в ассистентуру-стажировку по специальности домра», «Программа по специальности “домра” для ассистентов-стажёров» [5]. Расширению домрового репертуара способствуют выполненные З.Г. Сафаргалиной переложения сочинений башкирских авторов: З. Исмагилова, Х. Ахметова, Н. Сабитова, Р. Касимова, Н. Даутова и других, а также издание сборника переложений для ансамблей домр различных составов (дуэта домр, трио, квартета) [2].

Зифа Газизовна ведёт концертную деятельность, начавшуюся в годы обучения в Уфимском государственном институте искусств (класс доцента Б.П. Тевса). Концерты в одном или двух отделениях проходили в УГИИ, средней специальной музыкальной школе, училище искусств и детских музыкальных школах города Уфы [4]. З.Г. Сафаргалина стала первой домристой в Башкортостане, солировавшей с учебным оркестром народных инструментов УГИИ. Домристка являлась исполнительницей партии первой малой домры в популярном ансамбле народных инструментов «Родные напевы», представлявшем музыкальную культуру Республики Башкортостан в России и за рубежом [6, с. 9].

Важен вклад Зифы Газизовны в пропаганду домры для широкой аудитории. На протяжении 14 лет – с 1982 по 1996 гг. З.Г. Сафаргалина сотрудничала с музыкальным лекториумом Башкирской государственной филармонии. За годы филармонической работы было дано более 100 концертов на различных концертных площадках города Уфы и Республики.

З.Г. Сафаргалина и сегодня принимает участие в концертах и конкурсах. Её исполнительские успехи отражены в наградах: она является лауреатом II Международного конкурса-фестиваля «Вдохновение» (Уфа, 2011), лауреатом II премии VI Международного конкурса-фестиваля «Вдохновение» (Уфа, 2015).

За многолетний труд в области культуры и искусства, за участие в развитии музыкального образования З.Г. Сафаргалина была неоднократно отмечена благодарностями и Почётными грамотами: Рескома профсоюза работников культуры (1999, 2005), Министерства культуры Российской Федерации, Российского профсоюза работников культуры (2003), ректората Уфимского государственного института искусств им. З. Исмагилова (ежегодно). Активная разноплановая деятельность З.Г. Сафаргалиной оказывает значительное влияние на развитие домрового искусства в Республике Башкортостан.

Список литературы

1. В творческом поиске / сб. мат. – Уфа: «Узорица», 2000. – 109 с.
2. Избранные произведения для ансамблей домр. Сост., переложение З. Г. Сафаргалиной. Уфа, ИПК БГПУ, 2014. – 48 с., нот.
3. Кафедре народных инструментов Уфимской государственной академии искусств имени Загира Исмагилова – 40 лет: сб. мат. и ст. / сост. О. Н. Мельников. – Уфа: РИЦ УГАИ, 2010. – 107 с.: ил.
4. Куравина И.Ю. Творческий портрет З.Г. Сафаргалиной / рук. Буланкина О.С.; УГАИ. – Уфа, 2014 – рукопись хранится в библиотеке УГИИ им З. Исмагилова.
5. Программа для ассистентов-стажёров про специальности «домра». Сост. З. Г. Сафаргалина. Уфа: РИЦ УГАИ; 2008 – с.21.

6. Суханов В. П. К истории ансамблевого исполнительства на кафедре народных инструментов УГАИ им З. Исмагилова / В. П. Суханов – Уфа: УГАИ им. З. Исмагилова, 2013. – 36 с.

ИНТЕГРАЦИЯ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РОССИИ (НАЧАЛО XIX в.)

Нурова О.Г.

аспирант,

Поволжский государственный университет сервиса, Россия, г. Тольятти

Развитие социокультурной среды рассматривается в качестве одно из приоритетных факторов, способствующих успешной интеграции инвалидов войны в общественную жизнь. Самореализация инвалидов во многом зависела от отношения к ним окружающих людей и господствующих общественных отношений. Государственная политика в России начала XIX столетия по реабилитации ветеранов войны способствовала установлению необходимых социальных связей, позволяла инвалидам самоутвердиться в сложной жизненной ситуации.

Ключевые слова: инвалиды войны, интеграция, общество, свобода, социокультурная среда.

В начале XIX века в связи с военными действиями, стремительно возрос интерес различных сословий и государства к развитию социокультурных условий, способствующих гармонизации процессов социализации и социальной адаптации людей с ограниченными возможностями. Для инвалидов войны значение социокультурной среды для их интеграции в российское общество было достаточно велико. Без лояльной к ним среды было невозможно создать условия для самореализации, формирования необходимых для выживания социальных связей и др.

Понимая необходимость переустройства образа жизни инвалидов российское государство повысило внимание к социально-правовому и экономическому статусу военных ветеранов. Государственная власть в этот период, начинает осваивать и отрабатывать различные по назначению и показаниям реабилитационные методы и технологии: от создания системы призрения до льготного регулирования.

Одной из таких форм поддержки людей с ограниченными возможностями стало введение денежного обеспечения инвалидов войны, которое было основано на модели государственного призрения. Основной задачей такого материального обеспечения было предупреждение нищенства инвалидов войны. Помимо пенсионного обеспечения, государственное призрение престарелых военных и инвалидов предполагало также устройство специальных заведений, где могли бы содержаться те, кто нуждался в уходе.

Для получивших увечья на военной службе при гарнизонных войсках создавались инвалидные подразделения и отряды, где инвалиды могли проводить время, занимаясь посильным трудом. Такие подразделения

действовали в каждом уездном городе и состояли в подчинении военачальника войска внутренней стражи. Они стали применяться в дворцовом, продовольственном, комиссариатском, горном или других министерствах, а также были задействованы при крепостях и местах военных поселений [5, с. 751].

1 февраля 1813 г. начала издаваться газета «Русский инвалид», которая внесла большой вклад в формирование позитивного отношения общества к инвалидам войны. Многие материалы этой газеты выражали поддержку правительственной системы презрения. Средства от распространения большей части тиража издания направлялись на поддержку инвалидов Отечественной войны 1812 г. Сама газета существовала за счет благотворительных мероприятий – представлений, частных вкладов, включая пожертвования царской семьи [4, 48].

Сложившиеся условия, обусловили создание новых форм организации функционирования социокультурной среды для инвалидов. Примерами являются «Патриотическое общество» образованное 18 августа 1814 г., а также «Комитет по призрению раненых», созданный по указу царя. В задачи Комитета входило призрение об увечных генералах, офицерах, а также их семейств [1]. Комитет координировал распределение пенсий из инвалидного капитала, государственного казначейства, раздачу единовременных денежных выплат, переводы на работу в гражданские службы, предоставление жилья, оказание лечебной помощи и др.

В реабилитационном процессе принципиальное значение для инвалидов войны имел статус трудоспособного. Если инвалиды войны были способны осуществлять гражданскую службу, тогда им предоставлялась работа полицмейстеров, городничих, смотрителей богаделен, комиссаров при пограничных карантинах, земских исправников. При назначении на должность пенсии сохранялись за офицерами.

Важным условием создания системы связей между инвалидами войны и обществом становится создание специальных слобод и хуторов, в которых проживали семейные инвалиды из заслуженных гвардейских нижних чинов, находящиеся в отставке и не имевшие приюта и средств существования. Каждому инвалиду с семейством предоставлялась во владение половина дома с надворными строениями, огородом и участком для пашни [2, с. 93]. Инвалидам войны разрешалось свободно перемещаться по стране и выезжать за границу на лечение. Согласно Указу 1844 г. «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» члены семьи и прислуга офицеров, отправляющихся в иностранные государства для «излечения ран», освобождались от паспортного сбора [3, с. 326].

Таким образом, интеграция инвалидов войны в российское общество в начале XIX века вступила в новый этап развития, характеризующийся активным участием государства в этих процессах. Российская власть в этот период стала использовать новые формы призрения инвалидов, что способствовало созданию более комфортной социокультурной среды, которая значительно

расширяла возможности для самореализации и адаптации людей с ограниченными возможностями к жизненным реалиям.

Список литературы

1. Высочайший приказ армиям № 25642 от 18 августа 1814 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. XXXII.
2. Положение об инвалидной слободе // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание 2. Т. VI.
3. О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Величества Канц., 1845. Собр. 2. Т. XIX.
4. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. М., 1998. 160 с.
5. Форсова В. В. Общественное признание военных и их семей в дооктябрьской России // Вестник Российской Академии Наук. 1996. Том 66. № 8. С. 750-758.

ПЕРВАЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ – ПЕРМСКАЯ ПОСТАНОВКА ОПЕРЫ С. ПРОКОФЬЕВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

Платонова С.М.

профессор, заведующая кафедрой истории музыки, канд. иск.,
Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова,
Башкортостан, г. Уфа

В статье рассматриваются главные режиссёрские решения первой в СССР постановки оперы С. Прокофьева «Огненный ангел», состоявшейся в Пермском академическом театре оперы и балета имени П.И. Чайковского (январь 1984 года).

Ключевые слова: режиссёр Э.Е. Пасынков, дирижёр А.М. Анисимов, переосмысленные либретто, героизация Ренаты и Рупрехта, перестановки сцен, переподтекстовки.

Версия великой оперы Сергея Прокофьева в Мюнхене (ноябрь – декабрь 2015, режиссёр Барри Коски, дирижёр Владимир Юровский), показанная по баварскому телевидению, благодаря этому выложенная в Интернет и доступная для всех интересующихся этим гениальным произведением, побудила желание напомнить о другом её явлении миру, отличающимся ни с чем не сравнимой важностью. Автору сих строк посчастливилось присутствовать поблизости от первой в нашей стране (тогда – СССР) постановке «Огненного ангела». Она осуществлена режиссёром Эмилем Евгеньевичем Пасынковым (дирижёр-постановщик Александр Анисимов) в Пермском академическом театре оперы и балета имени П.И. Чайковского (преьера датируется 22 января 1984 года). Причём говорить об этой постановке тем важнее, что в информационном пространстве встречаются досадные ошибки, например, в Википедии приводится неверная дата первой постановки в России (Мариинский театр, 29 декабря 1991 года). Добавим, что в Советском Союзе через шесть месяцев после пермской была осуществлена постановка в Ташкенте, где основой стала авторская – прокофьевская версия; работа шла параллельно

но с Пермью, дирижёр-постановщик из Узбекистана Д. Абдурахманова приезжала в Пермский театр, интересуясь вариантом Пасынкова и Анисимова.

В предлагаемой статье остановимся на основных режиссёрских решениях, базовых для пермского спектакля. Э.Е. Пасынков, видя активный интерес автора данной статьи к работе над «Ангелом», счёл нужным продиктовать свои главные сценарно-драматургические установки, и они были занесены на бумагу. Рукопись хранится в моём домашнем архиве. Базирующееся на той исторической записи лаконичное сравнение прокофьевского клавира и пасынковского варианта было проделано мною в статье, опубликованной в 2005 году [2].

Сразу же следует подчеркнуть, что материал оперы Прокофьева был сильно переосмыслен режиссёром. Изменения были весьма заметными, можно сказать, кардинальными. Первое касается основной идеи, понимаемой как беспредельно напряжённая борьба в душе героини между силами земными и религиозными, видящимися как непостижимое, мистическое. Вся мистика, пронизывающая «Огненного ангела», оказалась снижена. Причиной, думается, можно считать обусловленность самой возможности постановки влиянием того времени. Дело в том, что разрешение на постановку названного сочинения было необходимо получить в партийном руководстве Пермской области. Клавир, изменённый в связи с предполагаемой режиссёрской версией, был представлен в соответствующий отдел обкома КПСС (экземпляр трансформированного варианта с многочисленными перемещениями и переподтекстовками находится в архиве автора статьи). Постановщикам удалось убедить партийцев в необходимости ставить оперу, чтобы быть её первооткрывателями в нашей стране. Переделки, думается, оказали своё влияние на последовавшее разрешение властей.

Снижение мистики произошло благодаря наличию в романе Валерия Брюсова, послужившем основой для собственного, авторского прокофьевского либретто, пары героев – Фауста и Мефистофеля. Вся мистическая интрига оказалась «подложена» под дела Мефистофеля. Для такого «овеществления» картина («В таверне») с активно действующими названными персонажами ставилась второй, а не предпоследней. То есть возникавший «из-под земли» (на поднимающемся из-под сцены лифте) Мефистофель жестом демонстрировал, что галлюцинации и припадок главной героини Ренаты – его рук дело. В этом смысле участие дьявольской силы наводило на параллель с известной оперой Ш. Гуно «Фауст», что делало интригу «просто романтической». Второй мистический акцент – общение Ренаты с духами и стуками («Комната в Кёльне»). Всё происходило по повелению Мефистофеля, до поры до времени скрытого от зрителя высокой спинкой стула, на котором он сидел, спиной к залу. И казнь Ренаты – сожжение на костре инквизиции, завершающее оперу, устраивалось под оком Мефистофеля, и «линия романтизации» тем самым замыкалась. Непознаваемое, мистическое воспринималось как сказочное.

Важнейший акцент делался на возвышение обоих главных героев. Рупрехт умирал на дуэли за честь своей возлюбленной, она из-за этого от-

правлялась в монастырь. Картина, где Рената конфликтует с Рупрехтом, выздоравливающим от раны, полученной на дуэли, купировалась. Постановщики считали, что такое поведение героини непоследовательно, неубедительно в русле их концепции её героизации. Фабула спрямлялась и упрощалась, зато идея подвига мужчины во имя любви, а также идея верности женщины своему избраннику становились выпуклыми, отчётливыми.

Восходила женщина на костёр раньше, чем Инквизитор успевал произвести свой приговор. В либретто просто добавлялось одно слово – «была»: «Эта женщина *была* повинна в сношениях с дьяволом». Для постановщиков при самостоятельном, смелом решении судьбы героини было важно, что уже сам С. Прокофьев резко изменил финал: в повести она умирает в подземелье, на руках Рупрехта, пришедшего её освободить, от последствий применённых к ней инквизиторских пыток.

Вопреки Прокофьеву, первый возлюбленный Ренаты – граф Генрих, олицетворявший для неё любовную мечту детства – огненного ангела Мадизля, – получал у Пасынкова реальное сценическое воплощение, причём с пением. Это оказалось возможным при его совмещении с Фаустом. Фраза Фауста «И нигде нельзя за деньги купить любовь» как нельзя лучше подошла и Генриху. В литературе режиссёр отыскал одно из существующих имён этого Фауста – Генрих. Рупрехт героически сражался именно с ним, и сцена дуэли нашла эффектное театральное решение.

Переподтекстовка, предпринятая Пасынковым неоднократно, служила для разных целей. Вначале – для обострения конфликта, активизации драматического развития (в конце первого действия было придумано разбойное нападение на Рупрехта и Ренату, организованное Хозяйкой гостиницы). В сцене ранения Рупрехта – для возвышения героини: она, а затем дублирующий её слова хор многократно повторяют признания в любви «Я люблю тебя, Рупрехт». Сложность характера женщины, мечущейся между земным и небесным своим предназначением, сомневающейся в своих чувствах, упрощается, предельная многозначность «выпрямляется». В момент гибели героя она, наконец, осознаёт, что никто, кроме него, ей не нужен, но – поздно. Такой поворот фабулы острее воздействует на восприятие слушателей, чего и добивался режиссёр. Причём он достигает ощущения всеохватности любовного признания, размещая солистку в глубине сцены, а группы хора на ярусе в зале, далее – глубоко за кулисами, то есть звучание опоясывает всё акустическое пространство. При возвышении героини такое усиление любовной линии вписывается в концепцию авторов.

Список литературы

1. Петров А. П. Музыка огненных страстей: Премьера // Известия. – 1984. – 15 апр.
2. Платонова С. М. Опера С. Прокофьева «Огненный ангел» (сравнение авторского клавира и пермской постановочной редакции) // Музыкальное содержание: наука и педагогика: мат. III Всерос. науч.-практ. конф. 26–29 апреля 2004 г. / отв. ред.-сост. Л. Н. Шаймухаметова. – Уфа, 2005. – С. 194–203.
3. Тараканов М. Е. Ранние оперы Прокофьева. – М. – Магнитогорск: Гос. ин-т искусствознания, Магнитогорский муз.-пед. ин-т. 1996. – 199 с.

ПУЕРИЛИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Покачалов М.В.

доцент кафедры истории и культурологии, канд. культурологии,
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Россия, г. Москва

В статье характеризуются особенности пуерилизма как опасного явления в современном обществе. Анализируются взгляды нидерландского исследователя Й. Хейзинги, раскрывшего в своих работах культурфилософский смысл термина «пуерилизм». Приводятся актуальные примеры и оцениваются последствия пуерилистического поведения представителей мировой политической элиты и рядовых граждан.

Ключевые слова: пуерилизм, цивилизационный кризис, безответственное поведение, неспособность к критическому мышлению.

Нынешнее состояние мировой цивилизации можно охарактеризовать как кризисное. Кризис проявляется, прежде всего, в социально-политической и финансово-экономической сферах. Причины же его возникновения и характер протекания во многом объясняются не соответствующим вызовам времени интеллектуальным состоянием как причастных к принятию ключевых решений элит, так и народных масс. В частности, типичным и чреватым серьезными последствиями феноменом современности становится пуерилизм.

Нидерландский историк и культуролог Й. Хейзинга (1872–1945) под пуерилизмом понимал «позицию общества, чье поведение не отвечает уровню разумности и зрелости, которых оно достигло в силу своей способности судить о вещах» [2, с. 463]. При этом массы как образованных, так и необразованных людей демонстрируют ребяческое отношение к жизни. В основе описываемого явления, по мысли Хейзинги, лежит недостаток достоинства, уважения к другим и к иному мнению, концентрация на своей личности. Моральные убеждения теряют свою значимость, зато в полной мере проявляется духовная и интеллектуальная незрелость индивида. «Человек стоит посреди своего полного чудес мира как ребенок, даже как ребенок в сказке. Он может летать на самолете, разговаривать с другим полушарием Земли, получить лакомство из автомата, услышать по радио любую часть света. Он нажимает кнопку, и жизнь врывается к нему в дом. Может ли такая жизнь сделать его духовно зрелым? Совсем напротив. Весь мир стал для него игрушкой. Нет ничего удивительного в том, что он держится, как ребенок» [2, с. 470].

Важным является замечание Хейзинги о том, что в обществе, пронизанном духом пуерилизма, в отношении к серьезным вещам преобладают игровые инстинкты и приемы. «Ведь не редкость политические выступления ведущих деятелей, которые нельзя оценить иначе как злостные выходки озорных мальчишек», – пишет нидерландский исследователь [2, с. 470]. Здесь, пожалуй, весьма уместен пример дней сегодняшних. Поведение пре-

зидента США Барака Обамы и ряда других лидеров стран Запада (например, экс-премьера Австралии Тони Эбботта) в отношении президента России Владимира Путина со всей очевидностью имеет признаки подросткового озорства. В частности, допускаются весьма оскорбительные, а иной раз даже хамские словесные выпады, нарушающие элементарные этические нормы и провоцирующие соответствующую реакцию в российском социуме. Общим местом уже стал тезис о том, что Обамой движет стремление доказать Путину свое превосходство как политика, поэтому он переводит политическое противостояние двух держав в плоскость личного соперничества. Достаточно вспомнить наиболее значимые высказывания американского президента о нашей стране и ее лидере в последние месяцы (чего только стоит ставшая уже классикой фраза Обамы о том, что Россия изолирована, а ее «экономика разорвана в клочья»). Проблема в том, что в XXI веке при наличии серьезных глобальных угроз ребяческое и безответственное поведение главы все еще самого могущественного государства является весьма опасным для мира.

Пуерилизм, согласно Хейзинге, проявляется в потребности в банальных развлечениях, жажде грубых сенсаций, тяге к массовым зрелищам. «На несколько более глубоком уровне к ним примыкают: живой дух клубов с их разнообразной внешней символикой, формализованными жестами, лозунгами и паролями (салюты, возгласы, приветствия), маршировка, ходьба строем и т.д. В числе свойств, которые имеют еще более глубокую психологическую основу и также лучше всего группируются под термином «пуерилизм», – недостаток чувства юмора, неоправданно бурная реакция на то или иное слово, далеко заходящая подозрительность и нетерпимость к нечленам своей группы, безмерная преувеличенность хвалы или хулы, подверженность всякой иллюзии, если она льстит себялюбию или групповому эгоизму. Многие из этих «пуерильных» черт можно с избытком встретить в ранние культурные эпохи, однако в них совсем нет той массовости и жестокости, с которой они распространяются в общественной жизни сегодня». [2, с. 326]. Необходимо отметить, что Хейзинга анализировал истоки и проявления системного кризиса европейской цивилизации в 30-е годы прошлого столетия, однако данные им тогда характеристики весьма актуальны для нынешнего этапа всемирной истории. Стоит привести несколько примеров демонстрации представителями мирового истеблишмента черт пуерилистического по своей сути поведения.

Нынешнее руководство Украины вопреки национальным интересам и здравому смыслу на протяжении почти двух лет упорно вгоняет свою страну в архаику, активно уничтожая промышленный потенциал и разрушая выгодные торгово-экономические связи с Россией ради мечты стать частью престижных западных сообществ – ЕС и НАТО. В соответствии с этой «логикой» балансирующая на грани дефолта Украина, действуя точно в соответствии с поговоркой «назло бабушке отморожу уши», официально присоединилась к антироссийским санкциям.

Почти сразу после падения сбитого над Донбассом малазийского «Боинга» летом 2014 г. ведущие западные СМИ в едином порыве безо всяких на

то оснований обвинили в катастрофе Россию и ополченцев Юго-Востока Украины. Накал искусственно раздутой истерии и ненависти просто зашкаливал, а главным злодеем был публично объявлен непосредственно президент Путин, который, судя по заголовкам и карикатурам в зарубежной прессе, чуть ли не своими руками уничтожил лайнер. Демонизация противника, формирование о нем представления как об «абсолютном зле» – хорошо известный с древности пропагандистский прием. Тем более странно, что многие западные политики, сначала голословно обвинявшие Россию и ее лидера во всех смертных грехах в связи с событиями на Украине, позже как ни в чем не бывало неоднократно пожимали Путину руку в ходе многочисленных переговоров по самым разным вопросам, что выглядело весьма лицемерно.

Кстати, возвращаясь к ранее приведенной цитате из текста Хейзинги, стоит отметить, что именно на примере так называемой украинской «революция достоинства» можно оценить значение таких составляющих пуерилистического поведения, как внешняя символика (свастика на рукавах представителей националистических батальонов), формализованные жесты (нацистские приветствия), лозунги и пароли («Слава Украине» – «Героям слава»), маршировка, ходьба строем (факельные шествия по улицам Киева, Львова и других городов, а также знаменитое скакание на Майдане и в других местах под известную уже всем речевку).

Расстрел 7 января 2015 г. сотрудников французского сатирического журнала Charlie Hebdo, своими карикатурами систематически оскорблявшего чувства верующих, стал жестоким ответом фанатиков и экстремистов, не останавливающихся в своей мести ни перед чем. Это и другие события показали, что агрессивный инфантилизм ультралиберального меньшинства на Западе, присвоившего себе право на свободу без ответственности, ставит под удар жизни простых граждан благополучных, как еще вчера казалось, стран Европы.

Сегодня США и их партнеры по блоку НАТО своим поведением на политической арене все больше напоминают неразумных детей, заигравшихся со спичками. Вопрос В.В. Путина «Вы хоть понимаете, что вы натворили?», заданный на юбилейной Генеральной ассамблее ООН в сентябре минувшего года, был адресован некоторым представителям зарубежных правящих элит, пытающимся своим вмешательством в дела других стран «подпалить» существующее мироустройство. Присвоив себе право уничтожать целые государства и тысячи их жителей, провоцируя межрелигиозные и этнические конфликты, нищету и хаос, Запад не осознает, что делает своих собственных граждан заложниками непродуманной политики и мишенью террористических атак, подобных той, что случилась 13 ноября 2015 г. в Париже.

К числу более безобидных, если можно так сказать, проявлений политического ребячества стоит отнести некоторые не адекватные историческому моменту законодательные инициативы российских депутатов (покрасить Кремль в белый цвет, запретить Макдоналдс и хождение доллара и т.д.), а также поражающие своей регулярностью и бессмысленностью постоянные потасовки между депутатами украинскими.

Важно отметить, что в значительной степени пуерилистическое поведение и отношение к жизни у среднестатистического обывателя формируется под влиянием СМИ и интернета. Традиционные средства массовой информации с помощью многочисленных ток-шоу на любой вкус и аудиторию ежедневно удовлетворяют потребности миллионов людей в развлечениях, а сеть, по словам американского писателя Николаса Карра, «превращает нас в подопытных животных, постоянно нажимающих на нужные кнопки для того, чтобы получить очередную порцию социального или интеллектуального лакомства» [1, с. 125]. Кроме того, интернет создает у не способного к критическому мышлению пользователя иллюзию понимания сложнейших общественных процессов и явлений. Между тем необходимо осознавать, что не адекватное вызовам времени безответственное поведение и отношение к жизни представителей мировых политических элит и рядовых граждан может дорого стоить человечеству.

Список литературы

1. Николас Карр. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами [Текст] / Николас Карр. Пер. с англ. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. 256 с.
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хейзинга. Пер. с нидерланд. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 539, [5] с.

ЕКАТЕРИНА II И ОПЕРА В.А. ПАШКЕВИЧА «ФЕВЕЙ»

Половянюк И.А.

доцент кафедры истории музыки,

Уфимский государственный институт искусств имени Загира Исмагилова,
Россия, г. Уфа

В статье рассматривается актуальный вопрос влияния идейно-философских и политических деклараций императрицы Екатерины II, касающихся значения понятия императорской власти, на созданное царицей либретто оперы В. А. Пашкевича «Февей». Это способствует выявлению и осмыслению тенденций, влиявших на жанр оперы.

Ключевые слова: искусство, комическая опера, литература, монархия, отечество.

В период правления Екатерины II (1762-1796) искусство (литература, драматический и оперный театр) эпохи стало ареной мировоззренческой борьбы между сторонниками монархии и дворянской либерально-демократической оппозицией. Правительница государства принимала активное участие в полемике.

Перед русским искусством, в частности, драматическим и музыкальным театром встала проблема актуализации современного содержания, одной из ключевых тем которого был вопрос о власти. К подобной тематике обращались композиторы, написавшие оперы на типичные для классицизма античные сюжеты по либретто П. Метастазियो («Алкид» Д. С. Бортнянского) и М. В. Ломоносова («Демофонт» М. С. Березовского), ориентировавшиеся на

итальянские образцы жанра, В период правления императрицы Екатерины II выдвинулось новое поколение композиторов (В. А. Пашкевич, Е.И. Фомин), осознавших необходимость появления сочинений на актуальные национальные темы. Их оперы находились в русле тенденций эпохи. Императрица понимала необходимость привлечения творческой элиты на свою сторону.

Екатерина II, отстаивая занимаемую позицию просвещенного абсолютизма, считала необходимым декларировать ее как в государственных законах, так и в других видах деятельности. Она всячески стремилась подчеркнуть свою приверженность русскому языку. Царица изучала Православие, занималась историческими изысканиями («Записки касательно русской истории»), публицистической и литературной деятельностью. «Литература всегда оставалась для неё формой продолжения политики иными средствами», – отмечает литературовед Т. А. Морозова. Екатерина относилась к этому прагматично и опиралась на патриотические силы русского общества, следуя принципам политики Петра I [1, с.179].

Содержательная направленность искусства XVIII столетия стала предметом полемики, разразившейся в печати между представителями дворянства, отстаивавшими монархическую точку зрения (М.В. Ломоносовым, А.П. Сумароковым), и, с другой – сторонниками прозападного направления (В.К. Тредиаковским, А.Д. Кантемиром, Н.И. Новиковым), защищавшим национально-патриотическую позицию.

В своём «Наказе» депутатам царица утверждала, что «Мы хотим быть достойны любви Нашего народа». По ее мнению основой «общественной нравственности и действенности законов является любовь к Отечеству», способная консолидировать патриотические силы общества вокруг трона и укреплять империю. Продолжением этого важного документа стал указ «О воспитании», где государыня поясняла принципы, способствующие практическому претворению основных положений «Наказа»: учить детей своих страха Божия как начала всякого целомудрия; воспитывать в них любовь к Отечеству и т.п. [3, с. 355] На первое место правительница поставила традиционный для России примат воспитания, а не образования, поскольку вся эта система опиралась на представление о духовной и сословной иерархии, где первенствующее значение занимало дворянское сословие. Активный литературный процесс, сложившийся в России, она направляла в нужное ей русло, чтобы пробудить в сознании дворянства чувство ответственности за свои действия.

В памяти потомков правительница желала остаться «философом на троне», поэтому много писала в различных жанрах. Она активно занялась популяризацией своих идей в публицистике и издавала в течение двух лет журнал «Всякая всячина» (1769-1771), где печатала свои статьи. В жанре письма, эссе, заметки, в форме невинной болтовни, лёгкой, ни к чему не обязывающей шутилкой сатиры, под псевдонимом Правдолюбов Екатерина II во «Всякой всячине» стремилась разъяснить читателю некоторые аспекты своей внешней политики и призывала соотечественников к сотрудничеству в деле

исправления общих недостатков, используя дидактические и сатирические приемы [3, с. 354, 359, 365].

Понимая своим философским складом ума, какую роль в империи играет светское искусство, она хотела его средствами активно воздействовать на сознание современников. Главными причинами, побудившими правительницу государства взяться за перо, стала забота об укреплении идеологических прерогатив ее монархической власти и обоснования на основе летописных источников, идеи исконности самодержавной формы государственного правления. Свою концепцию, формирования идеальных отношений между народом и его правителями, она строила на своем индивидуальном понимании образа мышления и обычаев русских людей.

Консолидируя силы общества вокруг трона, Екатерина II писала не только статьи, но и пьесы для драматического театра («Начальное управление Олега»), а также оперные либретто («Февей», «Федул с детьми»). Музыка создавали придворные композиторы (В. А. Пашкевич, М. и Солер, К. Каноббио).

Отстаивая свою позицию в печати, Екатерина II использовала популярную на Западе формулу Горация «мешать полезное с приятным», получившую распространение в России, благодаря переводам романов

А. Прево, сделанным С. А. Порошиным. Последний называл два способа «проповедания» добродетели, сложившиеся в западноевропейской общественно-культурной традиции: один, когда «законодавцы» прямо поучают читателя, и другой, – более «приманчивый», когда нравоучение преподносится «в блистании прелестных одежд», чтобы «возбудить охоту и внимание в читателях» Этот последний принцип художественного воплощения идей, взяла за основу русская императрица [2, с. 2-3].

Изучив тенденции развития жанра дворянской комедии А. П. Сумарокова, имевшей общественно-воспитательное значение и направленной, против без идейной, развлекательной французской разновидности жанра, Екатерина II использует находки писателя в драматических сочинениях и либретто своих опер. Она пишет либретто в комическом жанре – самом популярном в период 60–70-х годов XVIII века на русской театральной сцене.

Опера В.А. Пашкевича «Февей» (1786) стала одним из ярких примеров произведения, отразившего позицию правительницы, поскольку в качестве автора либретто выступила сама Екатерина II. В связи с этим встал вопрос о взаимосвязи идей, отстаиваемых императрицей в литературно-драматических и публицистических произведениях, с замыслом либретто оперы «Февей», и его музыкальным воплощением композитором.

Несмотря на то, что опера комическая (имеет разговорные диалоги и развитые по форме музыкальные номера), ее главная идея – укрепление монархии и воспитание у юного поколения чувства любви к Отечеству, его нравственным и патриотическим устоям, – выходит за рамки жанра. Сочинение отражает не только развернувшуюся в театральном искусстве борьбу между комедией и трагедией, но, прежде всего, идейный конфликт между защитниками монархии и либерально-демократическими кругами, отстаива-

вавшими атеистические идеи классицизма, направленные на свержение законной власти.

Содержание оперы сводится к следующему: сын сибирского Царя Февей, видит сон (видение), в котором перед ним предстает облик прекрасной молодой девушки. С этого момента царевичем овладевает мысль отправиться путешествовать, посетить дальние страны и найти прекрасную незнакомку. Царь и Царица, узнав о желании единственного сына – наследника престола, покинуть отчий дом, пришли в замешательство и опечалились. Преданная им свита, представители дворянства (советник Царя Решемысль, барин-дворецкий Вулевполь, вельможи Оглед и Ледмер) и барыни (Мия, Ная и Тина), предприняли попытку отговорить Февея от этой затеи, доказывая ему, что он является наследником престола в прекрасной и богатой стране. Преданный Царю Решемысль предлагает правителю женить царевича на заморской царевне и тем самым удержать от опасного путешествия. Вторая сюжетная линия рисует сферу политической деятельности правителя и его взаимоотношений с другими народами, раскрывая неоднозначное отношение граничащих с государством народов (калмыков, татар-иностранцев) к Сибирскому царству. Татары стремятся использовать в своих корыстных интересах знакомство с царевичем, пытаясь уговорить его продать часть территорий, без ведома правителя государства.

Либретто оперы насыщено иносказательным смыслом, раскрывающим некоторые аспекты мировоззренческой и политической позиции императрицы, воплотив в символической форме ее взгляд на ряд важных государственных вопросов.

Символическое значение выполняют образы действующих лиц. Позицию Екатерины II воплощает образ Царя Тао и верное дворянство (придворные вельможи и барыни). Двойственную смысловую нагрузку несёт образ Царевича. Его позиция вызывает ассоциации с увлечениями наследника российского престола Павла западными учениями, тайными масонскими обществами, или, что представляется наиболее вероятным, современного молодого поколения из высшего общества западными учениями, ценностями европейской культуры, её стилем жизни. Соблазнительный и манящий облик такой цивилизационной модели олицетворяет Лийская принцесса Данна. Брачный союз с ней Февея предполагает изменение отношения к Сибирской державе заморской невесты (Западной Европы). Образ бесцеремонных калмыцких послов, требующих для себя льгот и привилегий, конкретизирует позицию депутатов-дворян от присоединенных к России новых земель и иностранцев (татар), стремившихся получить для себя как можно больше благ и отторгнуть часть территорий от страны.

Созданный облик благополучного Сибирского государства, управляемого Царем, заботящемся о благе и мирном сосуществовании своих подданных, выражает позицию императрицы: правитель – безгрешен, он должен радовать о благе Отечества, быть выразителем народной воли. Государю необхо-

димо видеть свою страну на высшей ступени благополучия, славы и спокойствия. Данную мысль утверждали в опере придворные барыни Мия, Ная и Тина (олицетворяющие идею любви к отечеству и верности государю и государыне). Именно им удалось остановить наследника престола от опрометчивого поступка – опасного путешествия в далекие страны. В их уста была вложена похвала достатку и благосостоянию страны.

Выражением нравственности и действенности закона, защищающего империю и народ, стали образы приближенных к правителю дворян Решемысля и Вулвполя, которые не только верой и правдой служили Царю, но и стояли на страже границ и соблюдения нравственных законов подданными. Ярким выражением этой мысли в опере является сцена царевича Февея с калмыцкими послами, пытавшимися склонить его к содружеству и попранию интересов правления отца-Царя и державы. Однако твердость патриотической позиции царевича, крепость его нравственных устоев (верность заповедям государя, послушание его воле, раскаяние в нарушении этих принципов – самовольное помилование иноземцев) оказались непоколебимы, а попытка опорочить наследника и предать его (татарами-иноземцами), была защищена войском, возглавляемым верными военачальниками.

Опера «Февей» Пашкевича представляет собой крупное по форме произведение, выходящее за рамки комической оперы, поскольку не только состоит из четырех действий (типична двухактная структура), завершающихся хоровыми сценами и развернутыми ансамблями: сцены Царевича с придворными барынями из 2 действия; приема Царем калмыцких послов из 3 действия, введение хореографических сцен (сон-видение Февея из 1 действия, калмыцкие пляски из 3 акта). Впервые в русской опере намечается интонационный конфликт европейское – ориентальное калмыки), противопоставляющий иноземное национально-русскому – европейскому. Углубляется и расширяется значение лирической сферы оперы, представленной характеристиками Февея и Царицы (светлого, оптимистического колорита дуэта с Царем, 1 действие), лирико-драматического строя с барынями, переживающими вместе с государыней, намеченный отъезд царевича (2 действие) и др.

Таким образом, опера «Февей» воплотила основные аспекты идейно-философской позиции Екатерины II и новаторское музыкально-драматургическое решение композитора Пашкевича, предвосхитившие расцвет большой оперы в XIX веке.

Список литературы

1. Морозова Т. А. «Что скажет потомство!» (национальное самосознание на поворотах истории: документы и публицистика 1730-1750-х гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М.: ИМЛИ РАН. 2005. С. 158-188.
2. Прево А. Философ аглицкий, или житие Клевелинда. Спб., 1760. т. 1. С. 2-3.
3. Русская литература XVIII века, 1700 – 1775: Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности №2101 «Рус. язык и лит.». М.: Просвещение. 1979. 447 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЫКИ И ЖИВОПИСИ: ПО СТРАНИЦАМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРУДОВ

Садуова А.Т.

старший преподаватель кафедры истории музыки, канд. искусствоведения,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Уфимский государственный институт искусств
имени Загира Исмагилова», Россия, г. Уфа

Хайдарова А.Г.

преподаватель музыкального отделения,
Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного
образования «Детская школа искусств № 3», Россия, г. Уфа

В статье обобщаются исследования по проблеме взаимодействия музыки и живописи.

Ключевые слова: музыка, живопись, перформанс, хэппенинг, видео-арт.

Музыка и живопись – два вида искусства, казалось бы, очень разных, и, безусловно, обладающих собственной спецификой. В то же время в них очевидны многогранные взаимосвязи, несмотря на то, что одно искусство «статично и неподвижно», а другое «динамично и развивается во времени» [2, с. 4]. Обратимся к исследованиям искусствоведов, музыкантов, освещающим вопросы взаимодействия музыки и живописи.

В. Ванслов обобщает и систематизирует вопрос о связи музыки и живописи в специальной монографии «Изобразительное искусство и музыка» [2]. Прослеживая историю изучения данного вопроса, он обозначает некоторые стадии. Первые исследования касаются изучения параллелей между творчеством художников и композиторов, близости образного содержания их произведений. Так, он приводит мнение В. Стасова, в статьях которого отмечается, что картины И. Репина и В. Верещагина, изображающие народные массы, близки массовым хоровым сценам в операх русских композиторов; а также проводится параллели между творчеством В. Перова и М. Мусоргского [там же, с. 42]. Ванслов называет книгу Т. Ливановой «Западноевропейская музыка XVII–XVIII веков в ряду других искусств» и статью «Музыка и живопись в Италии XVII–XVIII веков. (Некоторые сопоставления)», где рассматривается взаимодействие искусств в разных странах от Возрождения до Просвещения [там же, с. 5], и выявляется общность в развитии реалистических тенденций у К. Монтеверди и М. Караваджо, аналогии развития оперного творчества Д. Перголези, Д. Пуччини, Д. Паизиелло с полотнами П. Лонги, Ф. Гварди [там же, с.40].

На музыкальность некоторых картин Я. Вермеера, А. Ватто, Н. Пуссена, П. Рубенса, С. Рафаэля в 1960–1970 годы обращают внимание советские искусствоведы – Б. Виппер и М. Алпатов; картин венецианских живописцев, итальянского художника Д. Беллини, древнерусского живописца-иконописца А. Рублёва – исследователь В. Лазарев (приводится по: [там же, с. 111–112]).

Ванслов отмечает, что связи музыки и живописи, и шире – музыки и изобразительного искусства, не столь ярки по сравнению со связями музыки и поэзии, но осуществляются «в многообразных формах» [3]. Искусствовед определяет, что воздействовать может как изобразительное искусство на музыку, так и музыка на изобразительное искусство. Последнее проявляется в двух формах: «<...> в создании музыкальных произведений, вдохновлённых произведениями изобразительного искусства и стремящихся к музыкальному претворению их образов, к переводу этих образов из зримо-наглядного в эмоционально-звуковой план» и «в повышении в музыке значения категории изобразительности, живописности, картинности» [2, с 43]. Влияние же музыки на изобразительное искусство сказывается наоборот, «<...> в создании живописных произведений, вдохновлённых определёнными музыкальными произведениями и претворяющих звуко-эмоциональные образы в зрительно конкретные картины» и «в появлении и последующем возрастании в живописи категории музыкальности» [там же, с. 63].

К проблеме взаимодействия изобразительного искусства и музыки Ванслов обращается также в очерке «Музыка и изобразительное искусство», опубликованном в его книге «О музыке и балете» [3]. В ней он выделяет внешнюю и внутреннюю взаимосвязи. Остановившись на внешних взаимосвязях музыки и изобразительного искусства, Ванслов пишет, что в изобразительном искусстве нередко можно встретить сюжетные мотивы, посвящённые музыкантам, играющим на различных инструментах, сценам домашнего музицирования, концертам, оперным представлениям, а также портретам композиторов и исполнителей. Искусствовед справедливо замечает, что нередко подобные мотивы становятся единственным источником, «по которому мы узнаем, какие музыкальные инструменты существовали в те эпохи и как они употреблялись в быту отдалённых времён» [там же]. «Сегодня, – продолжает исследователь, – изобразительное искусство вторгается в сферу музыкальной жизни, участвуя в оформлении нотных изданий, обложек пластинок и дисков, в создании плакатов и афиш к концертам и музыкально-сценическим представлениям, в рекламе и в дизайне концертных залов и т.п.» [там же].

В то же время, учёный подчёркивает важность именно внутреннего сопряжения между двумя этими искусствами. «При определённых условиях они проникают друг в друга и даже могут вступать в некоторый художественный синтез» [там же]. Ванслов относит к примерам внутренних взаимосвязей программные музыкальные сочинения, вдохновлённые образами изобразительного искусства (например, пьесу «Обручение» Ф. Листа из цикла «Годы странствий» по одноименной картине Рафаэля) и наоборот, создание произведений изобразительного искусства под воздействием музыки (как, в частности, у О. Бёрдслея есть рисунок «Третья баллада Ф. Шопена») [там же]. К числу внутренних взаимосвязей искусствовед относит такие качества, как живописность музыки и музыкальность живописи.

Проблема взаимоотношения живописи и музыки высвечивается в «Преамбулах» Г. Рождественского [8]. В выступлении перед концертом, по-

священном «Живописи» Э. Денисова, он говорит, что данные виды искусства имеют различные способы взаимодействия. В их числе сюжетно-программная связь (музыкальные сочинения, созданные под впечатлением живописи и наоборот), близкие формообразующие принципы (законы построения фуги), технические аспекты процесса творчества в музыке и живописи, синопсия [там же, с. 129–132].

С научных позиций музыковедения к данной проблеме обращается Л. Казанцева. В частности, она пишет: «Способность видеть слышимое или слышать видимое, осязать и то, и другое порой позволяет творческой личности, мыслящей полихудожественно, органично реализовать себя в разных (но в его творчестве близких) видах искусства» [5, с. 245]. Казанцева обозначает несколько уровней проявления данной взаимосвязи: общность форм музыки и живописи (сонатная, циклическая), жанров (портрет, пейзаж и др.), графическое оформление нотного текста, синопсия [там же, с. 242–247].

Обобщая работы исследователей, можно сказать, что формы взаимодействия музыки и живописи разнообразны. Они могут быть выражены посредством синопсии, с помощью графического оформления нот, через использование жанров живописи в музыкальных сочинениях, в схожести некоторых средств музыкальной выразительности со средствами живописи. Непосредственная форма взаимосвязи живописи и музыки проявляется в программных музыкальных сочинениях, созданных под впечатлением произведений живописи.

С недавнего времени в музыковедении начинают исследоваться новые формы и виды современного искусства: перформансы (например, песочное шоу), хэппенинги, медиаискусство (мультимедийные композиции, видео-арт, к которым относят медиаоперы). В отличие от сценографии, создаваемой в процессе постановки уже готового сценического произведения (в том числе музыкального), в данных формах и видах современного искусства процесс создания видео-, хореографического-, музыкального- и иного ряда может осуществляться разнообразно. Например, составлять единую идейно-смысловую концепцию сочинения (подобно привычной театральной сценографии, переведённой на язык видеоряда) или создаваться непосредственно во время исполнения, каждый раз по-иному интерпретируя идею сочинения (произведения трансавангарда; создание песочных картин в таком виде перформанса как песочное шоу). Они всё чаще вызывают интерес современных композиторов.

Подобные произведения рассматриваются в диссертациях искусствоведов, культурологов, философов и других. Так, в исследовании философа Д. Булычёвой «Перформанс и хэппенинг как постмодернистские феномены постсоветской российской культуры: философский анализ» подробно анализируется культурная ситуация, оказавшая влияние на формирование перформанса и хэппенинга [1]. В диссертации «Искусство действия: Перформанс – художественное явление второй половины XX века» искусствоведа М. Катковой исследуется феномен перформанса, прослеживается его эволюция в отечественном искусстве [6]. Искусствовед Ю. Кривцова, рассматривая тему

«Перформанс в пространстве современной культуры», выявляет специфику текста перформанса как значимого компонента пространства современной культуры [7]. О видео-арте есть небольшие статьи справочного содержания в сети Интернет, например, на сайте Video performance & installation [4]. В них авторы ограничиваются небольшой историей жанра и краткими характеристиками таких видео-артов, как «ТВ-Будда» Н. Пайка, «Эшафот» И. Гюнтера, «Стрелки стреляют» А. Андерс.

Музыка и живопись имеют давнюю историю своего взаимодействия, потенциал их взаимообогащения и взаимовлияния не исчерпан. Произведения живописи продолжают вдохновлять творческих личностей на создание новых сочинений, участвуют в создании новых форм и видов искусства (мультимедийные композиции, перформансы и др.).

Список литературы

1. Булычёва Д.Ф. Перформанс и хэппенинг как постмодернистские феномены постсоветской российской культуры: философский анализ: автореф. дис. ... канд. философских наук. Астрахань, 2012. 24 с.
2. Ванслов В.В. Изобразительное искусство и музыка. Л.: Художник РСФСР, 1983. 400 с.
3. Ванслов В.В. Музыка и изобразительное искусство // URL: www.independent-academy.net/science/library/vanslov_kniga/tee2.html (дата обращения: 23.01.2016).
4. Видео Арт. Искусство наступившего будущего // URL: www.malbred.com/stati-pro-vidzheing/video-art.-iskusstvo-nastupivshego-buduschego.html (дата обращения: 23.01.2016).
5. Казанцева Л.П. Музыкальное содержание в контексте культуры. Астрахань: Волга, 2009. 360 с.
6. Каткова М.В. Искусство действия: Перформанс – художественное явление второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. 26 с.
7. Кривцова Ю.В. Перформанс в пространстве современной культуры: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ярославль, 2006. 24 с.
8. Рождественский Г.Н. Прембулы. М.: Сов. композитор, 1989. 304 с.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

Братухина Я.С.

студентка 4 курса кафедры культурологи исторического факультета,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

В данной статье авторы рассматривают публицистические произведения в рамках геокультурологии, как инструмент создания образов как в сознании самих путешествен-

ников, так и в сознании простых читателей, посредством публицистических произведений из рода путевых записок.

Ключевые слова: геокультурология, путешествие, путевые записки, Япония, географические образы.

Основные подходы к этой теме созвучны с идеями и концепциями сформировавшегося в последние годы научного направления геокультурологии. Путешествие в рамках теории геокультурологии рассматривается, как способ познать другую культуру, как источник формирования образа другой страны. Целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения его сознания, установок его поведения. В подобном смысле путешествие – это ключевой объект для географии и туризма, психологии, антропологии, культурологии и кросскультурных исследований.

Анализ путешествия как динамичного многоуровневого процесса в контексте пространства рассматривается в ряде работ отечественных геокультурологов, таких как например В.Л. Каганский и Д.Н. Замятин. В их концепции геокультура – это «Процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов» [1, с. 25].

Д.Н. Замятин формирует понятие путешествия. «Путешествие – это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств, человек расширяет пространство» [1, с.16].

Путешествие порождает свой собственный, индивидуальный образ, в него включены механизмы осознания и осмысления пространства. Вот поэтому путешествие и можно воспринимать еще как географический образ. Путешествие должно рассматриваться в зависимости от структуры соответствующих процедур наблюдения. Можно сказать, что путевые заметки или письма, составленные путешественником, также являются источником очень мощного географического образа. Надо отметить, что путевые заметки играют важную роль в постижении и открытии мира в целом. Можно сказать, что путевые заметки – это отдельный литературный жанр, благодаря которым путешественник выделяет особенности менталитета, передает эмоции от увиденного и наконец создает неповторимый образ явления или какой то страны.

Путевые заметки не заметные при жизни их создателя, могут скрыто существовать долгое время, не оказывая сильного влияния на геокультурную панораму. В связи с этим мы и обратились к текстам до некоторой степени забытым современным читателем заметкам о Японии, журналиста Всеволода Владимировича Овчинникова. Это – советский и российский журналист и писатель, один из ведущих советских послевоенных журналистов-международников. На протяжении почти сорока лет он был корреспондентом и политическим обозревателем газеты «Правда». В настоящее время Всеволод Овчинников является обозревателем «Российской газеты». В числе его книг «Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы)», «Корни дуба (Впечатления и размышления об Англии и англичанах)», «Горячий пепел

(Хроника тайной гонки за обладание ядерным оружием)». За эти книги в 1985 году он был удостоен Государственной премии СССР. Что же касается «Ветки сакуры», то это очерк о Японии, глазами советского корреспондента, то как он видит быт, уклад жизни этой непростой страны.

Автор отмечает все нюансы, от природной красоты до тонких струн характера и менталитета японцев. Но образ Японии начинается с ее природы. «Япония – это прежде всего страна гор. Их всегда видишь на горизонте, даже находясь посреди самой большой равнины... На небольшой территории Японии можно увидеть природу самых различных климатических поясов. Бамбук, склонившийся под тяжестью снега, – вот символ того, что в Японии соседствуют север и юг» [1, с.19].

Удивительная многоликость и неоднозначность японской культуры определена природой, ее ландшафтом и климатом. «...Сочетание муссонных ветров и субтропических широт сделало Японию страной своеобразнейшего климата. Даже первая гроза, даже самый сильный тайфун приходится, как правило, на определенный день года», – размышляет автор [3, с.24]. Японцы находят радость в том, чтобы не только следить за этой переменной, но подчинять ей ритм своей жизни. Существует даже своеобразное определение японской культуры как «фольклора четырех времен года». Автор сравнивает японский национальный характер с бамбуковым стеблем: «он гибок и строен одновременно» [3, с.29]. В тексте Овчинникова мы находим многочисленные описания поведенческой психологии японцев.

Обращаясь к традиционным чертам японского национального характера автор отмечает тоже самое, что и все путешественники в Японии. Но при этом он тонко подмечает границы этой вежливости. «...Но посмотрите вслед японцу, который, только что церемонно раскланявшись с вами, вновь окунается в уличную толпу. Он прокладывает себе дорогу в людском потоке, совершенно не обращая ни на кого внимания. До тех пор пока прохожие на улице или пассажиры в вагоне остаются незнакомцами, японец считает себя вправе относиться к ним как к неодушевленным предметам. Японская учтивость ограничивается областью личных отношений и отнюдь не касается общественного поведения – для каждого, кто приезжает в Японию, легче открыть это противоречие, чем докопаться до его корней...», – этими наблюдениями автор – путешественник развенчивает общепринятые утверждения о Японии [3, с.45]. Но несмотря на свой журналистский опыт, Овчинников остается именно советским корреспондентом. И в его сознании существуют как бы две Японии, одна страна это красочная страна, с вежливыми людьми, цветущей сакурой, красивых женщин. Но не будем забывать о воспитании советских людей, об их сознании, о том как учили воспринимать мир за «железным занавесом».

В книге не раз говорится о том, что Япония – это капиталистическая страна. «...И еще: не будем забывать, что Япония, как и всякая капиталистическая страна, делится на противоборствующие классы. Широкие народные массы – именно им, этим массам, принадлежит будущее, и именно они воплощают в себе черты национального первородства, хотя и на их сознание, на их психику оказывает свое губительное, уродующее воздействие строй

эксплуатации и угнетения...», – читаем мы у автора [3, с.58]. Он восхищается Японией, но тут же отмечает что это капиталистическая страна, и далее образ таинственной экзотической страны трансформируется, находясь в зависимости от идеологии и традиций путешественника. И рождается абсолютно новая Япония, непохожая ни на какую из множества, это Япония Всеволода Овчинникова, со всем своим многообразием. Литературные заметки это не просто публицистический жанр, а глубокое постижение и понимание иной культуры, психологизма, тонких черт менталитета, которое требует дальнейшего исследования в контексте геокультурологии.

В тематике представленной статье невозможно раскрыть все грани проблемы одновременно. Читая путевые заметки, мы сможем проникнуть в самую суть возникновения географических образов. Почему человек создал для себя именно такой образ, почему не по-другому? В прочтении этих глубоких смыслов между строчек и заключается потенциал методов геокультурологии. Путешествие в контексте геокультурологии, это не просто описание ландшафта, быта и национальных праздников. Путешествие – это духовная деятельность по постижению чего-то нового, ранее не известного, того что изменяет жизнь человека, выводит его за грань обыденности, гармонизирует его отношение с природой, людьми и самим собой.

Авторы писавшие о Японии в советский период истории нашей страны, несмотря на идеологические взгляды и принципы, оставили свою главу в создании образа Японии. Они составили своего рода путевые направления, по которым мы уже можем направлять свои поиски. Некая карта, кусочек которой конечно мы открываем в каждом исследовании. Но роль первых людей, которые начали создавать образную карту Японии и японской культуры, остается за В. Овчинниковым, Б. Пильняком и Д. Гранином.

Список литературы

1. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб, 2003. – 331 с.
2. Замятин Д.Н. Мета-география: Пространство образов и образы пространства. М., 2004. – 512 с.
3. Овчинников В.В. Ветка Сакуры, Молодая Гвардия, 1975. – 288 с.

ОБРАЗ КАК ПУТЕШЕСТВИЕ В РАМКАХ ГЕОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Худяков К.С.

студент 1 курса магистратуры «Корпоративная антропология в образовании»,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

Братухина Я.С.

студентка 4 курса кафедры культурологи исторического факультета,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Россия, г. Пермь

В статье авторы рассуждают на основе теории геокультурологии о создании образа путешествия как некоего конструкта сознания, который позволяет расширить границы понимания нашего мира.

Ключевые слова: гуманитарная география, геокультурология, образ, путешествие, пространственность, географический образ.

В начале XXI в. В гуманитарных науках выделилось научное направление – гуманитарная география. Понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». В отличие от культурной географии, гуманитарная география:

1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств;

2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук;

3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструкторов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

Одним из основоположников гуманитарной географии в отечественной науке является Д.Н. Замятин.

По Замятину, геокультура – это «процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов» [1, с.57]. По мнению ученого, каждая культура «коллекционирует определенные географические образы», приобретая в свою очередь те или иные образно географические конфигурации.

Важно подчеркнуть трактовку Замятиным понятия путешествия: «Путешествие – это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств, человек расширяет пространство» [1, с.60].

Так же Д. Н. Замятин вводит понятие географического пространства. Потому что пространство Земли не является географическим пространством, в полном понимании этого понятия: «географическое пространство – это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства, т.е. его географизации. В ходе осмысления земного пространства выделяются и формируются наиболее важные и решающие образы и стереотипы восприятия пространства. Это очень емкие, зыбкие и изменяющиеся образы» [1, с.72].

В основе понятия географического пространства автор выделяет процессы создания пространственности и опространствления. Создание пространственности, согласно теории Замятина, связано с принципиальным изменением человеческого восприятия. Все способы восприятия, особенно зрение, становятся нацеленными на фиксацию расстояний и дистанций до наблюдаемых объектов и событий.

Путешествие, как говорит Замятин, «Путешествие порождает свой собственный, индивидуальный образ. Концепт путешествия – один из классических географических образов. Вот поэтому путешествие и можно воспринимать как отдельный географический образ» [2, с.35].

Д.Н. Замятин говорит о путешествии, как о способе создания целенаправленных географических образов, в структуре которых доля чисто прикладных элементов и связей может быть в значительной степени уменьшена. Замятин подчеркивает, что в то же время роль и значение культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей может быть резко увеличены, что часто ведет к большей «выпуклости», рельефности, более сложной морфологии самого образа местности, страны, региона, через которые пролегал путь. И поэтому, структура географического образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников может быть оценено с точки зрения и мощи, и яркости самого возникающего по ходу путешествия географического образа.

Путешествие также может выступать как своеобразный географический образ, тщательно продуманное, строго целенаправленное путешествие представляет собой сложную систему географических образов. Как пишет Д.Н. Замятин в своей статье «Феноменология географических образов» в географических образах, у путешествий постоянно происходят смещения различных образных слоев по отношению друг к другу, вытеснение некоторых старых слоев и появление новых. Часть старых слоев как бы срезается новыми. Так и формируется своего рода целые образные карты.

Так же Замятин говорит о том, что «путешествие должно рассматриваться прежде всего в геокультурологическом контексте, при этом оно прямо зависит от структуры соответствующих процедур наблюдения [2, с.36]. Географические образы путешествий создают, фактически, самостоятельный тип географических образов, который автор называет «трансграничными географическими образами». Это географические образы, которые заранее моделируются на различных уровнях восприятия и осмысления, а само путешествие мыслится как «безразмерный, и в то же время, единственной возможный способ адекватного представления, географических знаний и информации».

В процессе путешествия, человек двигается в неизвестном для него раннее географическом пространстве, и его восприятие так или иначе создает различные географические образы, отсюда можно сделать вывод что географическое пространство – это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства

Создание пространственности, по рассуждению исследователя связано с принципиальным изменением характера человеческого восприятия [3, с.86-88]. Все каналы восприятия, особенно зрение, становятся нацеленными на фиксацию расстояний и дистанций до наблюдаемых объектов и событий. По существу, отношение к объектам и событиям формируется самой дистанцией наблюдения. Изменение дистанции меняет характеристику события и даже само событие. Все события понимается как развитие пространства, как пространственность сама по себе. Пространство сочувствует бытию, бытие чувствует себя в пространстве и пространством.

Создание же опространствления «это процесс выработки сознательной позиции, позиционирование по отношению к наблюдаемому пространству,

результат опространствления–возникающая феноменология земного пространства [3, с.89-92].

В ходе опространствления вырабатываются особые приемы, направления наблюдения, позиции взгляда, способы оконтуривания объекта наблюдения, помогающие превращению пространства в определенный феномен. Различные события, сама жизнь понимаются как выстраивание пространственных контекстов, как рождение и взаимодействие уникальных географических пространств. Таких географических пространств много, они развиваются, налагаются друг на друга, взаимодействуют друг с другом – будучи продуктами различных опространствлений, на разных уровнях понимания пространственности.

Путешествие отличается особой интенсивностью движения. Окружающее путешественника пространство постоянно им фрагментируется и рщепляется. Пространство становится «пазловым». Но эти пространственные «пазлы» одновременно образуют вязкую среду, сквозь которую держится путь. Движение возможно с некоторым сопротивлением, уплотняющееся самим путешественником пространство как бы сопротивляется ему. Путешественник видит объемные «кубы» пространства, которые он раздвигает своими собственными образными усилиями. Мы же можем сказать, что путешествие способствует самоорганизации образов пространства. Движение человека происходит одновременно в реальном и образном пространствах. Чем интенсивнее его движение, тем более взаимосвязанными становятся эти пространства. Вершина, идеал путешествия – это отождествление реального и образного пространства, рождение – образа самого путешествия [1, с.123].

Концепт путешествия – один из классических географических образов. Но географический образ путешествия уникален – в отличие от других географических образов в него включены механизмы осознания, осмысления пространства; внутри него есть собственный «двигатель». Поэтому путешествие, само по себе, «географический метаобраз».

Будучи принципиально важным для понимания особенностей и закономерностей моделирования географических образов вообще, Замятин предполагает также исследование образно-географической специфики самих путешествий как таковых – иногда даже вне зависимости от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи уместно выделить три основных аспекта в системе путешествия (концепт путешествия–географический образ: 1) специфика географических образов путешествий, 2) структуры географических образов путешествий и 3) трансграничные географические образы.

Путешествие само по себе может быть масштабной и очень тонкой структурой географического образа. Тщательно продуманное, строго целенаправленное путешествие представляет собой сложную и разветвленную систему генетически родственных географических образов [1, с.97]. В географических образах путешествий постоянно происходят смещения различных образных слоев по отношению друг к другу, вытеснение некоторых старых слоев и появление новых. Часть старых слоев как бы срезается новыми, а са-

ми слои «могут выстраиваться лесенкой» характеризуя образное восхождение самого путешественника. Замятин это явление называет образным калейдоскопом.

Такой процесс, похож на описанный французским этнологом Клодом Леви-Стросом в структурном анализе мифов «бриколаж». Он пишет об явлении следующее: Ни одна версия определенного мифа не является истинной, лишь вместе они образуют полное образное поле мифа [4, с. 96].

Итак, путешествие как акт репрезентации и интерпретации может рассматриваться в геокультурологическом (культурно-географическом) контексте, и при этом оно напрямую зависит от структуры соответствующих процедур наблюдения.

Иными словами образ, сформированный в путешествии, можно сопроводить следующей метафорой – «кольца дерева». Каждое кольцо – это образ определенного путешествия, он никуда не пропадает и не исчезает. Он находится в структуре цельного образа всех путешествий каждого исследователя. Такое прочтение образа основано на постмодернистской парадигме, согласно которой каждый образ – это текст, который не обладает законченностью и принимает в себя новые тексты. Массово-коммуникативные тексты существуют как гипертексты, которые цитируются, но не открыто, в сфере масс-медиа они получают новые смысловые оттенки.

Список литературы

1. Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Ойкумена, 1999. – 287 с.
2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география [Текст] / Д.Н. Замятин // Социологический вестник. – 2010. – №3. – С. 35-39.
3. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. – 187 с.
4. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. – 384 с.

КИНОИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧИНЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Цицишвили Ю.Г.

старший преподаватель кафедры звукорежиссуры, канд. искусствоведения,
Краснодарский государственный институт культуры, Россия, г. Краснодар

В данной статье рассматриваются особенности киноинтерпретаций произведений Ф. М. Достоевского с точки зрения исторического и национального контекста.

Ключевые слова: драматургия, киноинтерпретация, кинематограф, литературный первоисточник.

Первая волна интереса к процессу киноинтерпретирования произведений Достоевского наметилась в первой четверти XX века, что было связано с господствующим в то время экспрессионизмом, ведь произведения Достоевского как нельзя лучше способны были отразить этот дух.

Первый экспрессионистский фильм «Кабинет доктора Калигари» был поставлен в 1919 году режиссером Робертом Вине, а уже в 1922 году он снял киноверсию «Преступления и наказания», назвав ее «Раскольников». В картине Раскольников – не философ или мыслитель, он душевнобольной, терзаемый видениями и галлюцинациями, все действие происходит в форме гротеска. Множество более поздних экранизаций пошло по другому пути, став примером *«использования фабулы “Преступления и наказания” для чисто уголовных, полицейских фильмов с проповедью элементарной мещанской морали»* [1, с. 8].

Французский кинематограф также обращался к творчеству великого русского романиста. Киноинтерпретации «Идиота» (1946) и «Преступления и наказания» (1956) режиссера Жоржа Лампена изображают русскую жизнь *«в том стиле, который хорошо знаком парижанам, посещающим русские рестораны»* [1, с. 14]. Стремлением выполнить обывательские заказы, угодить зрителю отличается и французская драма «Игрок» режиссера Клода Отана Лара (1956). По мнению критиков, роль Алексея Ивановича, исполненная Жераром Филиппом *«едва ли не самая печальная неудача великого актера»* [1, с. 15].

Итальянский кинематограф активно экранизировал русских классиков в послевоенные 40-е и 50-е годы. Эта тенденция связана с развивавшимся в тот период неореализмом, согласно которому кинематограф обращался к изображению жизни в ее естественном течении.

В фильме «Белые ночи» реж. Л. Висконти (1957), наряду с изменением времени и места действия, присутствует смена ролей главных действующих лиц. В киноверсии Мечтатель (Марио) и Настенька (Натали) словно поменялись местами: Марио гораздо рассудительнее, «приземленнее» своего литературного прототипа, он не способен на бескорыстную самоотдачу. Натали же, наоборот, выглядит в фильме отрешенной мечтательницей, не вписывающейся в жизненную повседневность.

Авторская трактовка «Белых ночей» Р. Брессона (1972) существенно отличается от фильма Л. Висконти. Применяв такой же художественный прием, как и итальянский режиссер – изменение времени и места действия (Франция семидесятых годов прошлого века), Брессон пропагандирует принципиально иную идею – стремление к мечте, надежде и вере в возможное счастье.

Л. Белова считает, что лучшей, вплоть до восьмидесятых годов двадцатого столетия, в мировом кинематографе экранизацией Достоевского оставался «Идиот» А. Куросавы, режиссера, которого исследователи называют одним из величайших гуманистов кинематографа [1, с. 37]. Видоизменяя сюжетные мотивировки романа, Куросава чутко воспроизводит все оттенки и психологические нюансы произведения Достоевского, чем вызывает одобрение и похвалу советских критиков.

Польский кинематограф нечасто обращался к творчеству великого романиста, но каждый раз эти немногочисленные работы заслуживали внимание зрителя, высокие оценки критиков и жюри кинофестивалей. Общей явля-

ется тенденция польских режиссеров-интерпретаторов к нетривиальной, оригинальной трактовке классики. Стоит отметить двенадцатиминутный короткометражный мультипликационный фильм «Кроткая» (1985), снятый в «гипсовой» технике, и тридцатиминутный мультипликационный фильм-фантазию «Преступление и наказание» (2000) Петра Думалы, которые стали триумфаторами различных фестивалей альтернативного искусства.

Советский кинематограф оставил внушительное наследие из киноинтерпретаций произведений Достоевского. Режиссер И. Пырьев увлекся творчеством великого писателя в достаточно зрелом возрасте, однако на счету режиссера киноинтерпретации романов «Идиот» (1958), «Братья Карамазовы» (1969) и повести «Белые ночи» (1959). По мнению критиков, «Братья Карамазовы» – самая удачная работа Пырьева, ведь фильм «Идиот» так и не был снят полностью.

Драма «Братья Карамазовы» стала последней не только в творчестве, но и в жизни И. Пырьева, вызвав в большинстве своем исключительно восторженные отклики зрителей. Лишь некоторые критики, в частности, В. Кожинов, указывали на ее психологически-бытовой оттенок, без оттенка мистерии, присутствующей у Достоевского [2, с. 38]. Отмечали и недостаточно проработанный и поэтому оставшийся в некоторой тени образ Алеши в исполнении Андрея Мягкова. Такая трактовка во многих аспектах далека от идейного замысла Достоевского, в котором Алеша является центральным персонажем романа, своего рода посредником между остальными героями – от Илюшечки до старца Зосимы.

Черно-белую двухсерийную драму «Преступление и наказание» (1969) по одноименному роману снял режиссер Л. Кулиджанов. Трактовка произведений Достоевского Кулиджановым и Пырьевым, а также сама подача материала существенно отличается. Аналитический взгляд, строгость, графичность, сосредоточенность, лаконичность преподнесения Кулиджанова во многом противопоставляется эмоциональности, бунтарскому духу, возможно, некоторой прямолинейности героев Пырьева.

Современный российский кинематограф в период с 2000 года представил зрителям большое количество различных по уровню мастерства и глубины трактовки киноинтерпретаций произведений Достоевского, в основном, в жанре телевизионного сериала («Идиот» (2003), реж. В. Бортко, «Братья Карамазовы» (2009), реж. Ю. Мороз, «Преступление и наказание» (2007), реж. Д. Светозаров, «Бесы» (2006), реж. Ф. Шультесс и др.). Возможно, такое увлечение интерпретацией классики связано с назревшим к этому периоду «кризисом идей» в массовом искусстве, проявившемся в острой нехватке новых оригинальных сюжетов.

В зависимости от страны, которой принадлежит киноинтерпретация, можно наблюдать те или иные манипуляции с литературной классикой. Так, например, для французских и немецких фильмов для усиления общего драматизма характерно пристрастие к изображению кровопролития, смертей («Игрок», реж. Л. Дакен, «Игрок», реж. К. Лара). Голливудские киноверсии («Преступление и наказание», реж. Дж. Штернберга), наоборот, тяготеют к

тенденции смягчения трагизма в финале, что продиктовано американской традицией «happy end».

Несмотря на различную национальную принадлежность (фильмы по Достоевскому есть в итальянском, английском, французском, американском, японском, немецком, польском и даже индийском кинематографе), авторы киноинтерпретаций стараются избегать иллюстративного подхода, который вносил бы дисгармонию и не смог бы отразить специфику многоголосного, идейно устремленного текста литературного первоисточника.

Список литературы

1. Белова Л. И. Русское слово на зарубежном экране. М.: Знание, 1980. №3/80. 56 с.
2. Беляев В. С., Мачарет, А. В. Книга спорит с фильмом. М.: Искусство, 1973. 264 с.

«НА МОГИЛЕ РЕБЁНКА» И «МОТЫЛЁК» СЕРГЕЯ БОРТКЕВИЧА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОВСЕДНЕВНЫЙ МОДУСЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЕРОЕВ

Шефова Е.А.

старший преподаватель кафедры музыкальной подготовки и социокультурных дисциплин, канд. искусствоведения, Институт культуры и искусства, Липецкий государственный педагогический университет, Россия, г. Липецк

В статье сопоставляются пьесы с онтологическим и повседневным модусами существования. На примере двух миниатюр из цикла «Музыкальные картинки по сказкам Г.Х. Андерсена» ор. 30 композитора-эмигранта Сергея Эдуардовича Борткевича показываем трансформацию смысла мотива смерти. Подчеркивается новаторство композитора, выражающееся в смелом решении ввести в детскую музыку разнообразные акценты столь специфического образа, наделённого двойным значением.

Ключевые слова: модус, фортепианный детский альбом, онтологический, повседневный, Г.Х. Андерсен, сказка, смерть.

В мировой литературе существует немалое количество сказочных сюжетов, но далеко не каждый из них способен сохранить актуальность в течение нескольких историко-культурных эпох. «Сказочная поэзия – считал Л. Брауде, – обширнейшее царство, которое простирается от сочащихся кровью могил древности до наивного детского альбома. Она охватывает и народное творчество, и литературные произведения, она является представителем поэзии всех видов, и мастер, овладевший этим жанром поэзии, должен уметь вложить в него трагическое, комическое, наивное, ироническое и юмористическое» [2, с. 74].

Сказанное относится к творчеству Г.Х. Андерсена. Его сказки на протяжении многих лет поражают глубиной и универсальностью заложенных в них значений и символов, вдохновляют композиторов разных школ и направлений. Среди них выделяется имя русского композитора-эмигранта Сергея Эдуардовича Борткевича (1877-1952). Оставаясь русским, что осо-

бенно подтверждено его обеими симфониями, фортепианными концертами, творчество композитора предстало связующим звеном между западной культурой и Россией. В детском альбоме «Музыкальные картинки по сказкам Г.Х. Андерсена» оп. 30 данная особенность выразилась в восприятии русским человеком западных сюжетов и идей в свете христианской антропологии – целостного учения о человеке «в его отношении к Богу, миру и самому себе» [5, с. 27-28], вопроса жизни и смерти, суетного отношения к себе и миру, Промысла Божьего и любви. Цель настоящей статьи заключается в попытке анализа миниатюр «*На могиле ребёнка*» и «*Мотылёк*» с позиций модусов существования героев – онтологического и повседневного.

Большинство (семь из двенадцати) музыкальных картинок отсылают исполнителя к сюжетам, так или иначе затрагивающим тему *Смерти*, которая в христианском опыте, по мнению Андрея Кураева, «есть часть опыта жизни» [4]. Способность «осмыслить свою смерть и пройти через неё» [там же] есть сокровища, подаренные христианством человечеству.

Акцент на теме *Смерти*, сделанный Борткевичем в оп. 30, во многом был продиктован эпохой трагической. Появление в русской детской музыке пьес, по содержанию связанных с образом *Смерти* для детской музыки факт знаменательный, хотя и совершенно не освещённый музыковедами. Достаточно напомнить пьесы из альбомов А. Копылова, Ц. Кюи, П. Чайковского. Борткевич продолжил поиски в этом направлении. Особенно следует подчеркнуть его новаторство, выражающееся в смелом решении ввести в детскую музыку разнообразные акценты столь специфического образа, который композитор нередко наделял двойным значением.

Для очевидца трагических событий века XX, понимание *Смерти* несло, используя терминологию М. Хайдеггера, «экстремальный опыт», символизирующий способ перехода из «состояния забвения бытия в более просветлённое и беспокойное состояние сознания бытия» [цит. по: 5, с. 19]. Данное положение является значимым в решении проблемы отношения человека к собственной кончине. Так, истории Г.Х. Андерсена «*Мотылёк*» и «*На могиле ребёнка*» являются образцами *повседневного* и *онтологического* модусов существования человека, что выражается в изображении существенного различия между смертью, например, животного и кончиной человека. «Для животного его смерть бессмысленна, потому что само животное не может понять смысла жизни» [4]. Человек же во всём видит, а главное, ищет смысл, и стремление осмыслить *нечто* означает «применить к этому феномену какую-то более высокую шкалу ценностей. Смысл всегда выше того, что оценивают с помощью смысла» [там же].

События сказок «*На могиле ребёнка*» и «*Мотылёк*», особенно в их сопоставлении, резко бросаются в глаза своей непохожестью смертей героев. В обоих примерах проявилась тенденциозная неодинаковость модальностей существования человека, которые учёные определили как модусы *повседневного* и *онтологического* [см.: 6].

Оба этих направления внутри детского фортепианного цикла имеют «различные способы организации материала и различаются построением художественной структуры» [7, с. 123]. История «*На могиле ребёнка*» представляет траурный марш, с характерными жанровыми признаками:

- параллельного воздействия медленного темпа и минорного лада;
- хоральной фактуры;
- сохранения контрастности образов: полной драматизма реальности начальной темы противопоставлен мажорный эпизод;
- усиления трагедийности к концу сочинения, за счёт привлечения приёма «тихой кульминации».

Смерть, воспринятая через размеренное движение траурного марша с его хоть и кратковременным, но просветлением во второй теме приобретает то рациональное спокойствие, которое, по мыслям отцов церкви, должно сопровождать её (Нотные примеры 1, 2).

С. Борткевич
"Музыкальные картинки
по сказкам Г.Х. Андерсена" оп.30 №8
"На могиле ребёнка"

Tempo di marcia funebre

С. Борткевич
"Музыкальные картинки по сказкам
Г.Х. Андерсена" оп.30 №8
"На могиле ребёнка"

Сказка Андерсена «На могиле ребёнка», на фоне звона небесных колоколов и восхода солнца, заканчивается жизнеутверждающим восклицанием «Божья воля всё направляет к лучшему!», тем самым обнажая мотив Промысла, который, по словам преподобного Иоанна Дамаскина, «есть Божие попечение о существующем» [2, с. 29].

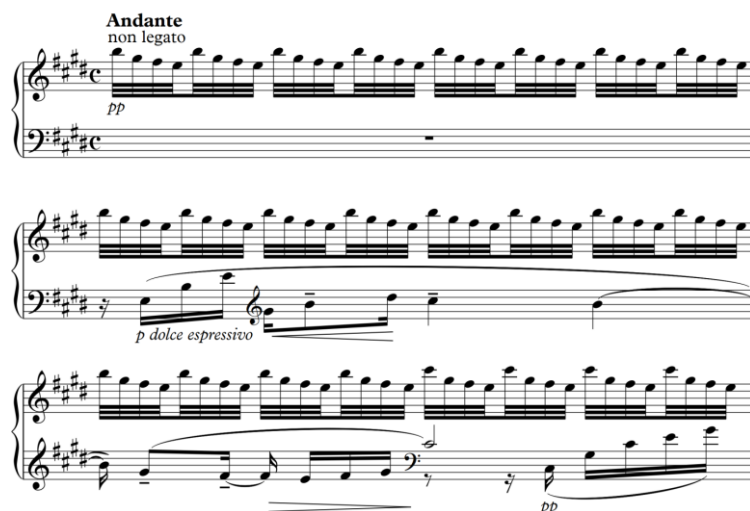
Общий колорит миниатюры Борткевича, напротив, гораздо пессимистичнее оригинала – небесный колокол Г.Х. Андерсена сменился погребальным Борткевича. Последнее проведение темы звучит в низком регистре несколько приглушённо (*una corda, ppp*) и воспринимается как знак предопределения (Нотный пример 3).

Таким образом, траурный марш выступил музыкальным выразителем **онтологического** модуса существования человека во многом благодаря своему качеству *вневременности*, которая обеспечила ему особую роль в жанровой иерархии.

Теперь перейдём к вопросу, раскрывающему особенности художественного воплощения модуса **повседневного** существования героя. Беспечность и беззаботность *Мотылька* из одноимённой миниатюры Борткевича в контексте сказки Г.Х. Андерсена отождествляется с праздностью, которая представляет одну из форм внешнего проявления уныния. Страстная озабоченность героя поиском жены, желание непременно обрести счастье и в то же время невозможность получить всё сразу раскрывает его неспособность действовать, бороться за обретение смысла в своей жизни.

Ауру мира праздности композитор создал простыми, но действенными приёмами. Прежде всего, это касается мелодии. Её главные элементы – восходящее движение по звукам трезвучия, секвентные сопоставления гармонического мотива, начало фразы со слабой доли – создают изумительный рисунок траектории порхающего в воздухе *Мотылька*. Кроме того, сама мелодия покоится на мягком аккомпанементе, складывающемся из фигураций тридцать вторыми длительностями, также имитирующими лёгкую дрожь крылышек (Нотный пример 4).

Середина пьесы не создаёт особого контраста, но несёт в себе новую

музыкальную идею погружения героя в мысли о себе. Прежде всего, это выражено в смене жанровой основы: моторно-пластическое уступает место речевому, которое на протяжении периода проявилось одновременно в двух своих наклонениях декламационном и речитативном [1, с. 156] (Нотный пример 5).

С. Борткевич
"Музыкальные картинки
по сказкам Г.Х. Андерсена" ор.30 №9
"Мотылёк"

L'istesso tempo

По началу, реприза не предвещает ничего плохого. Но пылкие размышления *Мотылька* в конце репризы внезапно обрываются резким диссонансным созвучием тритона и чистой квинты. Этот момент композитор пояснил ремаркой «*pronзённый булавкой*» (Нотный пример 6).

С. Борткевич
"Музыкальные картинки
по сказкам Г.Х. Андерсена" ор.30 №9
"Мотылёк"

Пронзённый булавкой
Pierced with a pin

Таким образом, реализация мотива *смерти*, несмотря на кажущуюся смысловую общность, получила различное музыкальное воплощение. Новаторство композитора, выразилось в смелом решении ввести в детскую музыку разнообразные акценты столь специфического образа, наделённого двойным значением.

Список литературы

1. Арановский М.Г. Структура музыкального жанра и современная ситуация в музыке. М.: Советский композитор, 1987. Вып. 6. С. 5-44.
2. Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208 с., ил.
3. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. М.: Сретенского монастыря, 2006. 56 с.
4. Кураев А.В. Православное понимание смерти. URL: http://mlado.org/modules/myarticles/article_storyid_406.html (дата обращения: 2014.05.20).
5. Новиков Д.В. Христианская антропология // Человек, 2000. № 5. С. 27-37.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2013. 460 с.
7. Шефова Е.А. Поэтика фортепианного детского альбома в творчестве композиторов русского зарубежья: дисс. ... канд. искусствоведения. Тамбов, 2015. 221 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 1-6

Периодический научный сборник

по материалам

*X Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2016 г.*

Подписано в печать 11.02.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ 30.
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а